

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2013
№ 2 (29)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

◆ Экономика
◆ Политика
◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Е. П. Жариков,
С. Д. Князев, А. И. Коробеев, В. С. Кузнецов, Ли Се Ун, Пак Ноенг,
В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина, Дэниел Снайдер,
Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2013
№ 2 (29)**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
Дальневосточный федеральный университет
Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 226-73-54

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2013

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin, E.P. Zharikov, S.D. Knyazev,
A.I. Korobeev, V.S. Kuznetsov, S.U. Lee, N. Park, V.F. Pecheritsa,
N.G. Prisekina, D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2013
№ 2 (29)**

**Research
and Socio-political Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 226-73-54

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
---------------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ

<i>Меламед И.И., Курилов В.И., Абрамов А.Л.</i> Восточная политика России и Дальневосточный федеральный университет	9
<i>Кузнецов А.М.</i> «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы теории международных отношений	21
<i>Коротич С.А.</i> Сообщество политической безопасности АСЕАН-2015: достижима ли цель?.....	40

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

<i>Заусаев В.К.</i> Дальний Восток в XXI веке: сценарии внешнеэкономической деятельности	61
<i>Кравченко А.А.</i> Основные направления политики Японии в области обеспечения продовольственной безопасности	74
<i>Жариков Е.П.</i> Проблемные вопросы освоения Мирового океана	89

ПРАВО

<i>Князев С.Д.</i> Конституционный суд в правовой системе Российской Федерации (к 20-летию Конституции России)	105
<i>Курилов В.И., Присекина Н.Г.</i> Правовое регулирование и практические вопросы защиты иностранных инвестиций в Российской Федерации.....	115
<i>Номоконов В.А.</i> Коррупция в мире и России: состояние и проблемы противодействия	140
<i>Коробеев А.И., Морозов Н.А.</i> Возрастные аспекты делинквентного поведения в современной Японии	151
<i>Бондаренко А.В.</i> Конституционная жалоба в системе конституционного контроля Республики Корея	160
<i>Сонг Вей.</i> Программы профессиональной подготовки в сфере права интеллектуальной собственности (опыт и методики Юридического института Китайского университета науки и технологии)	174
<i>Куен-чен Фу.</i> Проблемы навигационной безопасности в Тайваньском проливе – вчера, сегодня, завтра	181
Сведения о членах редколлегии	197

CONTENTS

To the Readers	6
----------------------	---

POLITICAL PROBLEMS OF MODERN ASIA

<i>Igor I. Melamed, Vladimir I. Kurilov, Alexander L. Abramov.</i> The Eastern Policy of Russia and Far Eastern Federal University	9
<i>Anatoly M. Kuznetsov.</i> China's peaceful development and some problems of the international relations theory	21
<i>Semyon A. Korotich.</i> ASEAN political-security Community-2015: is the Goal Reachable?	40

THE ECONOMY OF THE REGION

<i>Vadim K. Zausaev.</i> Far Eastern Russia in XXI century: Scenarios of Foreign Economic Activity	61
<i>Anatoly A. Kravchenko.</i> The main Direction of Japan's Policy in the Sphere of food Security	74
<i>Evgeny P. Zharikov.</i> Problem Questions Of Development of the World Ocean	89

LAW

<i>Sergey D. Knyazev.</i> The constitutional Court in the Legal System of the Russian Federation (to the 20 th Anniversary of Russian Constitution) ..	105
<i>Vladimir I. Kurilov, Natalia G. Prisekina.</i> Legal Regulation and Practical issues of Foreign Investments in the Russian Federation	115
<i>Vitaliy A. Nomokonov.</i> Corruption in the World and in Russia: the State and Counteraction	140
<i>Alexandr I. Korobeev, Nikolay A. Morozov.</i> The age Aspects of Delinquent in Contemporary Japan	151
<i>Anna V. Bondarenko.</i> Constitutional Complaint the System of Constitutional Control in the Republic of Korea	160
<i>Song Wei.</i> Intellectual Property Law Training Program for the Professionals: the Experiences And Methods of USTC Law Institute	174
<i>Kuen-chen Fu.</i> Navigational Security issues in the Taiwan Strait – Yesterday, Today and Tomorrow	181
Editorial Board's Data	197

К читателям журнала

Либерализация экономики российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, что интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом 2 раза в год, его рубрики предполагают освещение следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных сошестваний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы (не более 10 источников);
- Ф.И.О. (полностью), должность, место работы, ученую степень и ученое звание – на русском и английском языках;

- название рукописи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова, список литературы – на русском и английском языках;

- E-mail для связи с читателями.

Поля: верхнее – 20 мм; нижнее – 20 мм; левое – 20 мм; правое – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт – Times New Roman, кегль 14. Ссылки помещать в квадратных скобках, например: «Согласно работе [5]», или при цитируемой ссылке «[5, с. 18]». Список литературы с полным описанием источников – в конце статьи.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 226-76-41. Факс: +7 (423) 222-78-25.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of «*The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*» Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University twice a year, the journal includes the coverage of the following topics:

- articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;

- legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- reviews of the activities of regional organizations;
- messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFD and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (no more than 10 sources);
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;
- the manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords and a list of Literatours – in both Russian and English languages;
- Access to e-mail for communication means with readers.

Margins: top – 20 mm, bottom – 20 mm, left – 20 mm, right – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

- Links placed in square brackets (for example, «According to [5]», or the cited reference «[5, p. 18]»). List of references should be placed at the end of the article.

We hope that the journal «*The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*» will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 226-76-41. Fax: +7 (423) 222-78-25

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ

POLITICAL PROBLEMS OF MODERN ASIA

Меламед Игорь Ильич, кандидат технических наук, генеральный директор ЗАО «Международный центр развития регионов», г. Москва. E-mail: info@mfr.ru

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор Дальневосточного федерального университета, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Владивосток. E-mail: lawkur@gmail.com

Абрамов Александр Львович, кандидат технических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: abramov@imcs.dvfu.ru

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье анализируются роль и место Дальневосточного федерального университета в развитии Востока России с учетом процесса экономической интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Создание инфраструктуры для реализации на Востоке России зон опережающего развития, крупных инвестиционных проектов ставит перед Дальневосточным федеральным университетом задачу развития новых научных направлений, научно-образовательных программ, основанных на экономике знаний и высоких технологиях, методов, направленных на опережающее развитие региона. Механизмом решения этой задачи может быть создание на базе университета собственной зоны опережающего научно-технического и инновационного развития, ядром которой будет научно-образовательный кластер, имеющий два крупных направления развития:

- сопровождение работ по развитию восточных территорий страны и встраивание России в механизмы политической, экономической и гуманитарной интеграции в АТР;

- развитие инновационной инфраструктуры, обеспечивающей внедрение новейших наукоемких технологий в реальные сектора экономики, науки и технологий, основанных на технологических платформах, реализуемых в Российской Федерации.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный университет, Восток России, научно-образовательный кластер, сопровождение работ по развитию восточных территорий страны, технологические платформы.

Igor I. Melamed, candidate of technical Sciences, Director General of International center for regional development, Moscow. E-mail: info@mfr.ru

Vladimir I. Kurilov, S.J.D., LL.D., Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President FEFU, Dean & Director, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: lawkur@gmail.com

Alexander L. Abramov, candidate of technical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: abramov@imcs.dvfu.ru

THE EASTERN POLICY OF RUSSIA AND FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

The article analyzes the role and place of the Far Eastern Federal University in the development of the East of Russia, taking into account the process of economic integration of Russia in the Asia-Pacific region.

Creation of infrastructure, adequate needs implemented in Eastern Russia advanced development zones, major investment projects, confronts Far Eastern Federal University task of developing new research directions, research and educational programs based on the knowledge economy and high-tech methods, aimed at advancing the development of the region.

Mechanism for dealing with this problem can be based on the creation of Palo own zones of advanced scientific and technological development and innovation, the core of which is a scientific and educational cluster having two major trends:

scientific, analytical and methodological support work on the development of eastern areas of the country and the incorporation of Russia in the structure and mechanisms of political, economic and cultural integration of Russia in the Asia-Pacific region;

development of innovation infrastructure for the introduction of new high technologies in the real sector of the economy, science and technology, based on technology platforms, implemented in the Russian Federation.

Keywords: Far Eastern Federal University, East Russia, scientific and educational cluster scientific, analytical and methodological support work on the development of eastern areas of the country, the technological platforms.

В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2013 Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) позиционируется как организация, целью которой «является

налаживание глубокой научной экспертизы программ развития Дальнего Востока», организация поддержки взаимодействия России со странами и организациями АТР и «обеспечение потребности региона в кадрах». Эта позиция также акцентирована в выступлениях руководства страны и во многих других правительственных документах.

ДВФУ, созданный по инициативе В. В. Путина, становится центром масштабной работы по реализации Восточной политики России, в частности, политики ускорения развития страны за счет вовлечения в экономику богатых природных возможностей восточных территорий и использования потенциала сотрудничества со странами АТР. Реализация Восточной политики России активизировала контакты федеральных и региональных органов власти, структур бизнеса, научных, образовательных, общественных организаций и населения с аналогичными структурами стран АТР. Повышение эффективности этих контактов требует постоянной экспертной, аналитической, методической, а часто и просто просветительской деятельности. В этом плане ДВФУ имеет тесные связи со всеми важнейшими структурами в России и АТР, занимающимися аналитической деятельностью и подготовкой соответствующих документов по стратегическому планированию и экономической интеграции на Дальнем Востоке и в АТР. В связи с этим ДВФУ мог бы стать действенным механизмом по поддержке политики государства в этом важном регионе мира, но для этого требуется переформулировать основные цели его развития.

В мире не так много регионов, которые имеют критическое значение для мировой политики и экономики. В настоящее время, пожалуй, лишь три района планеты могут претендовать на такую роль. Это Северная Атлантика (Европа – США), Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), ядром которого всегда являлись три страны Северо-Восточной Азии (СВА) – Китай, Япония, Республика Корея. При этом значение АТР и СВА относительно других мировых центров неуклонно возрастает.

В этих условиях Россия должна наращивать свое присутствие, экономический и политический вес в этой части мира. Здесь пересекаются интересы крупнейших мировых держав, и Россия не может далее терять население и экономический потенциал на Востоке, упуская возможности участия в дальнейшем переделе мировых рынков [1].

Важность этого вопроса осознаётся и на самых высших уровнях власти, что выражается, в том числе, в неоднократных визитах руководителей страны в ключевые государства АТР. Одним из последних подобных визитов стала поездка президента России В.В. Путина в ноябре 2013 г. в Республику Корея, в ходе которой обсуждались вопросы развития экономического сотрудничества, активизации связей в сфере культуры и искусства, мир и безопасность в регионе, а также новые предложения для придания нового импульса двусторонним контактам.

Долгосрочные интересы РФ, состоящие в создании экономики инновационного типа, интегрированной в мировое технологическое и экономическое пространство, определяют особую роль Дальнего Востока и прилегающих регионов Сибири и Арктики в силу их географического положения, наличия значительного природно-ресурсного, производственного, научно-технического, образовательного и кадрового потенциала. Вопрос заключается в том, будет ли Россия продолжать сдавать геополитические позиции в Тихоокеанском регионе (как это уже неоднократно происходило) или создаст во Владивостоке мощный форпост для продвижения своих интересов в АТР?

Таким образом, Восток России становится стратегической территорией для вовлечения страны в экономическое пространство АТР. Соседство стран с интенсивно развивающимися экономиками (Япония, Республика Корея, Китай и др.) требует скорейшего вовлечения восточных территорий нашей страны в процессы мировой интеграции и выхода экономики макро-региона на конкурентоспособный уровень в секторе высокотехнологичных наукоемких производств и технологий [2]. Это, в свою очередь, требует наличия соответствующего научно-образовательного центра мирового уровня.

Владивосток находится в точке пересечения интересов стран АТР и РФ на Дальнем Востоке. США и азиатские страны региона соревнуются в завоевании приоритетов в экономике, политике и культурном влиянии на Восток России. Об этом свидетельствует открытие официальных представительств этих стран во Владивостоке, а также многочисленных совместных предприятий и культурных центров.

Период с 2000 г. ознаменовался заметной активизацией российской политики в АТР, особенно в США. Однако по степени своего воздействия на региональные процессы Россия пока заметно отстает от Китая, США, Японии и даже Республики Корея. Это объективная реальность, в том числе обусловленная незначительностью российского экономического и демографического присутствия в АТР, а также ослаблением, по сравнению со временами СССР, военного потенциала.

Страны АТР создают совместные организации различного уровня: отраслевые, общеэкономические, экспертные, научные. В настоящее время АТЭС является единственной многосторонней площадкой, где Россия имеет возможность участвовать в процессах интеграции в АТР и влиять на них. Однако общий уровень вовлеченности России в практические программы форума остается сравнительно низким. Участие России ограничено в основном деятельностью на политическом уровне в ходе саммитов и министерских конференций. Что касается работы в комитетах, рабочих и экспертных группах (то есть в тех органах АТЭС, которые занимаются конкретными проектами), то Россия в большинстве случаев остается довольно

пассивным участником [3]. Особенно это чувствуется после блестяще проведенного в 2012 г. года председательства России в АТЭС. При этом полноценная интеграция России в АТР невозможна без создания соответствующего интеллектуального центра на ее восточных рубежах.

Необходимость реализации задач развития Востока России, обозначенных в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», а также стратегические интересы России с учетом повышения роли стран АТР в мировой экономике и политике требуют максимальной концентрации материальных и кадровых ресурсов.

В условиях стратегических изменений, приводящих к реализации крупных инфраструктурных и инвестиционных проектов, основанных на внедрении технологических и управленческих инноваций, многократно возрастает роль университетов как интеллектуальных центров человечества.

Задача университетов – с одной стороны, как научно-образовательных центров, с другой – как центров концентрации интеллектуальной элиты, в XXI веке, в связи с распространением электронных средств получения информации, принципиально изменилась. Коротко ее можно сформулировать одним тезисом – «Подготовить молодежь к вызовам будущего», что подразумевает наличие трех составляющих:

- знать базовые закономерности;
- предвидеть развитие событий;
- уметь реализовать возможности и устранять угрозы.

На Востоке России задачи, стоящие перед университетским корпусом макрорегиона, отличаются многоплановостью и ограниченностью во времени, поскольку привязаны к реализации конкретных планов развития территории. Ниже представлен набор задач, иллюстрирующих двойственную функцию ДВФУ:

1. Новая политика, военная и экономическая ситуация и стратегические интересы России в АТР диктуют новые задачи в развитии востоковедения на Дальнем Востоке. Университету необходимо обеспечить опережающее развитие образовательных программ по востоковедению, изучению китайского, японского, корейского, вьетнамского, индийского и других восточных языков, а также выполнения эффективных научных исследований по проблемам политики, экономики, истории и культуры стран АТР. Развитие востоковедения в России становится необходимым условием обеспечения эффективной защиты геополитических интересов России в АТР.

2. Необходимость защиты интересов национальной безопасности России на Дальнем Востоке через продвижение русского языка, российской культуры и искусства, повышение интереса к российскому образованию и науке, экспорт образовательных услуг в страны АТР также является одной из первоочередных задач.

3. Необходимость изучения и освоения ресурсов Мирового океана в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологии и техники в РФ, утвержденными Президентом РФ 21.05.2006 г. и Федеральной целевой программой «Мировой океан» на 2008–2012 гг.

4. Необходимость обеспечения кадрами нового научного центра на базе строящегося российского космодрома «Восточный» на Дальнем Востоке.

5. Необходимость создания в ДВФУ центра интеграции России в АТР для подготовки управленческих кадров и ведения бизнеса с партнерами из стран АТР. Выпускники центра, имея высокую лингвистическую подготовку по восточным языкам, обладая знаниями особенностей экономики и ведения бизнеса, с учетом социокультурных традиций стран-партнеров станут передовым отрядом для продвижения российского бизнеса в страны АТР.

6. Необходимость совместной международной научной деятельности в области сейсмологии и раннего предупреждения о природных бедствиях. Зона Тихого океана является одной из самых сейсмически активных в мире, землетрясения и цунами там случаются регулярно, а из-за большой плотности населения (особенно в прибрежных районах) число жертв таких катастроф может достигать сотен тысяч человек. Всё это обуславливает важность изучения сейсмических процессов и создания системы раннего обнаружения и своевременного оповещения населения. Очевидно, что такая задача требует международной кооперации и не может быть решена силами только одной страны, даже самой развитой.

7. Развитие инновационного потенциала – как Дальнего Востока, так и всей страны на специфических, характерных для региона направлениях. Во-первых, это биотехнологии и создание на юге Приморья биотехнопарков для культивации и комплексной переработки морского и растительного сырья, разведения аквакультуры. Во-вторых, это наноминералогия – разработка способов извлечения наноразмерного золота и металлов платиновой группы из уникальных природных ресурсов. Работы в этом направлении уже ведутся дальневосточными учёными. Не менее перспективной выглядит и разработка инновационных проектов в сфере подводных технологий и подводной робототехники, включая подготовку научных кадров и преподавателей для высшей школы. Наконец, это и создание гелиевого центра.

8. Поиск новых источников энергии как актуальное направление международного сотрудничества. Дальний Восток России интересен как место для пилотных проектов и опытных исследований по ряду направлений альтернативной энергетики. Так, Курильские острова обладают возможностями для развития геотермальной энергетики и ветроэнергетики, в Хабаровском крае возможно создание приливной электростанции и т.д. Весь Дальний Восток (с его огромной неиспользуемой территорией и объёмами древесных отходов) перспективен для производства биотоплива. Работы в этих направлениях смогут одновременно и привести к разработке новых техно-

логий, делающих альтернативную энергетику более рентабельной (что, безусловно, будет востребовано соседями России по АТР), и решить проблемы энергообеспеченности некоторых дальневосточных регионов.

Все эти, а также другие, не менее важные задачи предстоит решать крупнейшему на Дальнем Востоке научно-образовательному учреждению – Дальневосточному федеральному университету, поскольку масштаб реализуемых программ разного уровня требует беспрецедентной концентрации кадровых ресурсов в разных областях знаний.

ДВФУ должен стать средоточием интеллектуального развития восточных территорий в качестве крупнейшего в АТР научно-исследовательского и образовательного центра, а ядром научной деятельности в направлении усиления интеграции России в АТР – созданный при ДВФУ научно-образовательный центр «Дальневосточный центр экономического развития и интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион».

Основным направлением подготовки специалистов Дальневосточного центра экономического развития и интеграции России в АТР должно стать моделирование, прогнозирование и оценка рисков, возможностей, угроз и последствий макроэкономических, политических и общественных процессов общемирового уровня, уровня межгосударственных макрорегионов, России, восточных территорий, Приморского края и г. Владивостока. Центральное место в структуре научно-образовательного центра должны занять кафедры математических методов в экономике, мировой и российской макроэкономики, социологии, политологии, экономической географии.

Российскими партнёрами научного центра могли бы стать:

- Институт исследований АТЭС (г. Москва), Академия внешней торговли при Минэкономразвития России (г. Москва), Институт Дальнего Востока РАН (г. Москва), Международный центр развития регионов (г. Москва);

- Институт Номуры (Япония), Аналитический центр при Академии общественных наук Китая, Исследовательский центр при правительстве провинции Хэйлунцзян (Китай), Сеульский университет, а также ряд других российских и зарубежных университетов и структур.

Одним из важных направлений развития ДВФУ при этом будет создание Тихоокеанского энергетического агентства (ТЭА) как специализированного структурного подразделения при Дальневосточном центре экономического развития и интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Необходимость создания агентства продиктована проектами отрасли, одновременно реализуемыми на территории макрорегиона, а основными видами его деятельности станут проведение исследований и подготовка кадров в области внешней энергетической политики и энергетической дипломатии России в Тихоокеанском регионе, разработка и экспертиза отраслевых, региональных и корпоративных программ с учетом ресурсных, технологических, организационно-экономических и геополитических факторов.

Действительно, в АТР сконцентрирована значительная часть населения планеты (56%) и промышленного производства (40%), на регион приходится свыше трети (38 %) мирового спроса на энергию и энергоносители. Для дальнейшего развития странам АТР требуются дополнительные сырьевые и энергетические, в первую очередь, нефтегазовые ресурсы [4]. Обострение борьбы за энергоносители – одна из важных реалий современного мира, и усиление роли России в качестве мирового энергетического лидера будет происходить именно за счет укрепления позиций на рынках АТР.

Поэтому одним из важных направлений усиления позиций и защиты интересов России в АТР является обеспечение социально-экономического развития восточных регионов страны за счет эффективного освоения природно-ресурсного и энергетического потенциала, развития высокотехнологичных перерабатывающих отраслей. Восток России не только территориально приближен к набирающему мощь региону мира, но и располагает значительными источниками сырья и энергоносителей. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточено свыше 15,5 млрд тонн начальных суммарных ресурсов (НСР – total resources) нефти, около 60 трлн куб. м газа, 3,3 млрд т конденсата.

Эффективное освоение преимущественно российским капиталом запасов и ресурсов углеводородов Восточной Сибири и Дальнего Востока – важное условие сохранения национального суверенитета России над её обширными восточными территориями, увеличения численности и повышения уровня жизни российского населения, недискриминационной интеграции в экономическое пространство АТР, обеспечения национальной безопасности страны [5].

В этих условиях формирование новых крупных центров топливно-энергетического (ТЭК) и нефтегазового (НГК) комплексов, развитие производственной (добывающей, генерирующей, перерабатывающей) и транспортной инфраструктуры становится все более важной задачей не только социально-экономического развития регионов Дальнего Востока и Сибири, но и служит реализации российских геополитических интересов.

В ближайшие десятилетия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке должны быть сформированы новые крупные центры НГК международного значения. Суммарные новые капитальные вложения составят не менее 160 млрд долл. до 2030 г. Источниками инвестиций в инфраструктуру могут выступить бюджетные средства и кредиты под правительственные гарантии, как было реализовано при строительстве нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), либо инвестиции нефтегазовых компаний, как в проектах «Ванкор», «Талакан», «Верхняя Чона», «Сахалин-1», «Сахалин-2».

Развитие НГК на Востоке России будет связано в первую очередь со следующими крупными проектами:

- проведение геологоразведочных работ и освоение месторождений углеводородов (УВ), в том числе на шельфе дальневосточных и арктических морей;
- развитие морских терминалов для нефти, нефтепродуктов, продукции нефтегазохимии в Приморском крае;
- формирование производственно-технологических комплексов по глубокой переработке газа с блоком нефтегазохимии и гелиевым заводом в Саянске, Нижней Пойме, Хабаровске и Владивостоке;
- создание системы подземных хранилищ газа и гелия в Красноярском крае, Иркутской области, Хабаровском крае;
- сооружение газотранспортной системы «Сибирь – Дальний Восток – АТР»;
- строительство в Приморском крае крупного нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) с блоком нефтехимии;
- создание в Приморском крае крупнейшего в мире современного высокотехнологичного и экологически чистого комплекса по производству минеральных удобрений и химической продукции;
- строительство на юге Приморья завода по сжижению природного газа и терминала СПГ;
- участие российских компаний в развитии и эксплуатации объектов энергетической инфраструктуры в странах АТР (НПЗ, ГХК, ПХГ, трубопроводы, АЭС и др.).

Научное сопровождение, экспертиза, мониторинг, информационное, техническое и кадровое обеспечение реализуемых и перспективных проектов на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и в Восточной Арктике могут быть обеспечены Тихоокеанским энергетическим агентством ДВФУ.

Основной задачей Тихоокеанского энергетического агентства в сфере образования будет разработка программы и организация подготовки специалистов в области нефтегазового бизнеса и нефтегазового инжиниринга.

Выводы. Создание инфраструктуры для реализации крупных инвестиционных проектов ставит задачу и перед ДВФУ: требуется развитие новых научных направлений, научно-образовательных программ, основанных на экономике знаний, высоких технологий, методов, направленных на опережающее развитие региона.

Решение задач, поставленных Президентом перед университетом, возможно на основе создания на базе ДВФУ зоны опережающего научно-технического и инновационного развития, ядром которой будет научно-образовательный кластер. Его развитие возможно в двух крупных направлениях:

1. В Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. Президент Российской Федерации определил в числе основных задач ДВФУ глубокую научную экспертизу программ развития Дальнего Востока, обеспечение его

потребности в кадрах, поддержку взаимодействия России со странами и организациями АТР.

Университет располагает сегодня необходимым потенциалом для реализации этих важнейших функций, последовательно и целенаправленно наращивает свою активность в данной области и стремится обеспечить востребованность этой деятельности среди государственных структур и частных российских компаний, начиная с разработки:

- Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года,
- Федеральной целевой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года,
- программы «Проведение научных исследований для разработки и обоснования приоритетных мер стимулирования и координации комплексного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» в 2013 году,
- «Программы социально-экономического развития Приморского края на период 2013–2017 гг.»,
- «Основных направлений социально-экономического развития Курильских островов (Сахалинская область)»,
- публикации серии книг «Россия в АТР», получившей всероссийское признание.

ДВФУ имеет тесные связи со всеми ключевыми структурами в России и АТР, занимающимися аналитической деятельностью и подготовкой соответствующих документов по стратегическому планированию и экономической интеграции на Дальнем Востоке и в АТР. Университет обладает необходимым заделом, позволяющим ему стать действенным механизмом поддержки политики государства в этом важном регионе мира.

С учетом изложенного представляется целесообразным Министерству РФ по развитию Дальнего Востока совместно с ДВФУ и во взаимодействии с МИД России и Минэкономразвития России подготовить комплексный план действий по научному, аналитическому и методическому сопровождению работ по развитию восточных территорий страны и встраиванию России в структуры и механизмы политической, экономической и гуманитарной интеграции России в АТР и развернуть в университете работу по этому направлению на базе НОЦ «Дальневосточный центр экономического развития и интеграции России в АТР».

2. Второе крупное направление развития научно-образовательного кластера ДВФУ, которое может помочь обеспечить интеграцию России в АТР, – развитие инновационной инфраструктуры, обеспечивающей внедрение новейших наукоемких технологий в реальные сектора экономики, науки и технологий. В связи с этим ДВФУ включается в следующие технологические платформы, реализуемые в Российской Федерации:

1. Авиационная мобильность и авиационные технологии.
2. Биоиндустрия и биоресурсы (БиоТех2030).
3. Глубокая переработка углеводородных ресурсов.
4. Интеллектуальная энергетическая система России.
5. Малая распределенная энергетика.
6. Медицина будущего.
7. Национальная информационная спутниковая система.
8. Национальная космическая технологическая платформа.
9. Национальная программная платформа.
10. Новые полимерные композиционные материалы и технологии.
11. Освоение океана.
12. Перспективные технологии возобновляемой энергетики.
13. Применение инновационных технологий для повышения эффективности строительства, содержания и безопасности автомобильных и железных дорог.
14. Развитие российских светодиодных технологий.
15. Технологии добычи и использования углеводородов.
16. Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроения.
17. Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания.
18. Технологии экологического развития.
19. Технологическая платформа твердых полезных ископаемых.
20. Комплексная безопасность промышленности и энергетики.

Для поддержки этих направлений работ в ДВФУ проводится поиск источников финансирования. Источниками могут стать: программа развития университета; программы повышения конкурентоспособности российских вузов Министерства образования и науки РФ; заказы Правительства России, государственных и частных корпораций, заинтересованных как в интеграции России в АТР, так и в реализации технологических платформ и крупных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке и в АТР. Особым финансовым инструментом поддержки работ в рамках научно-образовательного кластера являются созданные в ДВФУ научный и венчурный фонды, не имеющие аналогов в российском профессиональном образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коржубаев, А. Г. Курс на Восток. Почему Россия должна расширять свое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А. Г. Коржубаев, В. И. Курилов, А. Б. Левинталь, И. И. Меламед // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2011. – № 4 (21).
2. Меламед, И. И. Приоритеты развития восточных регионов России в контексте развития АТР / И. И. Меламед, М. В. Мишенин, И. В. Филимо-

нова // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2012. – № 2 (26). – С. 68–73.

3. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество : вчера, сегодня, завтра / В. И. Курилов, И. И. Меламед, Е. А. Терентьева [и др.] ; общ. ред., вступ. ст. В. В. Миклушевского. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2010. – 567 с.

4. Дягилев, А. А. Энергоэкономика стран АТРАМ / А. А. Дягилев, С. С. Коротеев, И. И. Меламед // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2012. – № 2 (26). – С. 29–35.

5. Коржубаев, А. Г. Геополитические приоритеты энергетической стратегии / А. Г. Коржубаев, В. И. Курилов, А. Б. Левинталь, И. И. Меламед // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2012. – № 1 (25). – С. 7–18.

REFERENCES

1. Korzhubaev A.G., Kurilov V.I., Levintal' A.B., Melamed I.I. Kurs na Vostok. Pochemu Rossiya dolzhna rasshiryat' svoe prisutstvie v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Course to the East. Why Russia needs to increase its presence in the Asia Pacific]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2011, no. 4 (21).

2. Melamed I.I., Mishenin M.V., Filimonova I.V. Prioritety razvitiya vostochnykh regionov Rossii v kontekste razvitiya ATR [Development priorities eastern regions of Russia in the context of ATR]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2012, no. 2 (26), pp. 68–73.

3. Kurilov V.I, Melamed I.I., Terent'eva E.A., Abramov A.L., Lukin A.L. *Aziatsko-Tikhookeanskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: vchera, segodnya, zavtra* [Asia-Pacific Economic Cooperation: Yesterday, Today, Tomorrow]. Ed. V.V. Miklushevskii. Vladivostok: Far Eastern Fed. Univ. Publ., 2010. 568 p.

4. Dyagilev A.A., Koroteev S.S., Melamed I.I. Energoekonomika stran ATRAM [Energy Economics ATRAM countries]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2012, no. 2 (26), pp. 29–35.

5. Korzhubaev A.G., Kurilov V.I., Levintal' A.B., Melamed I.I. Geopoliticheskie prioritety energeticheskoi strategii [Geopolitical priorities of Russia's energy strategy]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2012, no. 1 (25), pp. 7–18.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

«МИРНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Некоторые проблемы, связанные с тезисом о мирном развитии Китая, и формирование китайской школы теории международных отношений рассматриваются в данной статье. Несмотря на распространенное мнение, выделяются не только политические, но и научные причины для возникновения такой школы. Как известно, лозунг Мирное возвышение Китая был выдвинут в 2003 г., а затем в следующем году он был скорректирован как Мирное развитие Китая. Но вскоре стало очевидно, что внедрение этого лозунга обозначило ряд проблем. Основное течение теории международных отношений и такое его направление, как реализм, не признают мирный характер стран, определяемых как большая сила. Поэтому была высказана идея, что Китаю нужна собственная теория международных отношений. Конечно, учёные были привлечены, чтобы обосновать реальную значимость этого лозунга в его новой редакции. Но вопрос о разработке собственной теории международных отношений обсуждался еще в 1987 г. Затем до 2003 г. был проведен ряд конференций, чтобы обсудить текущее состояние теории международных отношений и определить в ней место для китайских разработок. Однако рост числа публикаций по китайской теории международных отношений, действительно, наблюдается после 2004 г. По причине языкового барьера в статье рассматриваются только некоторые англоязычные публикации по теме. Среди других они были отобраны для того, чтобы представить позицию китайских специалистов по проблеме теории международных отношений. Свою концепцию китайские авторы основывают на ряде положений конфуцианского направления китайской традиционной философии таких, как тянься (поднебесное пространство), датун (всеобщая гармония) и данническая система. Данные основания были использованы для разработки нового подхода, учитывающего принцип дополнительности, и стиля мышления, направленного на анализ различного рода взаимоотношений. В результате авторы приходят к новой трактовке международного сообщества как комплекса сложных взаимоотношений. В общем контексте достижений современной теории и методологии социальных наук можно отметить реальную значимость достижений китайского теоретика. В то же время следует отметить, что он уделил слишком большое внимание обоснованию возможности мирных отноше-

* Проект поддержан Научным фондом ДВФУ.

ний дополнительности среди великих держав. В реальности такие взаимоотношения могут принимать различный характер, как мирный, так и враждебный.

Ключевые слова: мирное развитие, мирный подъем, Китай, теория, международные отношения, незападные теории, китайская школа.

Anatoly M. Kuznetsov, Professor, Department of International Relations, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

CHINA'S PEACEFUL DEVELOPMENT AND SOME PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL RELATIONS THEORY**

The paper is focused on some issues of China's peaceful rise and emergence of Chinese school of international relations theory. Despite a widespread belief there are both political and academic reasons for this school. As we know, the slogan «China's peaceful rise» was declared in 2003 and was transformed into «China's peaceful development» one year later. However it became obvious pretty soon that the birth of this slogan generated certain challenges. The mainstream of the international relations theory and realism mainly doesn't recognize a peaceful character of any great power. Therefore, it was decided that China needed its own international relations theory. It is true that some scholars were involved in confirming a real significance of this slogan in its new version. Development of a Chinese theory of international relations was discussed as early as in 1987. Between 1987 and 2003 some conferences were held to discuss the current situation in the field of international relations theory and a place of Chinese ideas in this theory. Since 2004 a growing number of research papers on Chinese theory of international relations have been published. Due to a language barrier, the author of the article can study only some papers in English on this issue. The papers of Professor Qing Yaqing have been chosen to represent the position of Chinese scholars in the area of international relations theory. This author uses the Chinese traditional philosophy of Confucianism and its concepts such as tianxia, datong, and the tributary system as a foundation for his new theory. Professor Qing Yaqing elaborates a new approach that applies a complimentary principle and relational thinking which result in defining the international community as a complexity of relational networks. It may be concluded in the context of contemporary theory and methodology of social sciences that the main ideas of Professor Qing Yaqing are of a great value. However, it is clear that he pays too much attention to substantiating the possibility of peaceful and compli-

** The project was supported by the Scientific Fund of FEFU.

mentary relations among the great powers of the world. In fact, these relations can be quite different: both peaceful and hostile.

Key words: peaceful development, peaceful rise, China, theory, international relations, non-Western theories, Chinese school.

Формирование нового миропорядка, начавшееся после окончания холодной войны, поставило перед наукой о международных отношениях ряд новых проблем. Одной из них становится необходимость осмысления новой роли Китая. Достигнутые этой страной в последние десятилетия успехи заставили международное сообщество изменить свои некоторые прежние установки. Если в 1990-е гг. по поводу утверждений о превращении Китайской Народной Республики в одну из великих держав еще могли появляться пренебрежительные замечания, вроде «оса – тоже полосатая, но еще не тигр», то сегодня всё, что имеет отношение к этой стране, воспринимается более чем серьезно. Не случайно рассуждения об угрозе китайской силы стали общим положением публикаций и экспертных оценок различных китаеведов. Не менее показательны здесь и утверждения о «самоуверенном отношении этой страны к внешнему миру» [5]. В сложившейся ситуации особо примечательным представляется мнение Г. Моргентау – классика теории реализма. Он еще в 1960-е гг. утверждал, что скорее, чем российский коммунизм, серьезным вызовом для внешней политики Соединенных Штатов явится движение за независимость Восточной Азии [cit. 32, p. 1]. Почти сорок лет спустя Д. Мершаймер, другой видный представитель этого направления, уже безапелляционно утверждал: «Процветающий Китай не станет силой, признающей сложившееся status quo, но превратится в агрессивное государство, претендующее на утверждение своей гегемонии в регионе» [24, p. 402]. С течением времени позиция этого автора в отношении Китая не изменилась. Он по-прежнему воспринимает эту страну как «собирающийся шторм», и на все заявления о ее стремлении к миру напоминает мнение ряда западных авторов, начиная с Т. Гоббса, согласно которому «государства никогда не могут быть уверены в отношении намерений друг друга» [23, p. 381]. Другие американские специалисты также солидарны в том, что Китай следует рассматривать как сверхреальную силу и угрозу интересам США в регионе [22; 26].

Вполне очевидно, что заявления и оценки подобного рода не могли оставаться без внимания со стороны руководства Китайской Народной Республики, которое вовремя осознало необходимость концептуального обоснования идеи о мирном характере своей нарастающей мощи. Условия для выполнения этой задачи предусмотрительно были заложены еще в начале 1980-х гг. Дэн Сяопином, когда он поставил перед научным сообществом страны четкую задачу: «Долгое время мы пренебрегали изучением полити-

ческой науки, права, социологии и мировой политики, но теперь мы должны поторопиться, чтобы ликвидировать наше отставание в этих областях. Основной массе наших идеологических и теоретических специалистов необходимо глубоко овладеть одной или несколькими из указанных областей знания. Но все те, кто в состоянии проделать такую работу, должны изучать иностранный язык, чтобы свободно работать с основными зарубежными публикациями по проблемам социальных наук» [цит. по: 19, р. 4].

Показательно, что некоторые авторы (Е Цычэн, Ли Ян) уже в начале 2000-х гг. поставили вопрос о необходимости проведения в Китае специальных психологических акций. Основная их цель должна была заключаться в формировании в стране осознания принадлежности к великой державе, а за рубежом – ее восприятия в таком новом качестве. Появившийся в это время слоган «мирное возвышение Китая», как представляется, и должен был стать ответом китайской стороны на обвинения в неизбежной ее агрессивности. По данным доступных нам источников, впервые тезис о мирном возвышении был представлен в ноябре 2003 г. в выступлении проректора Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзяня, который в 1990-е гг. был зав. отделом пропаганды ЦК КПК. О том, какое значение придавалось данной формуле, свидетельствуют дальнейшие шаги китайской стороны. В декабре данное положение уже было озвучено в одном из выступлений Ху Цзиньтао. Затем в очень сжатые сроки в марте 2004 г. была подготовлена объемная работа «Мирное возвышение Китая» сотрудников отдела стратегических исследований Шанхайского института международных проблем Ся Липина и Цзян Сиюаня [4]. Однако оценка достигнутых таким образом результатов оказалась, по-видимому, не слишком обнадеживающей. Поэтому летом 2004 г. было принято решение найти более убедительный вариант базового тезиса, закреплявшего в мире положительный образ страны. В результате происходит примечательная корректировка первоначальной формулы, и в Отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК речь уже шла о «мирном развитии Китая» [4].

С этого времени новая формулировка ранее предложенного слогана и комментарии к нему широко транслируются в официальных документах и заявлениях руководства КНР, а также в академических публикациях и средствах массовой информации. В частности, на сайте посольства КНР в Москве был выставлен примечательный документ. Согласно его тексту, путь мирного развития означает – «посредством охраны мира во всем мире заниматься саморазвитием и посредством саморазвития охранять мир во всем мире; одновременно с реализацией развития посредством подчеркивания необходимости за счет собственных сил, реформ и инноваций отстаивать внешнюю открытость, учиться и заимствовать благоприятный опыт других стран; в соответствии с развитием экономической глобализации стремиться к взаимовыгоде и взаимовыигрышу с другими странами, а

также к совместному развитию; вместе с международным сообществом продвигать строительство долгосрочного мира, совместного процветания и гармоничного мира». Не менее примечательно уделяемое здесь внимание собственно концепту развитие: «Ярчайшими особенностями данного пути выступают научное развитие, самостоятельное развитие, открытое развитие, мирное развитие, развитие на основе взаимодействия и совместное развитие». Следует также отметить приведенные заверения в готовности отстаивать концепцию «человек превыше всего» и соблюдать права человека. Заслуживает внимания и призыв Китая всем странам мира участвовать в строительстве гармоничного мира.

Однако документ напоминает, что в своем стремлении к мирному и более справедливому мироустройству страна не намерена поступаться своими интересами. «К коренным интересам Китая относятся следующие базовые гарантии: национальный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, единство страны, политический строй Китая, закрепленный Конституцией Китая, общественная стабильность, а также устойчивое социально-экономическое развитие». Тем не менее, его авторы полагают, что проявленная принципиальность в данном вопросе не противоречит ранее выдвинутым заявлениям. «Мирное развитие Китая развенчало традиционный миф о том, что, укрепив свою государственную мощь, страна всегда превращается в гегемона. Колонизаторство, расширение своего влияния, распространение военной силы и др. – всё это относится к старому пути, на который вставали многие державы после своего подъема в период новой истории» [6].

Произошедшая смена власти в КНР, судя по появившимся сообщениям, уже не вызвала изменений в ранее принятых установках. Так, 28 января 2013 г. в Пекине состоялась 3-я коллективная учеба Политбюро ЦК КПК 18-го созыва на тему «Решительно идти по пути мирного развития». Работой этого собрания руководил новый глава партии и страны Си Цзиньпин, который, в частности, сказал: «Мы будем решительно идти по пути мирного развития, но мы категорически не станем отказываться от наших законных прав и интересов и не будем жертвовать ключевыми интересами страны» [7]. Однако, по-видимому, присущая официальным документам и заявлениям подобная амбивалентность целей явилась причиной, по которой зарубежные авторы по-прежнему продолжают обсуждать тезис о мирном, но все-таки возвышении Китая [11; 14; 16].

В приведенном общественно-политическом контексте за рубежом часто как политическая акция воспринимается и призыв разработать для Китая собственную теорию международных отношений. При этом сами китайские специалисты-международники не отрицают, что в данном случае их задача состоит в том, чтобы дать научное обоснование тезису о мирном развитии страны. Но здесь следует отметить, что эта отрасль науки уже в

середине 1990-х гг. активно развивалась в КНР. В разных центрах регулярно проходили мероприятия по международным проблемам и издавались переводы работ ведущих зарубежных специалистов в данной области. Новые возможности позволили широкой научной общественности усвоить основные положения современного «мейнстрима» теории международных отношений и таких его направлений, как реализм, либерализм и конструктивизм. Однако распространение западных идей имело и неожиданные последствия, в том числе и стремление некоторых специалистов создавать свою собственную теорию и школу. Примечательно, что предложение о разработке собственной теории уже было озвучено в 1987 г. на первой большой конференции по международным отношениям в Шанхае. К этому вопросу снова возвращались на конференциях в Пекине в 1991 и 1994 гг. Здесь можно еще упомянуть конференцию «Теория международных отношений в Китае: сравнения и заимствования» (декабрь 2002 г.). Как отметил Су Чжанхэ (Центр американских исследований Фуданьского университета), «призывы создать как можно быстрее собственную теоретическую школу международных отношений свидетельствуют о нашем недовольстве и даже раздражительности фактом, что мы не имеем своих теорий» [цит. по: 9].

Но после появления известных установок и выхода в свет указанного исследования дело уже не могло ограничиваться только чувствами. Не случайно достаточно оперативно в декабре 2004 г. в Шанхае состоялась конференция на тему «Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу». Выступавший здесь с докладом профессор Го Шуюн, в частности, сказал: «Целью конференции была попытка продвинуть вперед теоретическое строительство, сущностью которого должна была стать наша китайская специфика... Наша конференция должна стать смелой попыткой преодолеть копирование западных теорий и попытаться перевести гуманитарную науку на китайскую основу» [цит. по: 9]. Показательно также, что с середины 2000-х гг. наблюдается заметный рост числа публикаций по проблемам теории с китайской спецификой.

Некоторые итоги обсуждения инициативы авторов из Китая уже были представлены на различных конференциях и в ряде специальных публикаций. В свете появившихся материалов можно констатировать, что, несмотря на общую задачу – создание для динамично развивающейся страны собственной теоретической школы, которая должна в полной мере отражать китайское видение международных отношений, разные исследователи предлагают свои варианты ее решения [15; 25; 37]. Среди них имеются и свои скептики, как, например, директор кафедры международных отношений университета Цинхуа профессор Янь Сюэтуан, известный автор исследования «Анализ национальных интересов Китая». Он отстаивает универсальный характер науки, в которой действуют объективные законы, а по-

тому – как нет особой китайской физики, не может быть и какой-то отличной от существующей теории международных отношений. Представители более умеренного крыла сторонников создания собственной школы Ван Ичжоу (Институт мировой экономики и политики АОН), Су Чжанхэ, Чжан Жуйчжуан (университет Нянъкай; кстати, в прошлом – докторант К. Уолца) предлагают сейчас не строить амбициозных планов, а вначале сосредоточить свои усилия на проведении методологически корректных прикладных исследований, результаты которых затем можно будет использовать для создания теоретических конструкций. Как писал Чжан Жуйчжуан: «Чтобы не стать предметом насмешек «знатоков», нельзя гнаться за сиюминутным успехом и, пуская пыль в глаза, победно заявлять об основании какой-либо школы» [цит. по: 9].

Однако в Китае есть и более решительно настроенная группа исследователей (Лян Шоудэ, Чжан Чжичжоу, Цинь Яцин и др.). Они отстаивают идею о том, что доминирующая сегодня американская теория международных отношений отражает преимущественно американские национальные интересы, а потому сегодня необходимо пересмотреть представления о международной сфере, основываясь на реалиях других стран и регионов. Собственную теорию международных отношений эти авторы предлагают создавать на основе культурных традиций китайской цивилизации, традиционной китайской философии и китайских исследованиях теории международных отношений. Но в этой теории должно быть отведено место марксистской теории, зарубежным теориям международных отношений и накопленному практическому опыту дипломатии [19].

Уже самое предварительное знакомство с этим новым явлением – теорией международных отношений с китайской спецификой – позволяет констатировать, что вокруг него сложилась такая ситуация, при которой в рамках одной статьи невозможно проанализировать весь круг возникающих вокруг него вопросов. Сложность здесь заключается не только в языковом барьере, но и нарастающей популярности данного сюжета у специалистов других стран. Тема китайской (и более широко – незападной) теории международных отношений активно обсуждается в Западной Европе (прежде всего в Великобритании и Германии), США, других странах, но не в России [1; 13; 15]. Собственно политические аспекты явления «китаизации международных отношений» также стали предметом специального исследования [12]. Поэтому мы можем здесь ограничиться рассмотрением некоторых концептуальных положений работ китайских специалистов и их верификацией в общем контексте современной теории и методологии науки.

Среди доступных нам материалов наибольший интерес для анализа такого рода представляют публикации профессора Цинь Яцина. В свое время этот исследователь, прошедший обучение и в США, занимал посты испол-

нительного вице-президента международных исследований Китайского университета иностранных дел и вице-президента Национальной ассоциации международных исследований Китая. При этом он является не только одним из адептов идеи о необходимости разработки собственной теории, но и вносит активный вклад в ее создание. Признавая тот факт, что традиционная картина мира Китая не содержала в себе идеи «интернациональности», этот автор уверен, что китайская философия, и прежде всего ее конфуцианское направление, обладает необходимым концептуальным потенциалом для переосмысления существующего миропорядка. Прежде всего в своих построениях Цинь Яцин обращается к такому значимому для конфуцианства понятию, как «тянься», буквально означающему поднебесное пространство. Он также использовал традиционные представления о системе даннических отношений. Автор признает, что в основе такой системы находится установка на социальное неравенство. Но для него такие отношения все равно лучше, чем те равные, но враждебные взаимодействия, которые устанавливаются в гобсианских джунглях. Не принимает Цинь Яцин также равные, но соревновательные отношения в локкианском обществе и даже равные и дружественные связи, характерные для кантианской культуры. Ведь со времен Конфуция даннические отношения в Китае – это такие связи, которые устанавливаются на неравенстве отношений отца и сына, и поэтому они всегда носят характер уважения и почтительности.

Еще одной основополагающей для концепции Цинь Яцина стала категория «датун», воплощающая в себе представление о гармонии мира. Емкость содержания и исходная взаимосвязь данных категорий, по мнению автора, открывает новые возможности для исследователя. Поскольку идея «тянься» несет в себе как физический, так и культурный смысл, то она позволяет, как полагает Цинь Яцин, расширить применение категории «датун» и тем самым реализовать идеал единства человека и природы. В результате же объединения всех указанных базовых категорий, как считает автор, возникают условия для создания целостного (холистического) мировоззрения, совершенно необходимого в современных условиях. Ведь мы все чаще имеем возможность убедиться в том, как даже совершенно разные явления могут дополнять друг друга [30, р. 15]. Как раз такая целостность, позволяющая совмещать природные, сверхъестественные и моральные начала, по его мнению, является характерным признаком традиционного китайского мировоззрения [30, р. 14].

Весьма существенно то, что уже на этом базовом мировоззренческом уровне Цинь Яцин находит принципиальное различие с западной традицией, предлагающей «индивидуалистическое расчленение видения этого мира» [31, р. 16]. Еще одно отличие двух рассматриваемых традиций он связывает с особенностями построения в них социальных теорий. «Я утверждаю, что ядро социальной теории состоит из двух компонентов: первый

из них является физическим/материальным, а другой – метафизическим/идеальным... При этом идеи, которые возникают в метафизическом компоненте, являются культурным наследием истории, но не простым эмпирическим обобщением. По определению они являются спекулятивными идеями, которые не восходят к реальности (хотя они родственны реальности и даже могут сами создавать реальность)» [30, р. 12]. Как считает автор, «в научных дискуссиях на Западе обычно пренебрегают этим метафизическим компонентом теоретического ядра, являющегося наиболее важной частью традиционной китайской философии». С этой причиной он связывает формирование прямолинейно прагматического (реалистского) подхода, при котором «у разных вариантов мейнстрима теории международных отношений в Соединенных Штатах есть одно объединяющее их свойство: как решать серьезную проблему гегемонии США в международной системе, сформировавшейся после Второй мировой войны, или как сохранить эту гегемонию» [30, р. 12]. Поэтому Цинь Яцин не видит причин, почему китайская теория не может обосновывать мирное развитие Китая. Но в то же время он считает необходимым подчеркнуть: «Я больше уделяю внимания культурным и идеальным характеристикам подобной базовой идеи. Причем, по моему убеждению, такая идея не возникает целиком в реальности современности». То есть, надо понимать, что речь идет о более сложном восприятии современных проблем, при котором они преломляются через особые культурную и историческую призмы в рамках особой репрезентативной системы [30, р. 13].

В выявлении других особенностей разных школ в данной сфере нашему автору очень помог американский исследователь У. Каллахан. Последний утверждал, что в основе любой теории международных отношений находится «большая идея». Для Цинь Яцина очень важен вывод его коллеги, согласно которому для американской школы такой идеей является демократический мир. В основании английской школы тот видел идею международного сообщества, китайской – всеобщей великой гармонии (датун). На этом основании китайский автор довел позицию американского специалиста до логического завершения: «Любая социальная теория является с самого начала этноцентричной». Следовательно, она и должна основываться на традиционных началах своей страны [30, р. 14]. Но для того, чтобы вернуться к своим мировоззренческим основам, считает автор, китайскому обществу и интеллектуалам понадобилось по-новому соотнести свою страну с международным сообществом. Пришлось им также отказаться от революционных идей борьбы со своим традиционным наследием. Только в силу того обстоятельства, что последние три десятилетия в Китае связаны с началом «нереволюционной эры развития», полагает автор, стало возможным как возрождение в нем традиционных основ, так и принятие некоторых западных образцов [30, р. 18].

Обратившись к более конкретным вопросам современной теории международных отношений, Цинь Яцин продолжил поиски собственного пути осмысления сферы международных отношений. Его не интересует категория интереса как одной из основополагающих категорий американской школы – о ней и так было много дебатов. В фокусе внимания китайского теоретика сначала оказалось одно из базовых положений английской школы, которое приобрело широкое признание и в других западных направлениях. «Идентичность или конфронтация идентичностей является ключевым вопросом, который лежит в основе любой дискуссии о признании международного сообщества в качестве первичного института» [29, р. 130]. Но Цинь Яцин видит исходную ограниченность категории идентичности как базового концепта, которую он отметил во время дебатов с Б. Бузаном – одним из лидеров английской школы. Прежде всего, этот концепт имеет очень сильную индивидуалистическую направленность. Поэтому попытки представить его как характерную черту всего международного сообщества вызвали возражение у китайского автора. Еще один недостаток идеи идентичности был связан с его неявным конфликтным содержанием. «Дело заключается в том, что системы ценностей, культуры и цивилизации почти невозможно непосредственно воспринимать и за ними все еще сохраняется диалектика конфликта: ты или наш, или чужой. Здесь нет какого-либо среднего пути» [29, р. 136]. В подтверждение правомерности своей позиции Цинь Яцин задает вполне резонный вопрос: если нации Восточной Азии имеют так много общего в ценностях, культурах и институтах, то тогда почему у них остается масса противоречий? [29, р. 137].

Следующее обстоятельство, которое не может принять китайский автор, заключается в стремлении подогнать все страны под единую шкалу, включающую в себя вестфальский и поствестфальский типы государства. Последний тип, как известно, характеризуется приверженностью идее прав человека, демократии и зеленого мира. Не секрет также, что у КНР трудности в отношениях с Западом возникают именно по данным показателям. По мнению Цинь Яцина, основная проблема с подобными универсалистскими претензиями сегодня заключается в следующем. «Поскольку европейское международное сообщество определяется в качестве субъективной целостности, китайское, индийское и мусульманское общества становятся его альтернативами или «другими», а поскольку европейское международное сообщество представляется в качестве модели, то другие общества не воспринимаются как относящиеся к модерну» [29, р. 134]. Поэтому этих «других» надо еще «подтягивать» до соответствующего уровня развития, «дообразовывать» и, вообще, «модернизировать». Не удивительно, что наш автор присоединяется к упрекам подобной трактовки международного сообщества в статичности и стереотипности, а также ее сугубо европейской ограниченности.

Выход из установленных ограничений и преодоление отмеченных недостатков сам Цинь Яцин надеется осуществить с помощью дуалистически-структурированного подхода, основанного на китайском стиле мышления, китайской диалектике и китайском понимании сущности общества. Подход такого рода предписывает учитывать отношения ego-(я) – общность [29, р. 131]. Принципиальная особенность данных оснований и предлагаемого на их основе нового подхода, по мнению автора, заключается в том, что «китайская диалектика не рассматривает противопоставление тезиса и антитезиса, но ратует за ко-тезисность или межтезисную дополнительность». Из подобной теоретической посылки вполне логично вытекает принципиально важный для Цинь Яцина вывод: «Поскольку идея ко-тезиса изначально является неконфликтной, фундаментальные взаимоотношения между ними (т.е. исходными тезисами. – *А.К.*) скорее будут гармоничными, чем конфликтными» [29, р. 139–140]. Автор также понимает, что использование указанных традиционных мировоззренческих установок не дает необходимого эффекта без формирования особого мышления, направленного на анализ взаимоотношений («мышление взаимоотношений»). По мнению Цинь Яцина, «такой стиль мышления или мировоззрение в качестве ключевого момента для понимания мира и общества больше обращает внимание на взаимодействие между объектами, чем на свойства самих объектов. Поскольку акторы являются взаимодействующими акторами, они действуют по нормам взаимоотношений, происходящих в сложно организованных обществах. По этой причине действующие правила и институты предназначены управлять не отдельными акторами, но отношениями между акторами». Приведенные достаточно абстрактные основания позволили автору сделать вполне конкретные выводы, к примеру: «Когда изменяются отношения, меняются и идентичности» [29, р. 139]. Здесь вполне уместно будет напомнить общепринятый на Западе тезис, согласно которому как раз идентичность определяет политику и политическое поведение.

Еще одним значимым следствием использования приведенных оснований является возможность новой трактовки концепта общество. В рамках мышления взаимоотношений и комплиментарной диалектики общество может быть представлено как сложность связей взаимодействия и открытый процесс. Поэтому Цинь Яцин предлагает и свое видение международного сообщества скорее как процесса, чем целостности, а также как комплекса сложных, запутанных и продолжающихся взаимоотношений» [29, р. 141]. Представленные идеи затем получили развитие в последующих работах данного автора [27; 28]. Здесь будет уместно снова напомнить о конкурирующих с предложенными данным автором разработках в области теории, которые предлагается выстраивать в том числе и на основе базовых положений даосизма (профессор Янь Сюэтуан).

Таким образом, несмотря на весь скепсис и критические замечания по поводу создания китайской теории международных отношений, на примере работ Цинь Яцина можно констатировать, что в них уже заложена серьезная альтернатива западным, и прежде всего американским, концептуальным основаниям осмысления миропорядка. Конечно, эти подходы и связанные с ними идеи еще нуждаются в более углубленной разработке. В этом смысле точка зрения, согласно которой дискурс о китайской школе в теории международных отношений – это в большей степени дискурс о ее будущем состоянии, вполне правомерна. Однако значение полученных китайскими специалистами результатов становится более убедительным, если их рассматривать в общем контексте достижений и проблем современной научной теории и методологии. К сожалению, при проведении подобного анализа мы сначала должны учитывать высокую степень политизированности как существующего теоретического арсенала науки о международных отношениях, так и социально-гуманитарного знания в целом. По признанию Р. Шиллиама, «определение того, кто может «мыслить» и создавать достоверное знание о человеческом существовании, всегда было вопросом политики» [32, р. 2].

До недавнего времени в области международных отношений не было особой проблемы с пониманием того, кто именно может создавать теории для осмысления данной сферы. Не случайно С. Хоффман одну из своих работ 1977 г. весьма недвусмысленно назвал «Международные отношения – это американская социальная наука» [8]. Однако к началу 2000-х гг. и у американских авторов возникли сомнения по данному вопросу, которые отразились, например, в появлении издания, в названии которого данный тезис уже фигурировал со знаком вопроса [21]. Основанием для таких примечательных перемен во взглядах вполне могло стать возникновение той же английской и копенгагенской школ международных отношений. Но, как это часто происходит в таких случаях, размывание прежних устоев дисциплины стало рассматриваться как симптом поразившего ее кризиса. Теперь нет недостатка в разного рода критических выпадах по поводу теории международных отношений, вплоть до полного отрицания ее значения. Очень показательной здесь является позиция К. Гоулдмана: «Политическая наука оказалась слабой относительно предсказания будущего, ее причинно-следственные модели шаткими, следовательно, выводы академических исследований международных отношений нельзя принимать всерьез как руководство к действию» [цит. по 2, с. 439]. Не менее примечательным выглядит тот факт, что на 53-й конференции Ассоциации международных исследований (апрель 2012, г. Сан-Диего) были проведены три специальных заседания на тему «Конец теории международных отношений?».

Однако еще в начале 1980-е гг. произошли события, которые сначала не привлекли особого внимания специалистов в сфере теории международ-

ных отношений. Тогда индийские исследователи поставили вопрос о западной перспективе в данной области. Затем группа представителей стран из третьего мира обратилась с призывом пересмотреть существующие нормы, регулирующие международные отношения, на том основании, что они созданы западными странами и отражают их реалии [10]. Но в начале 2000-х гг. инициативу, направленную на признание права создавать теории за границами Запада, уже поддерживают специалисты разных стран [34]. Начавшееся в это же время развитие таких направлений в социальной теории, как ориентализм, постколониализм, исследования культуры и др. со всей определенностью позволило обрисовать проблему евро-американской ограниченности существующего теоретического аппарата науки [17; 20; 26; 35]. Неудивительно, что европейские социальные теоретики, и прежде всего У. Бек, настойчиво призывают к преодолению «методологического национализма». Речь здесь идет, в том числе, о широко распространенной практике, когда реалиям одной конкретной страны или общества предписывался глобальный характер. Следовательно, призыв к созданию собственной китайской школы теории международных отношений в приведенном контексте вполне соответствует общему тренду развития последних 30 лет в данной сфере.

Постмодернистский вызов и современные представления о сфере социально-гуманитарного знания покончили с объективистскими настроениями и показали реальную специфику данной области исследований, в которой взаимодействуют разные интересы, представления о ценностях, установки, мнения и т.д. Поэтому, в отличие от естественных наук, в которых не может быть китайской физики, китайская теория международных отношений вполне правомерна в современной социально-политической науке. Вместе с тем ряд положений, приведенных в публикациях профессора Цинь Яцина, вполне согласуется с рядом важных принципов научной теории, прежде всего речь может идти о принципе дополнительности. Еще одним бесспорным достижением работ данного теоретика является осознание им важности изучения взаимоотношений и взаимодействий в современном научном анализе. Традиция исследования данных явлений была характерна для французского структурализма, но не для англосаксонской школы, озабоченной проблемой функций. Однако для международной сферы взаимоотношения – является одной из основополагающих категорий. Учитывая также современный тренд движения разных дисциплин в сторону нейронауки (нейроэкономика, нейросоциология, нейроантропология и др.), представляется очень актуальным поставленный китайским теоретиком вопрос о необходимости формирования «мышления взаимоотношений». В целом же работы Цинь Яцина представляют наглядный пример успешной реализации междисциплинарного подхода к проблеме, о котором много рассуждают, но который мало кто способен продемонстрировать в реальной практике.

Вместе с тем, необходимость обоснования тезиса о возможности нормального (мирного) взаимодействия различных акторов в условиях дополнительности оказала влияние на позицию Цинь Яцина. Она несет на себе отпечаток той же одномерной упрощенности, что и позиция наступательных реалистов, усматривающих в любой силе только угрозу. В рамках же предлагаемого данным автором мышления взаимоотношений более правомерно рассматривать данную проблемную ситуацию следующим образом: отношения между сильными государствами могут складываться как мирным, так и немирным образом. В любом случае, вывод, согласно которому в рассматриваемых обстоятельствах нет фатальной обреченности на конфликт, уже имеет большое значение. Но точно также в предлагаемой китайским теоретиком логике становится очевидным, что ситуация в Восточной Азии и на более глобальном уровне будет определяться не только позицией самого Китая, но также и политикой в его отношении других государств. В результате происходящего взаимодействия разных сторон и будет определяться конкретный характер их взаимоотношений на каждом определенном этапе. Не стоит также забывать, что формирующие определенную политику решения и связанные с ними конкретные действия во много будут задаваться сложившимися у каждой из сторон представлениями о сути возникающих проблем и способах их эффективного разрешения. В свою очередь, представления такого рода будут основываться на реалиях и историческом опыте различных государств. Поэтому собственная теория международных отношений нужна Китаю не только для того, чтобы решить конкретную задачу обоснования тезиса о мирном характере развития страны. Она также нужна для того, чтобы найти свое место в складывающемся новом миропорядке.

Однако признание возможности мирного развития Китая и права на существование китайской теории международных отношений ставит перед нами еще одну проблему, от обсуждения которой мы не можем уклониться. Суть ее заключается в том, что, если сегодня один из трендов развития теории международных отношений связан с отходом от евроамериканской ограниченности, то какое место в нем должна занять российская наука? Анализ положения дел в концептуальной сфере нашей науки дает основание предполагать, что, в отличие от Китая, мы в большей степени еще остаемся на стадии освоения американских и некоторых европейских наработок [3]. Определенная работа проделана также по классификации внешнеполитических взглядов российских лидеров. Между тем в нашей отечественной традиции есть свои достижения, которые становятся актуальными в современных условиях. Для нас особый интерес в данном контексте представляет сходство основных идей, развиваемых сегодня китайским теоретиком Цинь Яцином, и ряда положений теории этноса С. М. Широкогорова. Российский теоретик еще в 1920–

1930-х гг. уделял большое значение анализу различных связей и взаимоотношений, как в самой этнической общности, так и между разными средами и другими общностями. При этом он показал, что отношения между разными этническими общностями не сводятся только к одному варианту, но могут принимать разные формы: комменсализма (фактически нейтральные), сотрудничества, достигающего до кооперации (дополнительности), и менее желательной – паразитизма (на основе подчинения) [9, с. 101–102]. В рассматриваемой теории важное место также отведено идее психоментального комплекса, которая, включая в себя различные проявления сознательной и бессознательной сфер существования общности и индивидов, вобрала многие явления, традиционно относимые к области культуры. Представления о себе и своих соседях, как в виде этнических стереотипов, так и научного знания, рассматривались С. М. Широкогоровым в качестве составной части психоментального комплекса конкретной этнической общности [33].

Новаторский подход российского исследователя позволил ему также предложить идею «лидирующего этноса», который определялся как «...процесс, который завершается возникновением этнических общностей или группы этнических общностей, становящихся в разные исторические периоды образцами для других этнических групп» [33, р. 21]. В силу действующих механизмов функционирования психоментального комплекса роль лидера влечет за собой, как полагал С. М. Широкогоров, важные последствия. «Лидирующая общность обычно убеждена в своем полном превосходстве, в праве управлять другими общностями, а когда необходимо, то и уничтожать их во имя «прогресса», справедливости, бога и других оправдывающих обстоятельств, выбор которых исключительно зависит от существующего психоментального комплекса. Такая общность не верит в свое временное существование, но настроена на то, что достигнутое ею положение будет сохраняться вечно» [33, р. 22]. Следовательно, «реалистский» прогноз в отношении мирного подъема Китая также имеет под собой основания. Только теперь пред нами открывается новая грань этой проблемы: сможет ли Китай, по мере нарастания своих успехов, избежать соблазнов лидирующего этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскресенский, А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 87–95.
2. Кеохейн, Р. Международные отношения вчера и сегодня // Политическая наука : новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М. : Вече, 1999. – С. 438–450.

3. Конышев, В. Н. Теория международных отношений : канун «великих дебатов»? / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 66–78.
4. Ломанов, А. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая) [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/book/n_4246.
5. Лукин, А. В. Внешняя политика Китая – новый поворот? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mgimo.ru/news.
6. Мирное развитие Китая [Электронный ресурс]. 2011.09.06. – Режим доступа: www.china-embassy.org.
7. Си Цзиньпин. Китай будет решительно идти по пути мирного развития, но при этом считает недопустимым жертвовать ключевыми интересами государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cntv.ru.
8. Чжан Жуйчжуан. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития / Чжан Жуйчжуан, А. Королев // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 3. – С. 96–110.
9. Широкогоров, С. М. Этнос : исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. – Шанхай, 1923. – 135 с.
10. Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World Societies / ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. – Williamsburg : Department of Anthropology, 1982. – 92 p.
11. Buzan, B. China in International Society Is «Peaceful Rise» Possible? // The Chinese Journal of International Relations. – 2010. – Vol. 3, no. 1. – P. 5–36.
12. Chin-yu Shin. Sinicizing International Relations. Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia / Chin-yu Shin. – NY. : Palgrave Macmillan, 2013. – 256 p.
13. China's New Diplomacy. Tactical or Fundamental Change? / ed. by S. Harris, P. Kerr, Qin Yaqing. – NY. : Palgrave Macmillan Press, 2008. – 298 p.
14. China's Rise in Historical Perspective / ed. by B. Womack, L. Dittoner, E. Downs. – [S. l.] : Rowman and Littlefield Publishers, 2010. – 266 p.
15. Contemporary Chinese Political Thought. Debates and Perspectives / ed. by F. Dallmayr, Zhao Tingyang. – Lexington : The University of Kentucky, 2012. – 306 p.
16. Chung, G. C. K. International relations theory in flux in view of China's «Peaceful Rise» // Copenhagen journal of Asian studies. – 2008. – Vol. 26 (1). – P. 5–21.
17. Hobson, J. M. The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Relations Theories 1760–2010 / J. M. Hobson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 393 p.

18. Hoffmann, S. An American Social Science : International Relations // *Daedalus*. – 1977. – Vol. 106, no. 3. – P. 41–60.
19. Hung-Jen Wang. *The Rise of China and Chinese International Relations and Scholarship* / Hung-Jen Wang. – [S.l.] : Lexington Books, 2013. – 201 p.
20. *International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity* / ed. by R. Shilliam. – NY. ; L. : Routledge, 2011. – 272 p.
21. *International Relations – Still an American Social Science? Towards Diversity in International Thought* / ed. by R. Crawford, D. Jervis. – Albany : State University of New York Press, 2001. – 403 p.
22. Kaplan, R. D. *The Geography of Chinese Power* // *Foreign Affairs*. – 2010. – May/June, 89/3. – P. 22–41.
23. Mearsheimer, J. J. *The Gathering Storm: China’s Challenge to US Power in Asia* // *The Chinese Journal of International Policy*. – 2010. – Vol. 3. – P. 381–396.
24. Mearsheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics* / J. Mearsheimer. – NY. : WW Norton, 2001. – 576 p.
25. *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on Beyond Asia* / ed. by A. Acharya, B. Buzan. – L. ; NY. : Routledge, 2010. – 256 p.
26. *Postcolonial Theory and International Relations : A Critical Introduction* / ed. by Seth Sanjay. – L. ; NY. : Routledge, 2013. – 216 p.
27. Qin Yaqing. *Culture and global thought : Chinese international theory in the making* [Electronic resource]. – Access: <http://www.google.gtmUL>.
28. Qin Yaqing. *Chinese Culture and its Implication for Foreign Policy-making* [Electronic resource]. – Access: www.ciis.org.cn.
29. Qin Yaqing. *International Society as a Process: Institutions, Identities, and China’s Peaceful Rise* // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2010. – Vol. 3. – P. 129–153.
30. Qin Yaqing. *Why is There no Chinese International Relations Theory? // Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia* / ed. by A. Acharya, B. Buzan. – L. ; NY. : Routledge, 2010. – P. 26–50.
31. Rex, L. *Rising China and Security in East Asia. Identity construction and security discourse* / L. Rex. – L. : Routledge, 2009. – 297 p.
32. Shilliam, R. *Non-Western Thought and International Relation* // *International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity* / ed. by R. Shilliam. – L. ; NY. : Routledge, 2011. – P. 1–11.
33. Shirokogoroff, S. M. *Psychomental Complex of the Tungus* / S. M. Shirokogoroff. – L. : Catholic University Press, Kegan & Paul, 1935. – XVI, 469 p.
34. *The Zen of International Relations Theory from East to West* / ed. by S. Chan, P. Mandaville, R. Bleiker. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2001. – 266 p.

35. Vucetic, S. *The Anglosphere, A Genealogy of a Racilized Identity in International Relations*. – Stanford : Stanford University Press, 2011. – 272 p.
36. Zhang Feng. Debating the «Chinese Theory of International Relations»: Toward a New Stage of China's International Studies // *Contemporary Chinese Political Thought : Debates and Perspectives* / eds. by F. Dallmayr, Zhao Tingyang. – Lexington : The University of Kentucky, 2012. – P. 67–90.

REFERENCES

1. Voskresenskii A.D. Mirovye kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoi (kitaizirovannoi) teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [World integrated regional studies and prospects of the creation of non-Western (so sinified) international relations theory]. *Politicheskije issledovaniya* [Political research], 2013, no. 6, pp. 87–95.
2. Keokhein R. Mezhdunarodnye otnosheniya vchera i segodnya [International relations yesterday and today]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. Eds. R. Gudin, Kh.-D. Klingemann. Moscow: Veche Publ., 1999, pp. 16–32.
3. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kanun «velikikh debatov»? [Theory of international relations: the eve of the «great debate»?]. *Politicheskije issledovaniya* [Political research], 2013, no. 1, pp. 66–78.
4. Lomanov A. *Chzhungo hapin tsuatsi* (The peaceful rise of China). *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs]. Available at: http://www.globalaffairs.ru/book/n_4246 (accessed 18 March 2014).
5. Lukin A.V. *Vneshnyaya politika Kitaya – novyi povorot?* [China's foreign policy – new turn]. Available at: www.mgimo.ru/news (accessed 18 March 2014).
6. *Mirnoe razvitie Kitaya* [China's peaceful development]. 2011.09.06. Available at: www.china-embassy.org (accessed 18 March 2014).
7. Si Tszin'pin. Kitai budet reshitel'no idti po puti mirnogo razvitiya, no pri etom schitaet nedopustimym zhertvovat' klyuchevymi interesami gosudarstva [China will firmly follow the path of peaceful development, but finds it unacceptable to sacrifice the interests of key state]. Available at: www.cntv.ru (accessed 18 March 2014).
8. Chzhan Zhuichzhuan, Korolev A. Teoriya meshdunarodnykh otnoshenij s kitajskoj spetsifikoj: sovremennoe sostoyanie i tendetsii razvitiya [International relations theory with Chinese characteristics: current state and development trends]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2010, no. 3, pp. 96–110.
9. Shirokogorov S.M. *Etnos: issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii* [Study of the basic principles of change of ethnic and ethnographic phenomena]. Shanghai, 1923. 135 p.
10. *Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World Societies*. Eds.

H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Williamsburg: Department of Anthropology, 1982. 92 p.

11. Buzan B. China in International Society. Is «Peaceful Rise» Possible? *The Chinese Journal of International Relations*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 5–36.

12. Chin-yu Shin. *Sinicizing International Relations. Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia*. NY.: Palgrave Macmillan Press, 2013. 256 p.

13. *China's New Diplomacy. Tactical or Fundamental Change?* Eds. S. Harris, P. Kerr, Qin Yaqing. NY.: Palgrave Macmillan Press, 2008. 298 p.

14. *China's Rise in Historical Perspective*. Eds. B. Womack, L. Dittoner, E. Downs. S.I.: Rowman and Littlefield Publishers, 2010. 266 p.

15. *Contemporary Chinese Political Thought. Debates and Perspectives*. Eds. F. Dallmayr, Zhao Tingyang. Lexington: The University of Kentucky, 2012. 306 p.

16. Chung, G. C. K. International relations theory in flux in view of China's «Peaceful Rise». *Copenhagen journal of Asian studies*, 2008, vol. 26 (1), pp. 5–21.

17. Hobson J.M. *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Relations Theories 1760-2010*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 393 p.

18. Hoffmann S. An American Social Science: International Relations. *Daedalus*, 1977, vol. 106, no. 3, pp. 41–60.

19. Hung-Jen Wang. *The Rise of China and Chinese International Relations and Scholarship*. S.I.: Lexington Books, 2013. 201 p.

20. *International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity*. Ed. R. Shilliam. L.; NY.: Routledge, 2011. 272 p.

21. *International Relations – Still an American Social Science? Towards Diversity in International Thought*. Eds. R. Crawford, D. Jervis. Albany: State University of New York Press, 2001. 403 p.

22. Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. *Foreign Affairs*, 2010, May/June, 89/3, pp. 22–41.

23. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. *The Chinese Journal of International Policy*, 2010, vol. 3, pp. 381–396.

24. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. NY.: WW Norton, 2001. 576 p.

25. *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on Beyond Asia*. Eds. A. Acharya, B. Buzan. L.; NY.: Routledge, 2010. 256 p.

26. *Postcolonial Theory and International Relations: A Critical Introduction*. Ed. L. Seth Sanjay. L.; NY.: Routledge, 2013. 216 p.

27. Qin Yaqing. *Culture and global thought: Chinese international theory in the making*. Available at: <http://www.google.gtmUL> (accessed 18 March 2014).

28. Qin Yaqing. *Chinese Culture and its Implication for Foreign Policy-making*. Available at: www.ciis.org.cn (accessed 18 March 2014).
29. Qin Yaqing. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, pp. 129–153.
30. Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? *Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia*. Eds. A. Acharya, B. Buzan. L.; NY.: Routledge, 2010, pp. 26–50.
31. Rex L. *Rising China and Security in East Asia. Identity construction and security discourse*. L.; NY.: Routledge, 2009. 297 p.
32. Shilliam R. Non-Western thought and international relations. *International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity*. Ed. R. Shilliam. L.; NY.: Routledge, 2011, pp. 1–11.
33. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. L.: Kegan & Paul, 1935. XVI, 469 p.
34. *The Zen of International Relations Theory from East to West*. Eds. S. Chan, P. Mandaville, R. Bleiker. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 266 p.
35. Vucetic S. *The Anglosphere, A Genealogy of a Racilized Identity in International Relations*. Stanford: Stanford University Press, 2011. 272 p.
36. Zhang Feng. Debating the «Chinese Theory of International Relations»: Toward a New Stage of China's International Studies. *Contemporary Chinese Political Thought : Debates and Perspectives*. Eds. F. Dallmayr, Zhao Tingyang. Lexington: The University of Kentucky, 2012, pp. 67–90.

Коротич Семён Александрович, аспирант, младший научный сотрудник научной лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Школы региональных и международных исследований ДВФУ, Владивосток. E-mail: semyon.korotich@gmail.com

СООБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АСЕАН-2015: ДОСТИЖИМА ЛИ ЦЕЛЬ?

В статье анализируется роль Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в качестве института безопасности и возможность построения на этой основе Сообщества политической безопасности к 2015 г.

Обычно Ассоциация преимущественно рассматривается через призму ее роли в качестве экономического объединения, поэтому рассмотрение роли АСЕАН как института обеспечения безопасности представляется особенно интересным на фоне того, что государствам – членам Ассоциации

удавалось избегать вооруженных конфликтов на протяжении 46 лет с момента ее учреждения.

Особое внимание в статье уделено анализу сформированных АСЕАН правил и принципов, которыми руководствуются страны Ассоциации в развитии отношений друг с другом и другими государствами Восточной Азии, а также анализу основных документов, в которых подобные принципы закреплены. Автор акцентирует внимание на наличии у АСЕАН особенного комплексного понимания безопасности, которое характеризуется комплексным взглядом на разного рода социальные явления как на возможные источники угроз безопасности.

В статье прослеживается эволюция АСЕАН как института безопасности. Автор отмечает, что выдвинутое в 1997 г. предложение о формировании на пространстве АСЕАН Сообщества обозначило важный этап эволюционного развития организации. Однако, несмотря на обилие принятых нормативных документов, формирующих каркас Сообщества политической безопасности АСЕАН (СПБА), автор обращает внимание на сохраняющие свою актуальность проблемы в отношениях стран Ассоциации и препятствия на пути его построения.

В заключении статьи автор подводит итоги относительно роли АСЕАН в качестве регионального института безопасности. Он отмечает достигнутый странами Ассоциации прогресс в отношениях, подчеркивая существенные достижения АСЕАН в обеспечении региональной стабильности – формировании внутренних мер и региональных механизмов безопасности на пространстве Восточной Азии, таких как Региональный форум АСЕАН и Восточноазиатский саммит. Формируя объективный взгляд на современное положение объединения, автор обращает внимание также на его слабые стороны и недостатки. Рассматривая вероятность формирования СПБА к 2015 г., автор выделяет три сценария развития событий. В итоге автор отмечает, что формирование Сообщества политической безопасности к 2015 г. кажется маловероятным, поскольку Ассоциации предварительно необходимо справиться с сохраняющими свою актуальность внутригосударственными и межгосударственными проблемами, а также угрозами безопасности.

Ключевые слова: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Сообщество АСЕАН, Сообщество политической безопасности АСЕАН (СПБА), международная организация, безопасность, архитектура безопасности, интеграция, региональное политическое сотрудничество, Восточная Азия, Южно-Китайское море.

Semyon A. Korotich, post-graduate student, Junior researcher of the Scientific laboratory of the «International Institutions and Multilateral Cooperation of the Asia-Pacific region», School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: semyon.korotich@gmail.com

ASEAN POLITICAL-SECURITY COMMUNITY-2015: IS THE GOAL REACHABLE?

In the article the author reviews the role of Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as a security institution, analyzing the possibility of its transformation into the ASEAN Political Security Community by 2015.

ASEAN is commonly viewed as an economic entity; therefore, the article looks at it from the perspective of its role as a security institution. That seems to be especially interesting on the backdrop of absence of armed conflicts among the ASEAN member-states since its inception in 1967.

The article is focused on the analysis of the rules and principles elaborated by ASEAN and used as the imperatives for cooperation between member-states and Dialogue Partners in East Asia. The article also analyzes the main documents containing those principles and practices. The author repeatedly highlights the ASEAN's special understanding of security, characterized by a comprehensive approach to various aspects of social life as possible sources of security threats.

The author traces the evolution of the Association as a security institution. The proposal of forming ASEAN Security Community was put forward in 1997 outlining an important step in the ASEAN evolutionary development. Despite the fact that numerous documents forming the framework of the ASEAN Political Security Community have been adopted, the author emphasizes the existing problems in relations of ASEAN member-states that still pose the threat to regional cooperation.

In the end of the article the author comes with several conclusions regarding the role of ASEAN as a regional security institution. He emphasizes the progress made by the ASEAN member-states in political and economic cooperation and maintaining regional stability through the formation of intraregional and regional security mechanisms and arrangements such as ASEAN Regional Forum and East Asia Summit. Trying to form an objective assessment of the modern position of the organization, the author reveals its weak points and drawbacks. Speculating about the future of the ASEAN Political-Security Community development he outlines three possible scenarios. And finally the author comes to the conclusion that the formation of the ASEAN Political Security Community is highly unlikely, since the Association still suffers from various unresolved problems and security issues.

Key words: Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), ASEAN Political Security Community, international organization, security, security architecture, integration, regional political cooperation, East Asia, South China Sea.

Образованная в 1967 г. АСЕАН в настоящее время объединяет 10 государств: Бруней, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам – все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора, отделившегося от Индонезии в 2002 г. Экономическое сотрудничество во многом стало основой Ассоциации, поэтому в современной литературе АСЕАН преимущественно рассматривается через призму ее роли в качестве экономического института. Однако нельзя не отметить значимость Ассоциация в стабилизации региона и построении региональной архитектуры безопасности.

На момент создания АСЕАН представляла собой эксперимент по построению уникальной региональной системы отношений, основанной на экономическом и политическом сотрудничестве, уважении государственного суверенитета и невмешательстве во внутренние дела других государств. При таком региональном порядке страны АСЕАН, не опасаясь друг друга, имели возможность прилагать больше усилий и направлять больше ресурсов для решения важных внутригосударственных задач – социальной консолидации и экономического развития. Данный подход оказался успешным, он способствовал укреплению стабильности на государственном и региональном уровнях. Подобный опыт заложил основу для возникновения уникальной для АСЕАН и нехарактерной для других азиатских объединений особенности – наличия политического доверия.

На протяжении следующих лет на фоне стремления стран избежать конфликтов посредством построения диалога и укрепления доверия, в АСЕАН постепенно сформировался уникальный характер сотрудничества, который часто называют «методом АСЕАН» или «подходом АСЕАН». В отсутствие четкого, официального определения этого термина «метод АСЕАН» обычно представляется особым подходом к межгосударственному сотрудничеству, основанном на уважении суверенитета государств, невмешательстве во внутренние дела, консенсусе в принятии решений. Важной характеристикой является его неформальный, поэтапный подход к обсуждению принимаемых решений, с акцентом ведения дел с внешними державами на коллективном формате на принципах мирного урегулирования споров и отказа от применения силы [4].

Подавляющее большинство принципов «метода АСЕАН» закреплено в Договоре о дружбе и сотрудничестве, принятом в 1976 г. с целью сохранения долгосрочного мира и сотрудничества между государствами Юго-Восточной Азии, способствующим сближению стран [22]. По мнению стран – членов

Ассоциации, Договор должен стать нормативной основой регионального порядка в Восточной Азии, и с 2004 г. присоединение к нему стало обязательным условием для участия в Восточноазиатском саммите.

За годы сотрудничества в АСЕАН сформировалось особое восприятие и понимание безопасности. Она рассматривает безопасность комплексно, принимая во внимание природу и взаимные связи факторов, провоцирующих возникновение угроз. Такое понимание безопасности исходит из внутренней природы стран – членов Ассоциации, многие акторы которой, будучи многонациональными и многоконфессиональными странами, учитывали, что политическая, экономическая, религиозная и прочие сферы жизнедеятельности могут быть потенциальными источниками разного рода угроз, как для отдельных государств, так и для всего региона.

Таким образом, страны АСЕАН всегда имели дело как с традиционными, так и с нетрадиционными угрозами, пусть они и рассматривались долгое время в качестве внутренних проблем отдельных стран-членов. Это обусловило формирование особого подхода к преодолению нетрадиционных угроз безопасности, опирающегося на два ключевых принципа:

1) преодоление нетрадиционных угроз безопасности является прерогативой отдельных государств;

2) мирная обстановка и региональная стабильность являются необходимым условием для эффективного решения внутренних проблем. Такой подход способствовал формированию другой, характерной для АСЕАН как для института безопасности, стратегии «региональной устойчивости» [13]. Следуя ее логике, «если каждое государство – член АСЕАН сможет достигнуть высокого уровня государственного развития, то в сумме это усилит региональную устойчивость, по аналогии с цепью, прочность которой складывается из прочности ее звеньев» [17, с. 112]. Другими словами, стабильность и устойчивость каждого из государств является основой прочного регионального сотрудничества.

Хотя эта стратегия кажется интроспективной, АСЕАН учитывает роль и влияние внешних акторов. На протяжении всей холодной войны ЮВА была ареной противостояния и соперничества крупнейших мировых держав – Советского Союза, США и Китая. Поэтому Ассоциация искала возможности минимизировать негативное влияние на регион глобальной конфликтности и старалась дистанцироваться от силовой политики. На фоне войны во Вьетнаме и нестабильности в индокитайской части ЮВА страны АСЕАН закрепили в качестве одного из базовых принципов сотрудничества стремление «не допустить вмешательства в какой бы то ни было форме со стороны внешних держав» [19]. Наряду с этим был сформирован тезис о том, что региональные проблемы должны решаться на региональном уровне и непосредственно странами региона, а внешнее присутствие (иностранные военные базы) в регионе должно носить временный характер [3]. Про-

должая эту линию, в 1971 г. АСЕАН была провозглашена Зоной мира, свободы и нейтралитета, а в 1995 г. – Зоной, свободной от ядерного оружия. Но, несмотря на нейтральную внешнеполитическую позицию, которой формально придерживалась Ассоциация, США продолжали играть важную роль в обеспечении региональной безопасности. Более того, некоторые государства АСЕАН по-прежнему связаны с США военно-политическими соглашениями.

После окончания холодной войны, несмотря на масштабные региональные и глобальные изменения, подход АСЕАН к обеспечению региональной безопасности претерпел несущественные изменения. Суверенитет остался ключевым и важнейшим элементом регионального сотрудничества, а угрозы, с которыми сталкивается регион, многочисленны, носят комплексный характер и способны приобретать различные формы. Так, в представлении многих стран ЮВА угроза терроризма – одна из проблем, идущих рука об руку с огромным количеством других проблем, таких как бедность, транснациональная преступность, пиратство, торговля людьми, межобщинные столкновения и сепаратизм. Однако страны АСЕАН изменили свое отношение к процессу преодоления нетрадиционных угроз безопасности и признали необходимость создания многосторонних механизмов, которые позволяли бы им объединять усилия и более эффективно справляться с ними.

Существенным же образом изменился подход АСЕАН к определению традиционных угроз безопасности. После присоединения к Ассоциации всех государств ЮВА на первый план для АСЕАН вышли угрозы безопасности, исходящие из-за пределов ЮВА, – территориальные споры в Южно-Китайском море, двусторонние территориальные споры между странами Восточной Азии, а также возможность возникновения конфликта между великими державами. Таким образом, к концу века АСЕАН стала обращать особое внимание на угрозы безопасности, исходящие извне, а также осознала необходимость обеспечения безопасности и стабильности на всем Восточноазиатском пространстве.

Для этого АСЕАН, опираясь на довольно успешный внутренний опыт сотрудничества в преодолении угроз безопасности, нацелилась на распространение модели АСЕАН и развитие сотрудничества со странами Восточной Азии. Первым шагом стало учреждение в 1993 г. Регионального Форума АСЕАН по безопасности, за ним – создание в 1997 г. АСЕАН + 3 и в 2005 г. – Восточноазиатского Саммита. Во всех этих объединениях Ассоциация заняла центральную позицию, а в качестве механизма сотрудничества был избран «метод АСЕАН». Таким образом, ей удалось вписать себя в контекст Восточной Азии, при этом региональный порядок стал, в значительной степени, зависим от Ассоциации. Она посредством вышеназванных инициатив стала позиционировать себя в ка-

честве своеобразного «менеджера» регионального порядка не только в ЮВА, но и на всем пространстве Восточной Азии [17, с. 110–114]. Так, к концу XX в. АСЕАН, наряду с системой «ступицы и спиц» США, удалось укрепиться в качестве одной из двух опор региональной архитектуры безопасности [21, с. 97].

В контексте с восточноазиатским направлением лидеры стран АСЕАН углубляли политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности на пространстве ЮВА. Для этого необходим был новый вектор развития, который реализовался через идею формирования Сообщества АСЕАН, впервые озвученную на саммите АСЕАН в 1997 г. и отраженную в финальном документе саммита – «Видение АСЕАН – 2020». Согласно документу, к 2020 г. ЮВА должна превратиться в очаг мира и стабильности [8].

На саммите 2003 г., прошедшем на о. Бали в Индонезии, данная концепция была более тщательно проработана, конкретизирована и изложена во Второй Декларации согласия АСЕАН («Балийское согласие-2»). В ней были определены три опоры сообщества: Сообщество политической безопасности АСЕАН, Экономическое сообщество АСЕАН, Социокультурное сообщество АСЕАН. Согласно документу, Сообщество безопасности АСЕАН создается с целью поднятия политического сотрудничества входящих в него стран и сотрудничества в области безопасности на более высокий уровень, а также с целью обеспечения мирного сосуществования стран как в рамках АСЕАН, так и за ее пределами в атмосфере мира, демократии и гармонии [10].

Дальнейшее развитие идея формирования Сообщества политической безопасности АСЕАН получила в принятом в 2004 г. плане действий Сообщества безопасности АСЕАН. Он обозначил нормы регионального порядка и закрепил приверженность стран Ассоциации к формированию общих социально-политических ценностей, таких как ориентация на построение мирных отношений, отказ от использования насилия как инструмента внешней политики и т.д. [7]. В 2004 г. было также принято решение о переносе конечной даты формирования Сообщества с 2020 г. на 2015 г.

В 2009 г. в рамках формирования Дорожной карты Сообщества АСЕАН был принят Проект Сообщества политической безопасности АСЕАН, обозначивший конкретные ориентиры и аспекты развития Ассоциации. Проект выделяет три ключевых характеристики: 1) Сообщество, основанное на общих ценностях, правилах и нормах; 2) Сплоченный, мирный, стабильный, гибкий регион, где страны разделяют ответственность за обеспечение всеобщей безопасности; 3) Динамичный и открытый внешнему миру регион во все более интегрированном и взаимозависимом мире [6]. В его основе лежит классическая концепция сообщества безопасности, описанная Карлом Дойчем и его последователями Эмануэлем Адлером, Майклом

Беннетом и Майклом Хаасом. Исходя из трактовки Дойча, сообщество безопасности – регион или группа государств, в отношениях которых исключена возможность применения насилия. Следовательно, для него характерен вид межгосударственных отношений, при которых государства устраняют противоречия в отношениях посредством специальных норм, институтов и правил, не прибегая к вооруженному насилию. Основой сообщества безопасности при этом называется высокая степень доверия между государствами – «чувство общности», а также наличие общих для группы государств правил и институтов [11].

Применительно к АСЕАН стоит отметить, что в процессе построения Сообщества политической безопасности страны – члены Ассоциации намерены укрепить существующее доверие за счет практических механизмов взаимодействия, учитывающих гармонизацию государственных стандартов, укрепление гражданских связей и развитие механизмов «второй дорожки». Все это должно связать страны АСЕАН на разных уровнях и тем самым создать региональный порядок, в котором полностью исключена возможность возникновения вооруженного конфликта по причине полного отсутствия конфликтных точек в их отношениях. При внешней интроспективности самой концепции сообщества безопасности, Сообщество политической безопасности АСЕАН (СПБА) должно помимо прочего стать механизмом, способствующим развитию внешних контактов, иметь институциональные инструменты по предотвращению и разрешению конфликтов, сохранению центрального места в архитектуре безопасности Восточной Азии.

Опираясь на базовую трактовку сообщества безопасности, можно сказать, что АСЕАН формально сообществом безопасности уже является – странам АСЕАН за всю историю удавалось избегать войн и крупных вооруженных межгосударственных конфликтов, отношения государств внутри Ассоциации регулируются специальными правилами и институтами. Однако при более детальном рассмотрении можно отметить, что на современном этапе АСЕАН по-прежнему страдает от ряда существенных внутренних проблем. Так, несмотря на достаточно проработанный план формирования Сообщества политической безопасности АСЕАН, существует большой разрыв между установками, заявленными в документах Сообщества политической безопасности, и их исполнением. И, несмотря на распространенную точку зрения о том, что проблемы безопасности необходимо решать с помощью многосторонних механизмов и институтов для урегулирования проблем безопасности, государства АСЕАН по-прежнему предпочитают решать двусторонние проблемы один на один. А нерешенные проблемы в отношениях стран Ассоциации по-прежнему таят в себе существенную угрозу региональной безопасности.

Препятствия на пути построения сообщества безопасности

В отношениях государств – членов АСЕАН до сих пор присутствуют проблемы, которые могут не только существенно осложнить построение Сообщества политической безопасности, но и вовсе угрожают региональной стабильности и безопасности.

Изменение баланса сил

На момент создания АСЕАН система региональных отношений преимущественно находилась под влиянием двух крупнейших мировых держав – США и СССР. Три азиатских великих державы – Китай, Япония, Индия – на тот момент не могли претендовать на лидерство в регионе. Индия была ослаблена внутренними проблемами и напряженными отношениями с соседним Пакистаном. Китай увяз в проблемах, связанных с культурной революцией, и не пользовался доверием государств ЮВА из-за поддержки коммунистических повстанческих группировок в регионе. Япония, несмотря на чрезвычайно быстрое развитие экономики, по-прежнему воспринималась с недоверием соседями по региону из-за наследия прошлого.

Таким образом, возникновение АСЕАН было обусловлено комбинацией двух ключевых региональных факторов. Во-первых, региональный баланс сил, основанный на взаимном сдерживании США и СССР, дал государствам ЮВА свободу устанавливать собственные экономические и политические цели, не беспокоясь о вмешательстве супердержавы в этот процесс. Во-вторых, затрудненное положение Китая, Японии и Индии предоставило государствам АСЕАН возможность выступить со своей моделью регионализма, избавленной от влияния традиционных азиатских держав [1].

В настоящее время, на фоне роста Китая, подъема Индии, постепенной переоценки негативного отношения к Японии, осуществления стратегии «ребалансирования» США и развития азиатского вектора внешней политики России, региональный порядок в значительной степени формируется под влиянием взаимоотношений этих государств [2]. На фоне этого степень влияния АСЕАН может существенно сократиться в ближайшее время. Вне зависимости от того, как будут складываться отношения великих держав – склоняться к противостоянию или трансформироваться в партнерство, – АСЕАН рискует остаться на периферии и впоследствии утратить былое влияние.

Внутренние проблемы АСЕАН

Главным успехом АСЕАН как регионального механизма безопасности является его способность смягчать, регулировать, а иногда и разрешать внутренние для Ассоциации проблемы. Вся история Ассоциации является

тому примером. Однако, несмотря на то, что большинство принципиальных противоречий в отношениях отдельных государств АСЕАН были урегулированы, некоторые проблемы по-прежнему представляют угрозу региональной безопасности. В частности, плеяда неурегулированных территориальных противоречий относительно принадлежности сухопутных, островных и морских территорий представляет собой серьезную угрозу региональному порядку [16].

Ярким примером взрывного потенциала подобных противоречий служит территориальный спор между Таиландом и Камбоджей, который едва не привел к вооруженным столкновениям и грозил перечеркнуть все усилия по построению Сообщества. Целый спектр проблем окружает отношения Сингапура с соседями. С Малайзией у Сингапура периодически возникают трения по поводу доступа к водным ресурсам и периодического нарушения воздушного пространства Малайзии военными самолетами Сингапура. С Индонезией у Сингапура отношения осложнены вопросами об определении границ между странами, а также противоречиями относительно экстрадиции Сингапуром индонезийских преступников, которые предпочитают скрываться от закона в Сингапуре или использовать его для побега в другую страну.

Прочное сотрудничество и политическое единодушие являются одними из фундаментальных принципов АСЕАН. В связи с этим неурегулированные проблемы в отношениях стран Ассоциации способны вбить клин между странами АСЕАН и тем самым значительно ослабить как саму Ассоциацию, так и существенно ограничить возможность формирования Сообщества политической безопасности.

Споры в Южно-Китайском море

Эта проблема в последнее время становится все более очевидной и несет в себе гораздо большую угрозу как АСЕАН, так и региональной безопасности. Здесь и противоречия между государствами АСЕАН, и другими государствами Восточной Азии; присутствует элемент силового противостояния и изменения баланса силы. Будучи изначально локальной, проблема постепенно выходит на региональный и даже глобальный уровень.

Государствам – участникам территориальных споров удавалось долгие годы избегать обострения отношений и, за рядом исключений, мирно обсуждать этот вопрос, не прибегая к насилию. Однако несмотря на то, что этот вопрос неоднократно обсуждался на разных международных форумах, до принятия в 2002 г. Декларации о кодексе поведения в Южно-Китайском море существенных результатов в решении данного вопроса достигнуто не было. Отсутствие вооруженных столкновений между участниками споров, вероятнее всего, обусловлено тем, что на протяжении прошлых 20 лет Китай был больше озабочен развитием и укреплением своей экономики, а

также урегулированием политических противоречий с Тайванем. Сейчас, когда отношения с Тайванем уже не так конфликтны и Китай уже достиг внушительного уровня экономической и военной мощи, вопрос о принадлежности территорий Южно-Китайского моря вспыхнул с новой силой.

Данное обстоятельство напоминает, что традиционная практика «заматывания конфликтов под ковер» не всегда работает. Подобный подход работает до тех пор, пока отношения между государствами остаются хорошими, но он не может заменить долгосрочных механизмов разрешения конфликтов.

Внутригосударственные и трансграничные конфликты

Юго-Восточная Азия во второй половине XX в. являлась одним из центров насилия. Этнические и сепаратистские движения в Восточном Тиморе и провинции Ачех послужили причинами смерти 200 и 2000 человек соответственно. Переход от президента Сукарно к президенту Сухарто в Индонезии, сопровождавшийся антикоммунистическими погромами, отнял порядка 400 тыс. человеческих жизней. Число погибших в Мьянме также исчисляется десятками тысяч. От рук Красных Кхмеров с 1975 г. по 1979 г. погибло порядка 1,7 млн человек (1/4 населения Камбоджи) [1].

Несмотря на различные исторические обстоятельства, можно выделить две базовых причины конфликтов в странах АСЕАН. Во-первых, несоответствие границ современных стран историческим границам этнических групп, входящих в состав этих государств (люди, принадлежащие к одной этнической группе, находятся по разные стороны границы, либо в одном государстве проживает огромное количество различных этнических групп). Во-вторых, политическая нестабильность, вызванная борьбой между социальными группами, стремящимися сохранить существующий режим и требующими произвести политические изменения, а в некоторых случаях вообще свергнуть авторитарную власть.

Многие внутренние конфликты могут выплеснуться за пределы государственных границ, особенно когда участники боевых действий или беженцы стремятся покинуть зону конфликта и ищут убежища в соседних странах. Несмотря на то, что в последнее время это происходит весьма редко, подобное развитие событий может стать причиной серьезного конфликта в отношениях стран АСЕАН. Другой причиной конфликтов может стать неравномерная демократизация стран региона.

В последнее десятилетие был положен конец нескольким продолжительным сепаратистским движениям, в особенности в Восточном Тиморе и провинции Ачех, пусть и ценой огромных человеческих и материальных жертв. Однако уменьшение активности сепаратистских движений в южной части Филиппин и на юге Таиланда вряд ли произойдет в ближайшее время. Мьянма, будучи недостаточно стабильным государством, может испы-

тывать периодические всплески активности повстанческих и сепаратистских движений, как это происходило в 2009–2010 гг.

Наиболее свежим примером ситуации, при которой внутренние противоречия могут поставить под угрозу отношения двух стран, является инцидент с Султанатом Сулу, который в марте 2013 г. существенно осложнил отношения между Малайзией и Филиппинами и едва не привел к конфликту*.

Транснациональные угрозы

Транснациональные угрозы (ухудшение состояния окружающей среды, терроризм, контрабанда наркотиков и т.д.) – явления, не знающие границ. Некоторые из них, такие как эпидемия атипичной пневмонии (тяжелый острый респираторный синдром) или террористические акты 2002 г. в Бали, появляются неожиданно и влекут за собой тяжелые последствия. Другие угрозы, такие как изменение климата, напротив, имеют длительный период созревания и неочевидные последствия, поэтому они часто игнорируются правительствами.

В случае АСЕАН самой масштабной угрозой, пожалуй, является изменение климата и ухудшение условий окружающей среды. Регион особенно уязвим перед лицом воздействия изменений климата по причине высокой концентрации населения и промышленности, особенно в прибрежных зонах, ресурсной зависимости экономик региона и огромного числа бедных. Помимо этого ЮВА по географическим и геологическим причинам подвержена разного рода природным катастрофам, таким как землетрясения, тайфуны, цунами, подъем уровня моря и т.д. [12].

В случае сильного изменения климата или природной катастрофы сельское хозяйство отдельной страны может испытать трудности с тем, чтобы произвести достаточное количество продовольствия. А это в свою очередь может вызвать в стране голод и, как следствие, внутренние беспорядки и хаос, что в ответ способно спровоцировать конфликты с соседними государствами, не говоря уже о потоке беженцев, который хлынет в соседние страны и тем самым дестабилизирует внутреннюю ситуацию и там.

* Султанат Сулу – исламское государство, существовавшее с 1457 г. по 1917 г. на юге современных Филиппин и северной части о. Борнео (ныне Малазийский штат Сабах). К 1917 г. Султанат утратил свою автономию и вошел в состав Филиппин, но на сегодняшний день сохраняет номинальное существование. 11 марта вооруженная группа граждан Филиппин, назвавшаяся «Королевскими силами безопасности Султаната Сулу и Северного Борнео», высадилась на малазийской части о. Борнео с целью вернуть территорию, некогда принадлежавшую Сулу. Спустя месяц переговоров, наполненных взаимными ультиматумами, произошло обострение ситуации, вылившееся в вооруженные столкновения боевиков Сулу с малазийскими войсками [14]. И только благодаря совместным действиям правительств Филиппин и Малайзии удалось избежать крупномасштабного конфликта, но вероятность повторного обострения ситуации сохраняется до сих пор [20].

Изменение климата в одной стране может сильно дестабилизировать весь регион, последствия же одновременного влияния климатических изменений на все страны региона будут вовсе ужасающими.

Терроризм является другой важной проблемой. Однако, несмотря на высокий уровень опасений, спровоцированный терактами в Джакарте и Бали в 2000-е годы, в случае с АСЕАН эта угроза преувеличена, в том числе и из-за влияния внешних акторов, прежде всего США. Современный терроризм представляет собой международную сеть, способную планировать, находить средства и осуществлять террористические атаки сразу в нескольких местах одновременно. Однако в ЮВА, благодаря усилиям стран АСЕАН на государственном уровне, а также двустороннему и многостороннему сотрудничеству, включающему обмен разведывательной информацией, удалось сформировать условия, при которых создание региональной террористической сети, способной подорвать региональное экономическое сотрудничество и политическую стабильность в регионе, крайне маловероятно [1].

Отметим также, что большинство транснациональных угроз безопасности вынуждают государства искать пути сотрудничества для их преодоления. В случае Восточной Азии с ее сложным прошлым преодоление транснациональных угроз является одним из немногих поводов для развития регионального сотрудничества в области безопасности.

Заключение

Ассоциация государств ЮВА проделала большой путь становления в качестве института региональной безопасности. Мало кто рассчитывал в 1967 г., что АСЕАН просуществует больше десяти лет, учитывая недолгий век предыдущих объединений ЮВА – Мафилиндо и Ассоциации Юго-Восточной Азии. Однако, несмотря на все конфликты и противоречия, странам АСЕАН удавалось сохранять свою целостность и мирно преодолевать существующие проблемы, становясь при этом еще сильнее и увереннее.

За годы существования АСЕАН количество постоянных членов Ассоциации увеличилось с 5 до 10, было сформировано множество внутренних механизмов взаимодействия. Посредством развития отношений с ключевыми странами региона и создания региональных механизмов безопасности АСЕАН сформировала основу современного регионального порядка и стала без преувеличения «локомотивом» восточноазиатской интеграции.

Сегодня государства АСЕАН находятся на расстоянии двух лет до установленной на 2015 г. конечной даты формирования Сообщества АСЕАН. Оценивая промежуточное состояние происходящих процессов, приходится констатировать, что если в деле построения экономической и социокультурной опоры Сообщества АСЕАН вполне ощутимо прогрессирует, то с Сообществом политической безопасности дела обстоят менее оптимистично.

Угрозы безопасности АСЕАН по-прежнему присутствуют, как на региональном, так и на субрегиональном и даже внутригосударственном уровнях. Метод АСЕАН доказал свою состоятельность в деле решения внутренних проблем АСЕАН, помогал государствам Ассоциации избегать конфликтов и оставаться в стороне от региональных угроз. Однако при всех положительных чертах все более очевидной становится обратная сторона «подхода АСЕАН». Если АСЕАН на пути своего развития наталкивается на сложный вопрос, по которому позиции государств радикально расходятся, то такой вопрос намеренно выносится за пределы переговоров и его обсуждение отодвигается до лучших времен, когда взаимоотношения государств будут находиться на достаточно высоком для его решения уровне. Данный подход был весьма эффективен и помогал долгие годы избегать политических конфликтов. Однако проблемы остаются нерешенными и сохраняют свой взрывоопасный потенциал. В случае возникновения существенного повода накопленные проблемы могут разом обрушиться на страны АСЕАН. Подобная нагрузка может стать критичной, способной не просто усложнить отношения стран АСЕАН, но способствовать ее дезинтеграции.

Отметим, что большинство членов организации осознают эту угрозу и необходимость внесения изменений в трактовку некоторых положений «подхода АСЕАН», и в 2007 г. на саммите АСЕАН в Сингапуре были согласованы шаги по институциональному укреплению организации. Они выразились в принятых решениях:

- о назначении странами-членами постоянных представителей в секретариат АСЕАН;
- о более регулярном проведении саммитов (каждые полгода, вместо ежегодных);
- об укреплении механизма разрешения споров по выполнению принятых решений, а также утверждению Устава АСЕАН [1].

Помимо обозначенных выше проблем и угроз безопасности, создание Сообщества политической безопасности страдает от ряда системных проблем. План действий АСЕАН и Проект создания СПБА, наряду с Декларацией «Балийского согласия – 2» и Договором о дружбе и сотрудничестве сформировали каркас будущего механизма политического взаимодействия стран АСЕАН, который, по замыслу создателей, должен наполняться конкретными мерами и механизмами взаимодействия. Однако этот процесс протекает чрезвычайно медленно. По признанию Секретаря Ассоциации Ле Луонг Минха, АСЕАН сошла с намеченного в этом направлении пути и для построения Сообщества безопасности АСЕАН нужно еще проделать много работы [5].

Анализируя причины подобного развития событий, можно выделить три ключевых явления. Во-первых, страны АСЕАН не демонстрируют

должного уровня приверженности принципам, обозначенным в базовых документах Сообщества АСЕАН. Они медленно выполняют необходимые процедуры и осуществляют соответствующие государственные реформы. Во-вторых, Секретариат АСЕАН в недостаточной степени способствует осуществлению региональных преобразований – не имеет возможностей для контроля и направления действий, политик и программ АСЕАН, направленных на создание СПБА. В-третьих, среди причин можно назвать характерную для «метода АСЕАН» мягкость. Решения, принятые на встречах АСЕАН, не имеют обязательной силы, и поэтому даже на саммите АСЕАН государства избегают критики тех государств, которые замедляют процесс создания Сообщества. Все эти проблемы, не говоря уже об угрозах безопасности, существующих на региональном, субрегиональном и государственном уровнях, указывают на современную слабость механизмов АСЕАН и невозможность формирования политического компонента Сообщества АСЕАН в ближайшее время.

Помимо внутренних проблем, на современном этапе АСЕАН сталкивается и с рядом региональных проблем, которые оказывают существенное влияние на формирование СПБА. Военно-политический рост Китая наряду с настойчивостью в отношении спора в ЮКМ и новая активная роль Соединенных Штатов, подкрепленная стратегией «ребалансирования», способствуют обострению отношений великих держав. Соперничество КНР и США проецируется на все региональные институты, в том числе на те, в которых АСЕАН занимает центральную позицию. По мере развития этого противостояния растет и давление на АСЕАН, которая политически вынуждена занимать промежуточную позицию.

Ассоциация в складывающейся ситуации может оказаться в весьма затруднительном положении. Несмотря на многочисленные заявления о сохранении нейтральной позиции в международных и региональных делах, АСЕАН по-прежнему не самодостаточна в военно-политическом отношении. Даже суммарной военной и политической мощи АСЕАН недостаточно для эффективного противостояния Китаю. Это особенно заметно на примере ситуации в Южно-Китайском море. Игнорируя откровенное нежелание Пекина обсуждать этот вопрос в многостороннем формате, страны АСЕАН неоднократно инициировали его обсуждение на встречах Регионального форума АСЕАН и Восточноазиатского саммита, вовлекая в обсуждение внешние по отношению к спору государства и прежде всего США. Поэтому для эффективного сдерживания Китая, который кажется некоторым странам ЮВА агрессивным и непредсказуемым, АСЕАН может обратиться за помощью к сильному внешнему игроку – США.

Однако в этом отношении позиции стран – членов Ассоциации по-прежнему расходятся. Камбоджа и Мьянма, например, имеют гораздо более близкие отношения с КНР, нежели с США. Да и в целом, в последние

годы на фоне развития торгово-экономических отношений Китая со странами АСЕАН последние стали существенно зависимы от Китая в экономическом отношении. Поэтому многие страны АСЕАН не готовы жертвовать выгодами торгово-экономического партнерства с Китаем, тем более из-за споров в Южно-Китайском море, участниками которых они даже не являются. Таким образом, в АСЕАН, которая значительно опирается на внутренний консенсус в выработке политической линии, наблюдается политический раскол, который в определенной мере ставит под сомнение возможность построения Сообщества АСЕАН.

На фоне определяющей роли двух ключевых региональных держав – США и Китая – позиция России остается весьма скромной. Ее отношения со странами АСЕАН достаточно противоречивы. Даже уровень торговых и инвестиционных отношений России со странами АСЕАН весьма скромны и находится на уровне Новой Зеландии. Несмотря на имевшиеся в прошлом проблемы, в последние 20 лет эти отношения постепенно развиваются. С 1994 г. Россия является участником Регионального форума АСЕАН, а с 1996 г. – партнером АСЕАН по диалогу. В 2011 г., после серии консультаций, Россия одновременно с США присоединилась также и к центральному в регионе политическому институту – Восточноазиатскому саммиту (ВАС). Но, несмотря на, казалось бы, очевидное желание Москвы стать участником этого международного форума, вот уже три года подряд участие России в ВАС ограничивается участием министра иностранных дел. Это, в свою очередь, вызывает недоумение со стороны стран АСЕАН и значительно снижает потенциал для развития отношений России со странами ЮВА. Таким образом, Россия, несмотря на активизацию восточноазиатского вектора внешней политики, на данном этапе проводит весьма сдержанную политику в отношении АСЕАН и предпочитает оставаться в стороне от территориальных споров в ЮКМ, дабы не быть втянутой в американо-китайское противостояние [18, с. 110–124].

Возвращаясь к формированию Сообщества безопасности, стоит отметить, что цели, закрепленные в Проекте СПБА, весьма обширны: от сохранения региональной безопасности на просторах Восточной Азии до обеспечения и охраны прав человека, от укрепления демократии до создания региональных правил политического сотрудничества. Однако целям и планам по построению СПБА, несмотря на кажущуюся проработанность, не хватает конкретики. Так, в Проекте СПБА нет конкретных этапов, которых должны придерживаться страны АСЕАН на пути построения Сообщества, нет и конкретных проектов создания институциональных механизмов сотрудничества в области безопасности. Но, что более важно, в документах нет фактических индикаторов построения Сообщества – неких показателей, которых должна достигнуть АСЕАН к 2015 г. для того, чтобы считаться Сообществом политической безопасности.

Это косвенно подтверждает мысль о том, что для АСЕАН, как для регионального объединения, прежде всего важен процесс. СПБА для АСЕАН – прежде всего вектор развития, нежели фактическая цель. Идея формирования Сообщества является фактором, активно мотивирующим государства и стимулирующим укрепление сотрудничества стран-участниц, а также развитие АСЕАН в целом. Менее чем через два года АСЕАН достигнет финальной черты формирования Сообщества АСЕАН. Сможет ли Ассоциация преодолеть все существующие препятствия и станет ли АСЕАН к этому моменту Сообществом политической безопасности, остается неясным. Однако на данном этапе можно выделить 3 потенциальных сценария развития событий.

В первом случае АСЕАН, достигнув установленного срока, хоть и не решит существующих проблем и не достигнет существенного прогресса, но воспользуется отсутствием четких индикаторов формирования Сообщества политической безопасности и объявит о его создании. В этом случае, оправдывая себя, АСЕАН будет апеллировать к отсутствию вооруженных конфликтов и формальному прогрессу в укреплении сотрудничества стран в области безопасности, опираясь при этом на увеличение количества проведенных официальных встреч и созданных рабочих групп. При этом для многих стран станет очевидной номинальность сформированного СПБА на фоне отсутствия реального прогресса в развитии сотрудничества в области безопасности и устранения региональных угроз безопасности. Ощущение того, что Ассоциация недостаточно прогрессировала, подтолкнет страны АСЕАН к формулированию новой идеи укрепления сотрудничества в области безопасности и формированию нового проекта, который бы обозначил новый вектор развития АСЕАН как института безопасности.

Другим, гораздо менее вероятным, но возможным вариантом развития событий может стать признание странами АСЕАН факта того, что Сообщество политической безопасности сформировать не удалось. На фоне очевидных успехов сотрудничества в экономической и социокультурной сферах, сотрудничество в области безопасности может быть осложнено обострением проблем в межгосударственных отношениях. При таком развитии событий невозможность построения сообщества безопасности в установленные сроки станет очевидной. Однако даже в этом случае страны Ассоциации, вероятнее всего, не откажутся от самой идеи формирования СПБА. Они могут просто передвинуть конечный срок его формирования на пять и или десять лет. Вероятно также, что страны АСЕАН попробуют выявить причины данного явления и, помимо изменения сроков формирования сообщества, пересмотрят всю концепцию и примут более детальный проект и план действий, устанавливающие конкретные этапы построения СПБА. Более того, подобный анализ может спровоцировать также изменения в самой АСЕАН, подтолкнуть к пересмотру формата и процедурных правил, изменению «метода АСЕАН», формированию новых, постоянно действующих институтов.

Третьим, пусть и наименее вероятным, но возможным сценарием развития событий может стать не просто отказ от идеи создания СПБА, а полная или частичная дезинтеграция АСЕАН. Причиной подобного развития событий может стать кризис, который обострит отношения государств – членов Ассоциации и обрушит на них вал нерешенных, отложенных ими проблем. Таким явлением может послужить обострение ситуации вокруг споров в ЮКМ. Усложнение отношений Китая с США и странами АСЕАН, участвующими в споре, может сделать невозможным формулирование единой для Ассоциации позиции по данному вопросу. В этом случае всем странам АСЕАН, даже тем, кто в споре не участвует, придется выбирать, на чью сторону встать. Учитывая, что на данный момент однозначной позиции по этому поводу нет, вероятно, в случае обострения ситуации, одни страны решат примкнуть к США, другие к Китаю. В конечном счете, либо ряд стран объявит о своем выходе из АСЕАН, либо АСЕАН прекратит свое существование вовсе, но о создании Сообщества политической безопасности в любом случае можно будет забыть.

Учитывая, что фактическое построение Сообщества политической безопасности к 2015 г. кажется маловероятным, в ближайшие два года АСЕАН как институт безопасности окажется под мощнейшим давлением как внутренних, так и внешних процессов. Построение Сообщества политической безопасности во многом лишь красивое название для того, чем АСЕАН занимается с момента своего основания, – развитием межправительственного сотрудничества и межгосударственных связей во благо укрепления региональной стабильности и безопасности. Однако на фоне развития и прогресса АСЕАН как института безопасности продолжает страдать от тех же проблем, что и прежде, и, несмотря на фактическое отсутствие военных конфликтов, вероятность их возникновения по-прежнему сохраняется. АСЕАН в значительной степени стала заложником собственных правил. Отсутствие механизмов координации, контроля и принуждения в рамках АСЕАН значительно осложняют возможность осуществления крупных региональных преобразований, таких как формирование Сообщества АСЕАН, требующего усилий от всех стран-участниц. На данном этапе развития АСЕАН необходимо не просто поставить яркую цель, а осуществить системные преобразования, которые, в свою очередь, станут основой нового витка развития АСЕАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Acharya, A. ASEAN 2030: Challenges of Building a Mature Political and Security Community, Revised Version of a Paper Prepared for the Conference on «ASEAN 2030: Growing Together for Shared Prosperity», Organized by the Asian Development Bank Institute, 11–12 July 2011, Yogyakarta, Indonesia. [Electronic resource]. – Access: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/ASEAN%20in%202030-Acharya%20Paper%20Revised%20Draft.pdf>.

2. Acharya, A. Can Asia Lead? Power ambitions and global governance in the twenty-first century // *International affairs*. – 2011. – Vol. 87, no. 4. – P. 851–869.
3. Acharya, A. *Constructing a Security Community in Southeast Asia : ASEAN and the Problem of regional order* / A. Acharya. – L. ; NY. : Routledge, 2009. – 322 p.
4. Alagappa, M. *Asian Security Order : Instrumental and Normative Features* / M. Alagappa. – Stanford : Stanford University Press, 2002. – 656 p.
5. Arya Brata, R. Building the ASEAN Political-Security Community [Electronic resource] // *The Jakarta Post* 05.02.2013. – Access: <http://www.thejakartapost.com/news/2013/02/05/building-asean-political-security-community.html>.
6. ASEAN Political-Security Community Blueprint [Electronic resource] // ASEAN : official website. – Access: <http://www.asean.org/archive/5187-18.pdf>.
7. ASEAN Security Community Plan of Action [Electronic resource] // ASEAN : official website. Access: <http://www.asean.org/news/item/asean-security-community-plan-of-action>.
8. ASEAN Vision 2020 [Electronic resource] // ASEAN : official website. – Access: <http://www.asean.org/news/item/asean-vision-2020>.
9. Beukel, E. ASEAN and ARF in East Asia's security architecture: The role of norms and powers // *Dutch Institute of International Studies (DIIS) Report*. – 2008. – № 4. – P. 1–78.
10. Declaration on the ASEAN concord II (Bali Concord II), Bali, Indonesia, 7 October 2003 [Electronic resource] // ASEAN : official website. – Access: <http://www.asean.org/news/asean-statement-communiqués/item/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii-3>.
11. Deutsch, K. *Political Community in the North Atlantic Area : International Organization in Light of Historical Experience* / K. Deutsch. – Princeton : Princeton University Press, 1969. – 228 p.
12. Elliot, L. *Climate Change, Migration and Human Security in Southeast Asia* / L. Elliot. – Singapore : S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), 2012. – 136 p.
13. Kim Kyung-won. *America's Role in Asia: Asian Views* / Kyung-won Kim, T. Koh, F. Sobhan. – San Francisco : The Asia Foundation, 2004. – 96 p.
14. Motlagh, J. Waging War at the Court of the Sultan of Sulu [Electronic resource] // *Time World. Philippines*. 10.04.2013. – Access: <http://world.time.com/2013/04/10/waging-war-at-the-court-of-the-sultan-of-sulu/>.
15. Pakpahan, B. ASEAN: regional stabilizer in Southeast and East Asia? [Electronic resource] // *East Asia Forum* 12.10.2012. – Access: <http://www.eastasiaforum.org/2012/10/12/asean-regional-stabiliser-in-southeast-and-east-asia/>.
16. Pitsuwan, S. *The ASEAN Heart of Asia* [Electronic resource] // *Project Syndicate* 13.06.2011. – Access: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-asean-heart-of-asia>.

17. Sukma, R. ASEAN And Regional Security in East Asia // Security politics in Asia and Europe. Panorama. – 2010. – Vol. 2009, № 2. – P. 109–120.
18. Sumsy, V. ASEAN-Russia. Foundations and future prospects / V. Sumsy, M. Hong, A. Lugg. – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2012. – 376 p.
19. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), Bangkok, Thailand, 8 August 1967 [Electronic resource]. – Access: <http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration>.
20. Tombung, R. Lahad Datu siege: Does the Sulu Sultan really have claim on Sabah? [Electronic resource] // Yahoo Newsroom. Malaysia. 8.03.2013. – Access: <http://my.news.yahoo.com/lahad-datu-siege--does-the-sulu-sultanreally-have-a-claim-on-sabah--071728092.html?page=all>.
21. Tow, W. What is Regional Security Architecture? / W. Tow, B. Taylor // Review of International Studies. – 2010. – Vol. 36, № 01. – P. 95–116.
22. Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // ASEAN Official website [Electronic resource]. – Access: <http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3>.

REFERENCES

1. Acharya A. *ASEAN 2030: Challenges of Building a Mature Political and Security Community, Revised Version of a Paper Prepared for the Conference on «ASEAN 2030: Growing Together for Shared Prosperity», Organized by the Asian Development Bank Institute, 11-12 July 2011, Yogyakarta, Indonesia*. Available at: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/ASEAN%20in%202030Acharya%20Paper%20Revised%20Draft.pdf> (accessed 18 March 2014).
2. Acharya A. Can Asia Lead? Power ambitions and global governance in the twenty-first century. *International affairs*, 2011, vol. 87, no. 4, pp. 851–869.
3. Acharya A. *Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of regional order*. L.; NY.: Routledge, 2009. 322 p.
4. Alagappa M. *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford: Stanford University Press, 2002. 656 p.
5. Arya Brata R. Building the ASEAN Political-Security Community. *The Jakarta Post* 05.02.2013. Available at: <http://www.thejakartapost.com/news/2013/02/05/building-asean-political-security-community.html> (accessed 18 March 2014).
6. ASEAN Political-Security Community Blueprint. *ASEAN: official website*. Available at: <http://www.asean.org/archive/5187-18.pdf> (accessed 18 March 2014).
7. ASEAN Security Community Plan of Action. *ASEAN : official website*. Available at: <http://www.asean.org/news/item/asean-security-community-plan-of-action> (accessed 18 March 2014).
8. ASEAN Vision 2020. *ASEAN: official website*. Available at: <http://www.asean.org/news/item/asean-vision-2020> (accessed 18 March 2014).

9. Beukel E. ASEAN and ARF in East Asia's security architecture: The role of norms and powers. *Dutch Institute of International Studies (DIIS) Report*, 2008, no. 4, pp. 1–78.

10. Declaration on the ASEAN concord II (Bali Concord II) Bali, Indonesia, 7 October 2003. *ASEAN: official website*. Available at: <http://www.asean.org/news/asean-statement-communiques/item/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii-3> (accessed 18 March 2014).

11. Deutsch K. *Political Community in the North Atlantic Area: International Organization in Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press, 1969. 228 p.

12. Elliot L. *Climate Change, Migration and Human Security in Southeast Asia*. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), 2012. 136 p.

13. Kim Kyung-won, Koh T., Sobhan F. *America's Role in Asia: Asian Views*. San Francisco: The Asia Foundation, 2004. 96 p.

14. Motlagh J. Waging War at the Court of the Sultan of Sulu. *Time World. Philippines* 10.04.2013. Available at: <http://world.time.com/2013/04/10/waging-war-at-the-court-of-the-sultan-of-sulu/> (accessed 18 March 2014).

15. Pakpahan B. ASEAN: regional stabilizer in Southeast and East Asia? *East Asia Forum* 12.10.2012. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2012/10/12/asean-regional-stabiliser-in-southeast-and-east-asia/> (accessed 18 March 2014).

16. Pitsuwan S. The ASEAN Heart of Asia. *Project Syndicate* 13.06.2011. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-asean-heart-of-asia> (accessed 18 March 2014).

17. Sukma R. ASEAN And Regional Security in East Asia. Security politics in Asia and Europe. *Panorama*, 2010, vol. 2009, no. 2, pp. 109–120.

18. Sumsky V., Hong M., Lugg A. *ASEAN-Russia. Foundations and future prospects*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. 376 p.

19. *The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), Bangkok, Thailand, 8 August 1967*. Available at: <http://www.asean.org/news/item/the-asean-declaration-bangkok-declaration> (accessed 18 March 2014).

20. Tombung R. Lahad Datu siege: Does the Sulu Sultan really have claim on Sabah? *Yahoo Newsroom. Malaysia* 8.03.2013. Available at: <http://my.news.yahoo.com/lahad-datu-siege--does-the-sulu-sultan-really-have-a-claim-on-sabah--071728092.html?page=all> (accessed 18 March 2014).

21. Tow W., Taylor B. What is Regional Security Architecture? *Review of International Studies*, 2010, vol. 36, no. 01, pp. 95–116.

22. Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. *ASEAN: Official website*. Available at: <http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3> (accessed 18 March 2014).

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

THE ECONOMY OF THE REGION

Заусаев Вадим Константинович, доктор экономических наук, профессор, директор Дальневосточного научно-исследовательского института рынка при Министерстве регионального развития России, г. Хабаровск.
E-mail: zausaev_inst@mail.ru

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СЦЕНАРИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие внешнеэкономических связей является одним из необходимых условий интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион и получения от него мощного импульса инновационного роста. Рыночные преобразования сохранили на Дальнем Востоке традиционные экспортные секторы, которые имели сырьевую направленность, еще более усилив их роль во внешней торговле и экономике региона. Вместе с тем либерализация внешнеэкономической деятельности обусловила вытеснение с внутреннего рынка многих видов местной неконкурентоспособной продукции, в том числе высоких переделов. В этой связи необходим поиск будущих сценариев развития внешнеэкономической деятельности российского Дальнего Востока, наиболее адекватных происходящим в стране социально-экономическим преобразованиям и учитывающих интересы сопредельных стран. Рассмотренные сценарии показали наиболее тесное пересечение интересов с Китаем. С точки зрения коммерческих последствий это наиболее эффективное направление. Но оно содержит значительные риски геостратегического характера. Поэтому внешнеэкономическая политика на Дальнем Востоке должна опираться не только на сиюминутные результаты, а строиться с учетом долгосрочных интересов России, используя преимущества сотрудничества со всеми сопредельными государствами и другими странами АТР.

Рассмотрена также отраслевая направленность внешнеэкономической деятельности. Вероятность продолжения современных тенденций и интенсификации развития сырьевых отраслей сохраняется. Однако на этой базе невозможно строить устойчивое региональное хозяйство. Необходимо на инновационной основе развивать перерабатывающие отрасли и наращивать потенциал воспроизводимых ресурсов суши и моря.

В рамках отраслевого сценарного подхода необходимо инициировать интерес сопредельных стран к созданию на территории региона новых

транспортных коридоров, обеспечивающих выход крупных грузопотоков к портам Дальнего Востока и на Транссиб.

Сохраняет актуальность расширение кооперации Дальнего Востока и Сибири со странами Северо-Восточной Азии в области энергетики, а также нефте- и газохимии с выходом их продукции на внешний рынок.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, российский Дальний Восток, внешнеэкономические связи, сырьевые отрасли, специализация, энергетические проекты, варианты развития.

Vadim K. Zausaev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Far Eastern Research Institute of the Market at the Ministry of regional development of Russia, Khabarovsk. E-mail: zausaev_inst@mail.ru

THE RUSSIAN FAR EAST IN THE XXI CENTURY: SCENARIOS OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Development of foreign economic relations is a prerequisite for integrating Russia in the Asia-Pacific region and a strong impetus for its innovative growth. Market reforms have retained the traditional primary sector export orientation in the Russian Far East thus enhancing its role in foreign trade and regional economy. Along with that, liberalization of foreign economic activity accounted for ousting many types of local non-competitive goods, including those of high added value. Therefore, new scenarios of foreign economic activity of the Russian Far East have to be generated to comply with the ongoing social and economic reforms in the state and consider the interests of the adjoining states. The reviewed scenarios demonstrate a tight intersection of interests with China. This trend looks most appealing from the viewpoint of commercial effects. However it carries great geopolitical risks of a geostrategic character. So the foreign trade policy in the Russian Far East must rely not only on immediate results but be delineated with regard to long-term interests of Russia employing the advantages of collaboration with the adjoining and other APR states.

The industry-specific orientation of foreign economic activity has also been analyzed. The forecast vitality of current trends and intensified primary sector growth are well in place. But sustainable regional economy cannot be formed on that platform. It is important to develop the processing sectors on the innovative base and increase the potential of reproductive land and sea resources.

The industry-specific scenario approach involves sparking the interest of the adjoining states for launching new transport corridors in the region opening an access for large cargo flows to the ports of the Russian Far East and the Trans-Siberian.

Broader cooperation of the Russian Far East and Siberia with the North East Asia states in energy and petrochemicals and trading in their products in foreign markets keeps relevant.

Keywords: Asia-Pacific Region, the Russian Far East, external relations, the primary sector, specialization, energy projects, development options.

На протяжении всей экономической истории российского Дальнего Востока внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) являлась важнейшим фактором развития региона, увеличения масштабов производства и повышения его эффективности.

В 60-е годы XX века была сформулирована концепция экспортной специализации Дальнего Востока. В ней было обосновано положение о ведущей роли в региональном хозяйственном комплексе предприятий и отраслей, ориентированных на экспорт, и необходимости максимальной переориентации производства на удовлетворение потребностей сопредельных стран [1]. На этом основании в 60–90-е годы интенсивное развитие получили лесная и угольная промышленность, портовое хозяйство, транспорт. Тем не менее, закрытая государственная экономика СССР не позволяла реализовать в полной мере естественные преимущества близости рынков сопредельных стран. Доля региона во внешней торговле страны сохранялась на уровне 2,0 %.

Либерализация внешнеэкономических связей качественно изменила ситуацию в стране и регионе. На рынок вышло множество новых субъектов торговой деятельности. Появилась возможность привлекать иностранные инвестиции, строить новые партнерские отношения не только в традиционных экспортных отраслях экономики, но и в импорте дефицитной для отечественного рынка продукции. Однако в структуре внешнеэкономических потоков из России еще большее развитие получила сырьевая составляющая. Усилились диспропорции в структуре экспорта. Повысилась зависимость экономики страны от конъюнктуры международных рынков на узкий круг товаров ресурсодобывающих отраслей.

В последние годы внешнеэкономическая деятельность региона продолжает находиться под решающим влиянием благоприятной экономической конъюнктуры, максимально используя рост как мировых цен на топливно-энергетические ресурсы, так и спроса на российские ресурсы. Вместе с тем, удаленность Дальнего Востока от развитых регионов страны, повышенные транспортные расходы на завоз грузов, дефицит топлива и продовольствия, сложности природно-климатических условий, которые преодолеваются за счет повышенных расходов энергетических ресурсов, материалов и рабочей силы, объективно определяют высокую затратоемость и пониженную конкурентоспособность дальневосточного производства.

Начавшийся в конце 90-х годов восстановительный период поставил на повестку дня вопрос о стратегии развития Дальнего Востока. Проблемы

диверсификации экономики, значительного увеличения эффективности и масштабов производства, как ключевые звенья более общей цели – роста демографического потенциала региона и повышения его геостратегической устойчивости – ждут своего решения. В последние годы в этой связи разрабатываются несколько крупных идей. Одна из них предполагает более интенсивное увеличение транспортно-логистической и экспортно-производственной роли Дальнего Востока в осуществлении внешнеэкономических связей и интеграционных процессов России в АТР.

Анализ складывающихся процессов на Востоке России свидетельствует о том, что ушла в прошлое эпоха существования множества политически и экономически слабых государств. Сегодня АТР – это регион быстрого экономического развития, освоения новых технологий, формирования разнообразных зон экономического развития, крупнейших мировых центров торговли, финансов, транспорта. В восточной приграничной с Россией зоне формируется крупнейшая планетарная система пассионарного экономического развития, которая будет усиливать экономические связи с Западной и Восточной Европой, Россией, странами СНГ. Близость к ней становится мощным фактором подъема экономики Дальнего Востока.

Можно выделить несколько главных факторов воздействия внешнеэкономических связей с АТР на экономическое развитие региона. К ним относятся:

- выгодное экономико-географическое положение и возможность осуществлять не только транзитные функции во внешней торговле России, но и успешно конкурировать за счет более низких транспортных затрат с экспортерами других регионов страны;
- приобретенный опыт сотрудничества населения, предприятий и властей с соответствующими структурами Японии, Китая, Республики Корея и КНДР;
- наличие на Дальнем Востоке ресурсов и производств, которые могут удовлетворять потребности сопредельных стран:
 - в продовольствии (рыба);
 - в сырье (углеводороды, концентраты цветных и благородных металлов, уголь, древесина, необработанные алмазы и др.);
 - в продуктах переработки сырья (электроэнергия, нефтепродукты, драгоценные камни и изделия из них, черные металлы, продукция лесопереработки);
 - в машиностроении (военная техника и вооружение, гражданские суда и самолеты, инструменты, машины и оборудование для горной металлургии и нефтедобычи) и др.;
- использование Дальнего Востока как трамплина для проникновения иностранного капитала на развивающийся российский рынок;

- перспективность региона для более масштабного привлечения инвестиций, использования инноваций и иностранного менеджмента.

При оценке будущего развития ВЭД наиболее важным является вопрос о географических приоритетах. В рамках этого подхода могут быть рассмотрены три сценарные модели преимущественной ориентации Дальнего Востока: на КНР, Японию или страны Корейского полуострова.

Китай неуклонно усиливает свою роль во внешнеэкономических связях Дальнего Востока. Среди стран – партнеров России в АТР с 2000 г. он уверенно занял первое место. Поэтому сценарий, по которому Китай утверждается в качестве ведущего и наиболее приоритетного партнера российского Дальнего Востока в АТР, – наиболее вероятный, по крайней мере, на ближайшие 15 лет. Сильные его стороны:

- наличие в Китае значительного спроса на энергоресурсы, технику, электроэнергию, цветные металлы, агроруды, лес и лесоматериалы, научно-технические разработки, оборудование, военную технику;

- огромный рынок Китая, который даже в северо-восточной части составляет более половины российского, высокий динамизм экономики, которая может составить устойчивую базу развития и российского Дальнего Востока;

- структурная тождественность хозяйственных комплексов Китая и России, особенно в приграничных регионах;

- высокая степень заинтересованности Китая в сотрудничестве с Россией и её Дальним Востоком по транспортным проектам для обеспечения выхода Северо-Восточного Китая к морю и Транссибу, а в последующем – на запад (в страны Европы) и на восток (к портам региона);

- низкая цена и избыток рабочей силы в Китае, что предполагает, с одной стороны, её экспорт, с другой – возможность удовлетворения потребностей российского Дальнего Востока в широкой номенклатуре товаров по невысоким ценам.

Масштабное развитие экспорта сырья в Китай, машинно-технической, военной и научно-технической продукции, создание транспортных коридоров, а также высокоэффективный импорт создают максимально благоприятные условия для повышения эффективности дальневосточной экономики, роста занятости, значительного увеличения доходов и закрепления населения. С точки зрения экономических последствий, китайский сценарий относится к числу наиболее эффективных. Не случайно внешнеэкономические связи с КНР сегодня получают наибольшее развитие.

Но данный сценарий имеет и негативные стороны:

- рост импорта дешевых китайских товаров создает угрозу региональному производству по широкому кругу продукции сельского хозяйства, строительных материалов, машиностроения, легкой и химической промышленности;

- настороженность дальневосточного населения и бизнеса к экспансии Китая;
- увеличивающиеся масштабы легального и нелегального посещения и оседания китайцев в России, что может привести в течение 40–50 лет к формированию на юге Дальнего Востока крупной китайской диаспоры со всеми вытекающими отсюда угрозами;
- высокая степень государственного влияния в КНР, что ограничивает действие рыночных факторов;
- переизбыток рабочей силы в сельской местности Китая, миграционное давление на все соседние страны по периметру границы;
- дешевизна рабочей силы в Китае и открытая для китайских товаров экономика российского Дальнего Востока создают условия для развития преимущественно ресурсодобывающей отрасли.

Япония может рассматриваться в качестве основы следующего сценария развития ВЭД Дальнего Востока. Торгово-экономические отношения с ней сегодня переживают не лучшие времена. Она потеряла роль наиболее крупного партнера на Востоке России. Её бизнес после распада СССР не нашел достаточно эффективных и крупных направлений вложения капиталов, за исключением сахалинских проектов. Но и здесь японские фирмы держатся в тени, предпочитая быть в числе участников консорциума.

Основные причины вытеснения Японии с рынка России видятся, во-первых, в затяжном кризисе ее экономики, во-вторых, в наличии разрыва между технико-технологической структурой российской и японской экономик, а также мощных антироссийских сил.

Сегодня стало очевидным, что хозяйственные комплексы обеих стран относятся к качественно различным технологическим укладам. Сферы совместных интересов достаточно узкие. Япония значительно меньше, чем раньше, нуждается в российском лесе, угле, металле, нефтепродуктах. Переработку первичного сырья она, по возможности, переносит в соседние страны. Производимая в России машинно-техническая продукция по основным характеристикам, тем более качеству, не соответствует действующим в Японии техническим требованиям и стандартам.

С другой стороны, выпускаемая в Японии продукция относится к числу наиболее дорогих на мировом рынке в связи с высокими заработной платой японских рабочих и доходами населения. Поэтому, выигрывая по качеству, она проигрывает по стоимости другим конкурентам на дальневосточном рынке. В значительной мере ввозимая в Россию машиностроительная продукция – это бывшая в употреблении техника.

Наличие политических противоречий определяло пассивность японского государства в области стимулирования бизнеса в России. В течение последних 25 лет давались кредитные гарантии только на проекты в области сахалинского шельфа и малого бизнеса.

Вместе с тем Япония имеет наибольшие инвестиционные возможности в АТР. Поэтому приоритетными в рамках данного сценария могут быть проекты, направленные на экологизацию производства на Дальнем Востоке, развитие кредитных отношений, научно-техническое сотрудничество, создание крупных международных коммуникационных систем, проходящих по территории региона. Основными из них могут стать:

- энергомост «Сахалин – Япония», предполагающий строительство на Сахалине тепловой электростанции на парогазовых установках суммарной мощностью 4 млн кВт и передачу электроэнергии по подводному кабелю ежегодно в размере до 22,5 млрд кВт·ч;
- программа освоения гидроэнергетических ресурсов Дальнего Востока и передача в Японию электроэнергии через Сахалин;
- участие японских фирм в проектах газификации Дальнего Востока и модернизации российских тепловых станций для сокращения эмиссии диоксида углерода;
- строительство нефтеперерабатывающих, нефте- и газохимических комплексов на Сахалине и в Хабаровском крае;
- создание «евразийского моста» – высокоскоростного прямого железнодорожного пути через Сахалин «Япония – Россия – Европа» с уменьшением сроков прохождения грузов до 10 суток.

Сильными сторонами этого сценария являются:

- сокращение сырьевой специализации экономики Дальнего Востока и сосредоточение внимания на наукоемких направлениях, максимальном использовании научно-технического и инновационного потенциалов Японии для развития экономики региона;
- значительные инвестиционные возможности Японии, которые могли бы закрыть потребности региона в крупных инвестициях;
- повышенная суммарная доходность проектов, так как партнерство с Японией и реализация крупных проектов привлекут для строительства и эксплуатации намечаемых объектов значительную массу трудовых ресурсов в высокоэффективные и доходные отрасли экономики (энергетика, нефте- и газохимия, железнодорожный транспорт и др.), что будет формировать благоприятные условия для закрепления населения.

В настоящее время большинство российско-японских проектов касаются Сахалина [2]. Учитывая исторический опыт Японии в освоении южной части острова, можно предположить, что реализация данного сценария открывает хорошие перспективы для формирования на базе Сахалинской области новой модели взаимоотношений двух стран, ориентированной на сопряжение их экономик. Модель может включать: создание топливно-энергетического центра Северо-Восточной Азии; превращение острова в трансконтинентальный мост «Япония – российский Дальний Восток – Европа»; воспроизводство и использование на интенсивной основе биоресур-

сов моря и леса; развитие нефте- и газохимии. Это позволяет стать области центром интеграции (зоны интенсивных контактов) российского Дальнего Востока и Японии и рассматривать ее как пилотный проект создания в других субъектах региона подобных зон экономического сотрудничества.

Всё вышесказанное можно реализовать в рамках российско-японского сценария. Учитывая слабость развития экономики Дальнего Востока, для его реализации необходимо первый этап посвятить научно-техническому и технико-экономическому обоснованию основных и важных для обеих стран проектов. Япония останется в числе ведущих партнеров России во внешней торговле по сложившейся традиционной структуре экспорта и импорта. С российского Дальнего Востока в нее будут по-прежнему поставляться лесоматериалы, нефть, морепродукты, уголь, а в перспективе – электроэнергия, продукция нефтепереработки, нефте- и газохимии. В обратном направлении пойдёт оборудование для рыбной промышленности и рыбного хозяйства, переработки углеводородов, химические и лакокрасочные товары, электроника и электротехнические изделия и др.

Слабые стороны сценария – огромная капиталоемкость и длительность осуществления основных проектов (с реализацией не менее 20–25 лет), слабая связь с текущим состоянием производительных сил Дальнего Востока и их структурой, необходимость первоочередного решения текущих проблем и задач развития.

Вариант значительного расширения экономических связей между Японией и Россией, как альтернатива китайскому сценарию, в чистом виде, вероятно, не реализуется. Япония вынуждена будет занимать вторые и третьи роли как торговый партнер России и её Дальнего Востока. И это закономерно, так как потребности в развитии экономических отношений с Россией у Японии меньше, чем у КНР. Но при этом Япония усиленно ищет новые стимулы роста своей экономики.

Корейские государства при определенных обстоятельствах могут выступать стержнем еще одного сценария развития ВЭД Дальнего Востока. Длительное совместное проживание корейцев и русских на территории региона создали благоприятные языковые и общекультурные условия взаимоотношений между Россией и современными корейскими государствами. Они характеризуются взаимным уважением и пониманием, содействием решению совместных проблем, отсутствием территориальных притязаний и др. Это направление развития ВЭД – весьма благоприятная зона вхождения России в АТР. В экономическом плане оно проигрывает китайскому направлению, в социально-экономическом плане – значительно выигрывает.

Основные проекты в данном сценарии: воссоздание Транскорейской железнодорожной магистрали и организация крупномасштабных перевозок через Россию контейнеров из порта Пусан (Республика Корея) в Западную Европу; решение энергетических проблем обоих государств за счет постав-

ки значительных ресурсов газа, электрической энергии, нефти и нефтепродуктов; модернизация промышленного потенциала КНДР.

Сильные стороны корейского сценария:

- огромные потребности КНДР в модернизации промышленности и высокая доля здесь объектов, выполненных Россией (СССР) в прошлом;
- возможность взаимоувязанного решения проблемы российского долга Республике Корея и долга КНДР России;
- высокая эффективность для экономики Дальнего Востока, особенно при завершении строительства Транскорейской железной дороги;
- возможность получать наукоемкую продукцию из Республики Корея, экспортировать в КНДР рядовую промышленную продукцию, производимую в регионе.

На этой основе могут получить импульс развития некоторые действующие предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), а также выпускающие оборудование для модернизации промышленного потенциала КНДР. Следует ожидать, что повышенная зависимость ВЭД и социально-экономической системы российского Дальнего Востока от экспорта в КНДР будет занижать экономическую эффективность. Но при этом можно ставить и решать задачу крупномасштабного привлечения северных корейцев в регион для работы с последующим (после определенного срока проживания в России) предоставлением им гражданства.

Слабые стороны сценария связаны:

- во-первых, с большими политическими рисками (КНДР малопредсказуемая в международных отношениях страна);
- во-вторых, отношения КНДР и Республики Корея находятся в состоянии напряжения, и трехсторонние проекты (с участием любой третьей страны) имеют высокие риски;
- в-третьих, Россия и Республика Корея имеют весьма большие различия в техническом укладе экономик, они слабодополняемы, что будет сдерживать их сотрудничество;
- в-четвертых, наш дальневосточный рынок очень мал для мощной экономики Республики Корея, поэтому крупные проекты корейские фирмы будут реализовывать в западных регионах России.

Помимо географической специализации внешних экономических связей, не менее важным становится их отраслевая направленность. Можно предположить большую вероятность продолжения современных тенденций и преимущественного развития сырьевых отраслей. Тогда сохраняется в главных чертах структура экспорта, которая показала свою высокую эффективность, но обусловила истощение ряда ресурсов. Не считая нефтегазовой отрасли, которая в регионе только-только получает развитие, производство традиционного сырья и его экспорт требуют значительных инвестиций. На этой базе невозможно строить политику устойчивого развития

региона, в том числе ВЭД. Необходимо разумное сочетание увеличения добычи природных ресурсов с разведкой новых месторождений, воспроизводством и глубокой переработкой для получения экспортной продукции с высокой добавленной стоимостью и наукоемкостью.

Имеющиеся исследования по Дальнему Востоку свидетельствуют о более высокой коммерческой эффективности поставок на экспорт сырья [3]. Но при этом общий объем реализации невелик, малы добавленная стоимость и другие сопутствующие экономические параметры. По этой причине многие страны запрещают экспортировать сырье, вынуждая производителей вести переработку даже с понижением коммерческой эффективности.

Сырье (его качество и количество, место размещения) – основа для развития вертикально интегрированных структур, занимающихся добычей сырья, его переработкой, использованием отходов, экспортом готовой продукции. Такие интегрированные структуры способны увеличить общий объем стоимости экспортной продукции в зависимости от специфики отрасли в 1,5–2,5 раза. Это направление развития ВЭД относится к числу достаточно перспективных, но и проблемных. Поставляемое на экспорт дальневосточное сырье сегодня уже имеет своих потребителей в сопредельных странах, заинтересованных в сохранении сырьевого импорта. Кроме того, и дальневосточные предприятия предпочитают поставки сырья в связи с его высокой эффективностью. На этом основании возникают взаимные интересы бизнеса по обе стороны границы, которые активно противодействуют политике российского государства по углублению переработки сырья, вывозимого на экспорт.

Альтернатива наращиванию экспорта сырья – расширение торговли наукоемкой продукцией. В основе этого направления лежит положение о наличии соответствующего производственного потенциала. Так, крупнейшим экспортером продукции в прошлом было ОАО «КнААПО», а в настоящее время – два нефтеперерабатывающих завода. На первом реализуется крупнейший в современной России проект строительства гражданского самолета (Sukhoi Superjet-100), значительная часть выпуска которого будет экспортироваться. Нефтеперерабатывающие заводы проводят модернизацию, направленную на выпуск продукции, соответствующей евростандартам.

Машиностроительные предприятия региона способны производить и поставлять на экспорт дизельные подводные лодки, быстроходные катера береговой охраны, суда на воздушной подушке, крылатые морские ракеты, боевые вертолеты «Аллигатор», снаряды, патроны, электронное навигационное оборудование и др. Сегодня военная техника России интересует многие страны АТР. Некоторые из них готовы к сотрудничеству по ее закупке. По оценкам экспертов, продажа военной техники могла бы быть одним из главных направлений общей стратегии внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока.

В отличие от прочих потенциально возможных направлений развития ВЭД, анализируемый сценарий в наибольшей мере соответствует концепции инновационного развития России. Сегодня предприятия ОПК являются главными центрами трансферта технологий. На их базе могут формироваться региональные технопарковые структуры, селитебные агломерации с постоянным населением, развитым высшим образованием, высокой культурой производства и достаточным уровнем социального обеспечения. Классический прообраз такого центра – г. Комсомольск-на-Амуре.

Отрицательными моментами расширения экспорта военной продукции оказывается то, что предприятия и организации Дальнего Востока не относятся к самостоятельным разработчикам военной техники и ограничены в выходе на внешний рынок, не могут разрабатывать проекты совместного производства техники с иностранными партнерами.

В рамках отраслевого сценарного подхода необходимо также рассмотреть участие региона в международных транспортных проектах. Таковыми представляются создание трансконтинентальной железнодорожной магистрали, соединяющей Америку (через российский Дальний Восток) с Западной Европой и Юго-Восточной Азией, а также развитие железнодорожных магистральных путей из Японии и Республики Корея до Западной Европы. Имеются варианты модернизации существующей транспортной системы Дальнего Востока и развития международных контейнерных перевозок из стран Юго-Восточной Азии в Западную Европу, обеспечения выхода крупных грузопотоков из Северо-Восточного Китая к портам Дальнего Востока и на Транссиб.

Северо-Восточный Китай формирует крупные грузопотоки в сторону Японии и Республики Корея. Основной из них проходит через порт Далянь. Однако его ограниченная мощность, а также высокая загрузка железнодорожных путей на участках Харбин – Чаньчунь – Шеньян – Далянь определяют высокую потребность Китая в формировании нескольких новых маршрутов. Первый из них: Харбин – Суйфеньхэ – Находка – Япония. Второй: Чаньчунь – Хуньчунь – Зарубино – Япония. Здесь в районе южного Приморья китайцы ставят вопрос о создании крупного, специализированного на обеспечении китайских транзитных перевозок порта объемом до 30 млн т в обозримой и до 100 млн т в более отдаленной перспективе. В этот же сценарий развития ВЭД попадают проекты увеличения пропускных мощностей ст. Забайкальск, строительства мостовых переходов в районе г. Благовещенска (железнодорожно-автомобильного) и с. Нижнеленинское (железнодорожного) в Еврейской автономной области, а также проект создания контейнерного автомобильного перехода «Харбин – Большой Усурийский остров – Ванино (Советская Гавань)».

Минусами названного сценария являются высокая капиталоемкость и длительность сроков реализации. Кроме того, есть другие конкурирующие направления обеспечения грузопотока из Юго-Восточной Азии в Западную

Европу, из Китая – в Японию и другие страны АТР. Они рассматриваются международными организациями в качестве реальной альтернативы российским проектам.

Нельзя не учесть сценарий, базирующийся на вовлечении Дальнего Востока и Сибири в энергетическую кооперацию со странами Северо-Восточной Азии. При этом на первом этапе ведущая роль будет принадлежать Сибири, на втором – Дальнему Востоку. В развитии ТЭК и экспорта энергоресурсов заинтересованы многие страны, в том числе и сопредельные, которые могут получить более дешевый и устойчивый источник удовлетворения своих растущих потребностей. Использование проектов энергетической кооперации России со странами АТР позволит решить многие проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока. При проведении грамотной ценовой политики можно будет провести реструктуризацию региональной экономики, повысить её конкурентоспособность. Если ещё более углублять анализ этого сценария, то возможно развитие на Дальнем Востоке нефте- и газохимии с выходом высокотехнологичной продукции на рынки АТР.

Основными энергетическими проектами, которые могут оказать решающее влияние на экономическое развитие Дальнего Востока, рассматриваются:

- Ковыктинский газовый проект, стержень которого – освоение одноимённого газоконденсатного месторождения в Иркутской области, и магистральный газопровод Иркутская область – Китай – Корейский полуостров; размеры экспорта природного газа могут составлять до 30 млрд м³ в год;
- магистральный нефтепровод Ангарск – Тында – Сковородино – Дацин; недостаток – его жесткая привязка к китайскому рынку;
- магистральный нефтепровод Ангарск – Тында – Сковородино – Хабаровск – Козьмино (Находка); его преимущество – в возможности диверсифицировать поставки нефти в страны АТР (Японию, Республику Корея и Китай), недостаток – нехватка сырья при одновременной реализации двух проектов – по экспорту нефти в Китай и страны АТР;
- освоение Эльгинского месторождения каменных углей Южно-Якутского угольного бассейна с доказанными запасами высококачественных коксующихся и энергетических углей 2,7 млрд т; проектная производительность разреза – 30 млн т угля в год, из которых не менее 20 млн т могут поставляться на экспорт в страны США;
- проекты крупных энергетических мостов: «Восточная Сибирь – Китай» с базированием на строительстве линий постоянного тока напряжением 600 кВ протяженностью до 2800 км; отправной пункт – Братск – Монголия – Китай; возможный объем экспорта с действующих ГЭС и ТЭС Восточной Сибири – 15–18 млрд кВтч; энергомост «Сахалин – Япония» со строительством на Сахалине тепловой электростанции на парогазовых ус-

тановках суммарной мощностью 4 млн кВт, что позволит транспортировать по подводному кабелю в Японию до 25,5 млрд кВтч в год;

- проекты приграничной торговли электроэнергией с Монголией и Китаем, Республикой Корея и КНДР;

- строительство Тугурской приливной электростанции в Хабаровском крае;

- проект «Газификация Дальнего Востока», включающий продолжение строительства магистральных газопроводов: «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» производительностью до 10 млрд м³ газа в год и освоение Средневилюйского месторождения с участием иностранных компаний;

- «Программа модернизации российских тепловых электростанций» с целью сокращения эмиссии диоксида углерода, предполагающая сотрудничество с ведущими корпорациями Японии;

- программа освоения гидроэнергетических ресурсов Дальнего Востока с эффективным для практического использования потенциалом рек Дальнего Востока в 350–400 млрд кВтч годовой выработки электроэнергии (освоено около 3,0 %); с участием иностранного капитала в регионе может быть сформирована крупнейшая, сопоставимая с Восточной Сибирью, энергетическая система, обеспечивающая потребности Северо-Восточной Азии в размере более 60 млрд кВтч электроэнергии.

Анализ места и роли внешней торговли в экономическом развитии Дальнего Востока свидетельствует о том, что ведущие субъекты – Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края и Сахалинская область имеют повышенную экспортную специализацию и вывозят за рубеж более 50 % выпускаемой промышленной продукции. Анализ возможных направлений развития внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока позволяет ожидать здесь крупные качественные преобразования на основе значительного включения региона в мировые и международные производственно-технологические связи.

При всех недостатках сегодняшней структуры экспорта и импорта участие во внешней торговле уже выступает мощным фактором экономического развития Дальнего Востока. Действие его необходимо в максимальной мере и целенаправленно усиливать. Эффективность может быть повышена в несколько раз, если реализовать качественно новую в регионе стратегию развития ВЭД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осоргин, А. Н. Внешнеторговые связи Дальнего Востока / А. Н. Осоргин. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1973. – 133 с.

2. Хорошавин, А. В. Сахалин в XXI веке : новый вектор развития / А. В. Хорошавин, В. К. Заусаев. – Хабаровск : КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. – 456 с.

3. Заусаев, В. К. О развитии лесопереработки на Дальнем Востоке / В. К. Заусаев, С. П. Быстрицкий, Д. Н. Богуш // *Экономист*. – 2006. – № 12. – С. 72–76.

4. Om Gu Huo. Russian-Korean Cooperation at the Regional level : Problematic issues and Prospects for growth // *Far Eastern Affairs*. – 2012. – № 3. – P. 42–57.

5. Zhao Xin. PRC Foreign Trade in 21st Century: Specifics of State Regulation and growth Dynamics // *Far Eastern Affairs*. – 2012. – № 3. – P. 41–55.

REFERENCES

1. Osorgin A.N. *Vneshnetorgovye svyazi Dal'nego Vostoka* [Foreign Trade Relations of the Far East]. Khabarovsk: Khabarov. kn. izd-vo [Khabarovsk Printing House], 1973. 133 p.

2. Khoroshavin A.V., Zausaev V.K. *Sakhalin v XXI veke: novyi vektor razvitiya* [Sakhalin in XXI Century: a new growth Vector]. Khabarovsk: KGUP «Khabarovskaya kraevaya tipografiya» [KGUP Khabarovsk Regional Printing House], 2012. 456 p.

3. Zausaev V.K., Bystritsky S.P., Bogush D.N. O razvitii lesopererabotki na Dal'nem Vostoke [On the development of wood processing in the Far East]. *Ekonomist* [The Economist], 2006, no. 12, pp.72–76.

4. Om Gu Huo. Russian-Korean Cooperation at the Regional level: Problematic issues and Prospects for growth. *Far Eastern Affairs*, 2012, no. 3, pp. 42–57.

5. Zhao Xin. PRC Foreign Trade in 21st Century: Specifics of State Regulation and growth Dynamics. *Far Eastern Affairs*, 2012, no. 3, pp. 41–55.

Кравченко Алла Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена аграрной политике Японии в исторической ретроспективе. Современное состояние продовольственной безопасности Японии характеризуется недостаточным снабжением населения продуктами питания за счет собственных ресурсов. По данным Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии, в 2011 г. страна лишь на 39% обеспечивала население продовольствием за счет собственного производства, что меньше на 50% по сравнению с уровнем 1961 г.

Правительство Японии стремится снизить зависимость страны от импорта продовольствия, оказывая помощь агропродовольственному сектору. Аграрный протекционизм заключается в колоссальных субсидиях и высоких импортных тарифах. По объемам государственной поддержки индивидуальным сельхозпроизводителям Япония занимает третье место среди стран мира. Такие протекционистские меры без радикального реформирования аграрной сферы привели к множеству проблем. Маленькие размеры хозяйств обуславливают очень высокую себестоимость продукции, низкий уровень производительности, неконкурентоспособность сельскохозяйственного сектора. Из-за высоких импортных тарифов цены на продукты питания в стране очень высоки. Сокращаются посевные территории. Отмечается сильная нехватка молодой рабочей силы при отчетливом старении населения. Уменьшается производство основных сельскохозяйственных культур. Существует сильная зависимость от импорта, особенно от поставок из США.

К 2020 г. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии поставило задачу поднять уровень продовольственной безопасности до 50%. Для этого планируется модернизировать сельскохозяйственный сектор, укрупняя размеры существующих хозяйств и создавая новое молодое поколение фермеров при сохранении протекционистской политики.

В статье рассматриваются основные направления аграрной политики японского государства в области продовольственной безопасности на ближайшие годы: укрупнение размеров хозяйств, внедрение передовых технологий, переподготовка фермеров и привлечение молодых сельскохозяйственных работников, развитие аквакультуры, увеличение объемов экспорта, помощь сельскому хозяйству развивающихся стран, сохранение протекционистской политики.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрный протекционизм, сельское хозяйство Японии, импорт продовольствия, достаточность продовольствия.

Kravchenko A. Anatolievna, PhD in Economics, Associate Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

MAIN DIRECTIONS OF JAPANESE POLICY IN THE SPHERE OF FOOD SECURITY

The article is devoted to the agrarian policy of Japan in historical retrospect. The current state of food security in Japan is characterized by inadequate supply of the population with food from its own resources. According to the data of the Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries only 39% of the food consumed

by the Japanese population was produced in Japan in 2011. This is only a half of the 1961 volumes.

The Japanese government is seeking the ways of reducing the country's dependence on food imports by granting assistance to the agri-food sector. Agricultural protectionism involves huge subsidies and high import tariffs. Japan ranks third in the world in the volumes of state support to individual farmers. Due to the lack of drastic reforms in the agricultural sector these protectionist measures have led to a variety of problems. Small-size farms result in very high production costs, low productivity, and lack of competitiveness in the agricultural sector. Food prices in the country are very high because of high import tariffs. Cultivated areas are being reduced. There is a shortage of young labor force aggravated by the population ageing. Production of major crops is decreasing as well. There is a strong dependence on imports, especially from the United States.

The Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan put the task to raise the level of food security to 50% by 2020. This task requires modernizing the agricultural sector, enlarging the size of existing farms, and creating a new generation of farmers while maintaining the protectionist policies.

The article deals with the basic agrarian policies of Japan in the area of food security in the years to come: enlarging farms, introducing advanced technologies, retraining farmers and attracting young agricultural workers, developing the aquaculture, increasing exports, rendering agricultural aid to developing countries, and maintaining the protectionist measures.

Keywords: food security, agricultural protectionism, agriculture of Japan, imports of food, sufficiency of food supplies.

Начиная с XX в., Япония никогда не обеспечивала собственным производством потребности населения в продуктах питания. До Второй мировой войны Япония в значительной степени зависела от азиатских колоний, которые были основными поставщиками продовольствия в страну. По результатам войны Япония утратила свои колонии, а также сами военные действия нанесли тяжелый урон сельскому хозяйству страны, что превратило продовольственную проблему в одну из острейших.

Неотложность реформ перестройки землевладения была очевидна, и Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства еще в период войны подготовило основные положения аграрной реформы. В 1945 г. был разработан «План реформы землевладения», в соответствии с которым государство выкупало у «отсутствующих помещиков» все принадлежащие им земли, у «обрабатывающих помещиков» – земли, превышающие площадь 3 тё (1,976 га), а на Хоккайдо – более 12 тё (11,904 га). Из этого земельного фонда участки земли продавались по установленным твердым ценам крестьянам-арендаторам. Устанавливались максимальные размеры участка,

который крестьянский двор мог приобрести в собственность: в среднем по стране не более 3 тё (1,976 га) на одно хозяйство, на Хоккайдо – до 12 тё (11,904 га). Институт земельной аренды сохранялся, но устанавливались предельные нормы арендной платы в денежной форме [5, с. 61].

По уровню внедрения науки и техники в сельское хозяйство в послевоенный период страна также достигла хороших результатов. Механизация рисоводства, которое являлось основой японского сельскохозяйственного производства, началась в середине 50-х годов. Стали применяться прогрессивные технологии и передовые методы производства, обеспечивающие высокий уровень урожайности. Тем самым в конце 1950-х годов, прежде всего благодаря устойчиво высоким урожаям риса, а также в связи с не очень высоким в то время уровнем потребления, был достигнут благополучный уровень самообеспечения продовольствием, составивший 78% (рис. 1) [8].

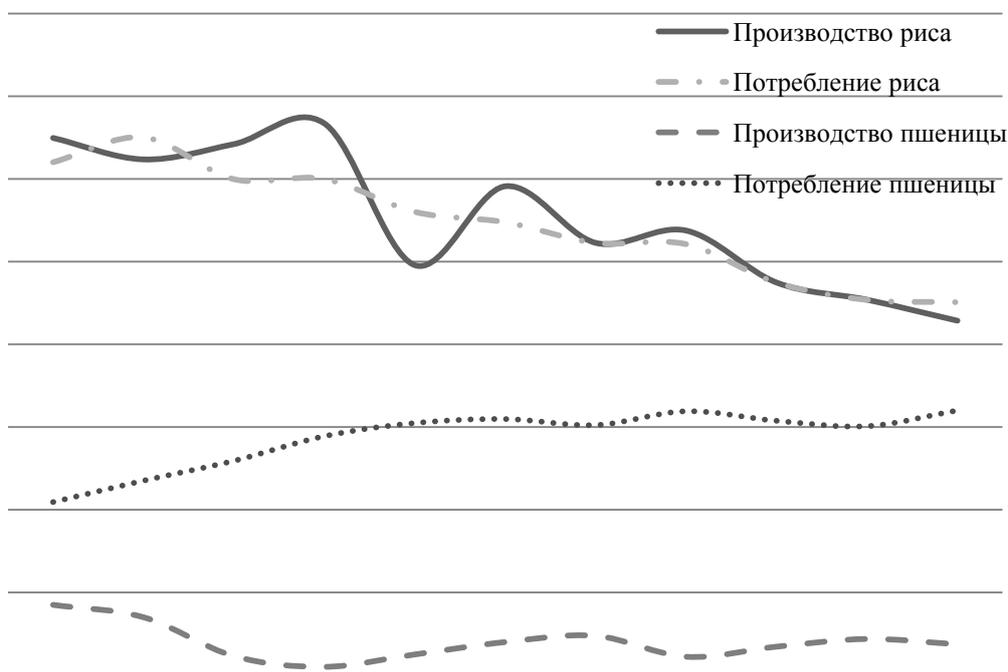

Рис. 1. Самообеспечение рисом и пшеницей в Японии, тыс. т

К началу 60-х годов сельское хозяйство подошло с набором проблем в развитии отрасли. Постоянно продолжал увеличиваться разрыв в уровне производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, хотя этот показатель в сельском хозяйстве рос высокими темпами. Японское сельское хозяйство сильно отставало по этому показателю в сравнении с другими развитыми странами. Цены на сельскохозяйственную продукцию

превысили цены мирового рынка. Структура производства не отвечала потребностям населения. В большинстве случаев основой этих проблем являлся мелкотоварный характер производства, прежде всего мелкие размеры землепользования.

В 60–70-х годах сельское хозяйство Японии очень отличалось от сельского хозяйства других развитых стран. Его особенность была связана, прежде всего, с его замкнутостью. Японские фермеры, в отличие от западных фермеров, не зависели непосредственно от колебаний мирового рынка, и их производство формировалось исключительно для удовлетворения внутреннего спроса. Также не менее уникально и то обстоятельство, что сельское хозяйство Японии практически не испытывало конкуренции со стороны других стран. Политика жесткого аграрного протекционизма открывала доступ в Японию лишь тем видам сельскохозяйственной продукции, которые либо не представляли собой основных элементов традиционного японского рациона, либо не могли производиться в стране, учитывая ее природные условия, хотя бы с минимальной эффективностью. Отличительной чертой являлось отсутствие в японском сельском хозяйстве иностранного капитала. Причиной этому служила та же протекционистская аграрная политика государственной поддержки мелких хозяйств, которая стала в известной мере тормозом на пути дальнейшего развития отрасли, затрудняя процесс концентрации производства и перелива капитала.

Все последующие годы аграрный протекционизм постоянно дополнялся различными мерами поощрения сельскохозяйственных производителей и смягчения негативного влияния рынка на них. Среди этих мер необходимо выделить политику контроля над продовольствием как одну из приоритетных, важнейшим инструментом которой являлась система гарантированных закупочных цен на основные виды продовольствия, особенно риса. Система закупочных цен гарантировала не только сбыт, но и, по крайней мере, компенсацию издержек его производства. Государство осуществляло политику поддержания цен на продукцию сельского хозяйства, суть которой состояла в том, что государственные закупочные цены всегда должны были превышать издержки фермерского производства. В основе торговли лежала формула «издержки производства плюс доход», при этом доход должен был быть равен среднему доходу городской семьи [7, с. 25].

В начале 80-х годов проходила структурная перестройка всей японской экономики в условиях углубления интернационализации хозяйственной жизни страны. Происходящие в экономике изменения непосредственно отразились и на аграрном секторе – правительство было вынуждено отходить от административных методов регулирования и увеличивать масштабы функционирования рыночных механизмов в сельском хозяйстве. В соответствии с договоренностями, достигнутыми в 1993 г. в

ходе «уругвайского раунда» переговоров в рамках ГАТТ (Генерального соглашения по тарифам и торговле), Япония перешла от системы импортных квот к мерам таможенного импортного регулирования в отношении молочных продуктов, крахмала и пшеницы. Вплоть до 1995 г. импорт риса в страну был запрещен [4, с. 5]. Но по результатам «уругвайского раунда» Япония стала устанавливать объем минимального импорта риса в размере определенной пропорции от величины его внутреннего потребления. Минимальный размер этой пропорции должен был постепенно подниматься с 4% до 8%. В 1998 г. этот размер был установлен на уровне 5%. Однако значительных изменений в протекционистской политике государства не произошло.

В целом проблема обеспечения населения продовольствием решалась двумя способами: развитием отечественного производства и импортом. В первые послевоенные годы импорт продовольствия в сильной степени лимитировался необходимостью ввоза основных видов сырья для развития промышленности и хроническим отрицательным сальдо торгового баланса. Правительственная политика была направлена на поддержание и развитие собственного производства сельскохозяйственной продукции. За 10–15 послевоенных лет Японии удалось достичь и превысить довоенный уровень производства продовольствия. Постепенно из-за высоких издержек производства в мелких хозяйствах их продукция оказалась неконкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках. Несмотря на протекционистские меры, в стране наращивался импорт. В итоге самообеспеченность продовольствием в Японии, составлявшая 78% в 1961 г., снизилась к 2010 г. до рекордно низкого уровня в 39%.

Кажется, что для успешного развития сельскохозяйственной отрасли в Японии существуют необходимые условия: относительно благоприятный климат с точки зрения ведения сельского хозяйства, современное техническое оснащение, передовые научные разработки, трудолюбие японцев как национальная черта. Однако число людей, занятых в отрасли, продолжает сокращаться, молодежь уходит из деревень в города. Экономически активное население в сельском хозяйстве Японии сократилось с 6 млн человек в 1980 г. до 1,4 млн человек в 2011 г. Рассмотрим источники обеспечения продовольствием в Японии (табл. 1) [8].

Сокращается площадь посевных земель, и, как было указано в «Белой книге по сельскому хозяйству» Японии, выпущенной в 2009 г., на них приходится всего 14% всей площади страны, то есть на треть меньше площадей, использовавшихся для земледелия в 1961 г., когда их размеры достигли пика. Спрос на основной японский продукт питания и сельскохозяйственную культуру – рис – постепенно уменьшается под влиянием западной культуры. Из-за масштабного импорта продовольствия Япония конъюнктурно зависима от других стран, особенно от США (табл. 2).

Таблица 1

Источники обеспечения продовольствием

Вид продукции	Потребление в год, тыс. т	Самообеспечение, %	Импорт, %
Рис	9 563	96	4
Пшеница	7226	11	89
Ячмень	2 128	7	93
Кукуруза	14 941	0	100
Соевые бобы	3 050	7	93
Овощи	14 953	79	21
Фрукты	7 926	38	62
Мясо	5 904	54	46
Куриные яйца	2 621	95	5
Молоко и молочные продукты	11 551	65	35

Таблица 2

Основные поставщики продовольствия в Японию, млрд иен

Страна	2011 г.
США	1 417
Китай	751,2
Австралия	393,9
Канада	385,2

В Японии открыто признается важность продовольственной независимости и ее влияние на национальную безопасность еще с 1980 г., когда была разработана доктрина комплексной национальной безопасности Японии. В доктрине вопросу обеспечения продовольственной безопасности страны наряду с военной безопасностью и топливной проблемой отведено ведущее место. В документе на долгосрочную перспективу была поставлена цель преодоления зависимости от импортных поставок продовольствия и обес-

печения устойчивого и гарантированного снабжения населения страны собственным продовольствием. Цель предполагалось реализовать решением следующих задач:

- генеральной задачей комплексной безопасности Японии объявлялось наращивание собственного сельскохозяйственного производства, несмотря на то, что из-за неустраняемых природных и трудноразрешимых экономических причин производство продовольствия оказывается в Японии дороже, чем в США, как минимум в 2-3 раза, а по большинству продуктов – в 4-5 раз [7, с.1];

- вторая задача состояла в преодолении зависимости от поставок продовольствия из США – главного стратегического партнера Японии [4, с. 2]. На сегодня эти задачи остаются более чем актуальными.

Правительство Японии стремится снизить зависимость страны от импорта продовольствия, оказывая помощь агропродовольственному сектору, в первую очередь отечественным производителям риса. Закупка риса у крестьян до сих пор производится из средств госбюджета по приемлемой для крестьян цене, а продается рис потребителям несколько дешевле. На рис, пшеницу и ячмень государство также устанавливает твердые закупочные цены, а на остальную сельхозпродукцию устанавливаются минимальные гарантированные цены.

Таблица 3

Поддержка сельхозпроизводителей, в % от общих доходов

Год	1986	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Помощь	65,1	53,8	51,6	46,7	48,3	49,0	53,3	51,6

Аграрный протекционизм Японии все еще очень силен и в настоящее время. Ключевой способ протекционизма выражается в колоссальных субсидиях. Япония ежегодно направляет в собственное сельское хозяйство десятки миллиардов долларов, помощь составляет более 50 % от общих доходов (табл. 3). По уровню государственной поддержки индивидуальных сельхозпроизводителей, по оценкам Организации экономического сотрудничества и развития, Япония находится на третьем месте после Норвегии и Швейцарии. Такая политика объясняется не только относительно неблагоприятными природно-климатическими условиями для аграрного производства, ограниченностью земельных ресурсов, но и высоким уровнем жизни населения. Поскольку одной из целей правительственного покровительства выступает поддержка доходов фермеров на приемлемом уровне, то в странах с высоким уровнем жизни на эти цели приходится выделять больше средств.

Другое выражение аграрного протекционизма Японии – в очень высоких импортных тарифах. Импортные тарифы на рис, сахар и пшеницу составляют 778%, 328% и 252% соответственно [8]. Тарифы на масло, сыр, орехи и молоко варьируются от 218% до 737%. Более чем на сто сельскохозяйственных культур установлен тариф более 200%. К сравнению, в Европейском Союзе и США довольно редки тарифы более 200%, и отсутствуют тарифы более 500%. В соответствии с данными Всемирной Торговой Организации, среднее значение сельскохозяйственного тарифа в Японии составляет 22,2%, в США – 5,2%, и в Европейском союзе – 13,5%. Совокупная финансовая поддержка сельского хозяйства Японии, Евросоюза и США в прошлом году составила 52 млрд долл., 168 млрд долл. и 96 млрд долл. соответственно. В сумме финансовая поддержка сельскохозяйственному сектору этих трех стран составляет 84% всех сельскохозяйственных субсидий стран – членов ОЭСР [9, с. 29].

В 2007 г. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства подготовило и представило в Совет по экономической и финансовой политике отчет «Желательная сельскохозяйственная политика в эпоху глобализации», в котором изложило свои подходы к заключению соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве. Наряду с утверждением о необходимости реформирования отечественного сельского хозяйства в отчете неоднократно подчеркивается «недопустимость ускорения процесса либерализации условий международной торговли сельскохозяйственной продукцией». В отчете также содержится заявление о том, что «Министерство намеревается твердо защищать интересы национальных производителей сельхозпродукции до тех пор, пока они будут нуждаться в защите» [4, с. 3].

Несмотря на отсутствие курса на либерализацию сельского хозяйства, государство проводит другие меры по увеличению конкурентоспособности национального сельского хозяйства. Главным средством подъема конкурентоспособности (роста производительности труда и снижения издержек производства) продолжает оставаться, прежде всего, укрупнение размеров хозяйствования – как индивидуальных дворов, так и разного рода объединений. Мероприятия правительства Японии, предпринимаемые с конца 80-х годов, несколько ускорили темпы увеличения размеров хозяйств в земледелии, но пока что достигнутые результаты очень далеки от желаемых цифр, заявленных в концепции новой сельскохозяйственной политики. В настоящее время подавляющее большинство хозяйств составляют мельчайшие (до 0,5 га), мелкие (0,5–1 га) и средние (1–2 га). Согласно японской статистике, 92,7% всех хозяйств имеют площадь земли менее 2 га [8]. К сравнению, средний размер хозяйств в Евросоюзе – 14 га, в США – 198 га, в Австралии – 3 024 га. В такой стране, как Япония, естественно, нет возможностей для создания крупных по земельной площади хозяйств, как,

например, в США [6, с. 19]. Но цель по доведению средних размеров хозяйств до 10–15 га не является недостижимой.

Отодвигание сроков осуществления реформ по повышению уровня продовольственной безопасности страны, и в частности по подъему сельскохозяйственного производства, привело к появлению альтернативных взглядов на реформирование аграрного сектора. Одной из альтернативных точек зрения придерживаются радикальные либералы. Как и правительство, они считают, что решение основных проблем – высоких издержек, недостаточной производительности труда и избыточного государственного протекционизма – лежит в создании крупных фермерских хозяйств, благодаря которым сельскохозяйственное производство стало бы более эффективным. Ориентируясь на опыт крупных фермерских хозяйств западных государств, основной упор должен быть сделан на технику, которая позволила бы значительно повысить производительность труда. Радикализм либералов в том, что, в отличие от правительства, они настаивают на быстром и решительном крупномасштабном перераспределении земли, необходимом для формирования сектора эффективных хозяйств. По их мнению, всё перераспределение должно строиться на основе аренды, путем индивидуальной или более эффективной коллективной сдачи земли мелкими собственниками в аренду фермерам-предпринимателям, которые укрупняют свои хозяйства. К последним должно отойти до 90% всей сельскохозяйственной земли, а остальная часть останется у мелких и мельчайших собственников в виде небольших приусадебных участков. Чтобы побудить всех мелких землевладельцев принять такое решение, либералы предлагают правительству отказаться от принципа ориентации на самообеспечение страны рисом и от аграрного протекционизма. Они рекомендуют направить развитие сельского хозяйства страны в сторону животноводства как основной отрасли, отменить импортные квоты и отказаться от контроля государства над системой распределения продовольствия и сельскохозяйственных производственных факторов, то есть по большей части перейти к свободной торговле. По мнению либералов, правительство поступает неправильно и недальновидно, сводя проблему национальной продовольственной безопасности к задаче текущего самообеспечения рисом вместо того, чтобы искать ее решение в радикальной модернизации аграрной экономики.

Сторонники радикального либерализма настаивают на быстром переходе к открытому рынку вместо системы государственного аграрного протекционизма. При этом либералы не берут в расчет социальные и социокультурные аспекты перехода к открытой рыночной системе. Либералы представляют деревню как совокупность индивидуальных землевладельцев, которые уже несильно связаны непосредственно с самим сельским хозяйством, которые уже утратили некогда сильные основы коллективистской организации и сам дух коллективизма и которые могут легко передать

свою землю или, по крайней мере, большую её часть в пользу фермеров-предпринимателей. Однако это и подвергается сомнению в японском обществе.

Другой альтернативной точки зрения придерживаются социалисты, которые основываются на принципе «социальной ответственности землевладельцев за эффективное использование земли». Они выступают за социализацию землевладения, под которой имеется в виду необходимость для владельцев земли нести социальные обязательства перед обществом в отношении эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения, а также контроль общества и государства над земельными отношениями. Государству социалисты предписывают приведение земельного законодательства в соответствие с задачей перехода к коллективному ведению сельского хозяйства. Кроме этого, государству необходимо максимально снизить земельную ренту и стабилизировать цены на землю. Социалисты считают, что тем самым будут созданы условия для восстановления землевладения на основе группового, кооперативного фермерства. Этим же сельскохозяйственным коллективам должно быть предоставлено преимущественное право покупки и аренды земли.

Как видно, ни одна из сторон не предлагает оставить без изменений систему сельского хозяйства, состоящую из мелких хозяйств. Все, так или иначе, выступают за укрупнение производства на основе многоукладной системы хозяйства как главный способ решения проблемы высоких издержек сельскохозяйственного производства страны и соответственно неконкурентоспособности продукции.

Таким образом, выделим основные направления политики японского государства в области продовольственной безопасности на ближайшие годы.

1. Укрупнение размеров хозяйств

Увеличение размеров традиционно мелких японских хозяйств выступает одним из ключевых путей повышения низкой производительности японского сельского хозяйства, снижения издержек и, следовательно, повышения конкурентоспособности продукции. По подсчетам специалистов, если в рисоводстве будут действовать около 150 тыс. индивидуальных хозяйств размером 10–20 га и до 20 тыс. по 35–50 га каждое, это позволит почти вдвое снизить себестоимость продукции [4]. В апреле 2013 г. министр сельского хозяйства Японии Ёшимаса Хаяши заявил, что «правительство прикладывает все усилия для того, чтобы модернизировать сельскохозяйственный сектор, укрупняя размеры существующих хозяйств...» [3, с. 3].

2. Внедрение передовых технологий

К 2020 г. государством поставлена цель снизить импорт продовольствия до 50%. Для этого предполагается увеличить производство риса на 260 тыс. т, а пшеницы – в два раза, по сравнению с показателями 2008 г.

(2008 г. – 881 200 т) [8]. Достигать этого планируется не только созданием крупных хозяйств, но и путем внедрения передовых технологий по выращиванию данной продукции. Ориентируясь на опыт крупных фермерских хозяйств западных государств, в Японии считают, что основной упор должен быть сделан на технику, которая позволила бы значительно повысить производительность труда.

Правительство Японии первоначально поставило задачу – за счет подобной структурной реформы, а также других мер повысить коэффициент самообеспеченности продовольствием к 2010 г. до 45%. Однако позже Комитетом по продовольственной политике было признано, что достигнуть цели в 45% к 2010 г. будет крайне сложно. Срок достижения уровня 45% был перенесен на 2015 г. Но срок был перенесен снова, когда Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства в 2009 г. разработало новый План развития национального сельского хозяйства, который предусматривает снижение импорта продовольствия в течение 10 лет, то есть до 2020 г., до 50% [4, с. 1]. Для этого предполагается увеличить производство риса на 260 тыс. т, а пшеницы – в два раза по сравнению с показателями 2008 г. Достигнуть этого можно будет путем внедрения передовых технологий по выращиванию этой продукции. Себестоимость риса в Японии сейчас очень высока. Он в пять раз дороже тайландского и в два с половиной раза – американского [7, с. 2].

3. Переподготовка фермеров и привлечение молодых сельскохозяйственных работников

В рамках программы повышения самообеспечения продовольствием предусматривается переподготовка фермеров в связи с еще большей механизацией производства и внедрением передовых технологий, а также привлечение примерно 12 тыс. чел. до 40 лет, желающих заняться фермерским хозяйством [2, с. 31]. В январе 2011 г. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии заявило о решении предоставлять гранты более 1 млн йен ежегодно людям, которые начинают заниматься сельским хозяйством, переехав из городов в сельские районы.

4. Развитие аквакультуры

С учетом сложившихся в мире промысловых условий, а также необходимости сохранения и увеличения своих собственных биоресурсов, Япония будет продолжать уделять большое внимание искусственному разведению рыбы и морепродуктов. Среди крупнейших производителей аквакультуры Япония уже занимает третье место после Китая и Индии. В основе столь стремительного развития аквакультуры в Японии лежит огромный и все увеличивающийся глобальный спрос на рыбопродукцию. Ожидается, что мировое потребление будет возрастать. В связи с этим специалисты считают, что дальнейшее увеличение объемов рыбопродукции возможно либо

посредством вовлечения в активный промысел ныне невостребованных объектов, либо за счет искусственного выращивания гидробионтов. По словам генерального директора Всемирного центра рыболовства и Международного Института продовольственных исследований доктора М. Уильямса, в условиях быстрого роста мирового народонаселения и истощения рыбных запасов спрос на гидробионты может удовлетворить лишь постоянно растущее производство аквакультуры.

5. Увеличение объемов экспорта

Предусматривается увеличить экспорт японской сельскохозяйственной продукции и морепродуктов (речь идет, прежде всего, о дорогих продуктах высокого качества) до 1 трлн йен или 10,3 млрд долл. [3, с. 3].

6. Помощь сельскому хозяйству развивающихся стран

Япония планирует и дальше расширять помощь сельскому хозяйству развивающихся стран (Афганистану, Азербайджану, Мозамбику, Зимбабве и др.), рассматривая это как один из способов снижения импортозависимости от своих основных поставщиков продовольствия в долгосрочном периоде, диверсифицирования источников импорта.

7. Сохранение протекционистской политики

Государство продолжит оказывать помощь агропродовольственному сектору, в первую очередь отечественным производителям риса. Закупка риса у крестьян производится и будет производиться из средств государственного бюджета по приемлемой для производителей цене, а продаваться он потребителям – несколько дешевле. На рис, пшеницу и ячмень государство устанавливает твердые закупочные цены, а на остальную сельскохозяйственную продукцию устанавливаются минимальные гарантированные цены. По тем продуктам, по которым импорт может конкурировать с внутренним производством, будут и дальше устанавливаться высокие импортные пошлины (например, на рис).

Один из последних официальных документов – план действий по «возрождению сельского хозяйства» [1], выпущенный Министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии в конце 2011 г., – сохраняет одни из наибольших в мире размеры субсидий фермерам, что идет вразрез с одним из главных направлений реформирования сельского хозяйства страны – укрупнением хозяйств. Политика выдачи субсидий маленьким хозяйствам для поддержки их производства стимулирует сохранение этих мелких хозяйств. Выдача субсидий только крупным хозяйствам стимулировала бы появление таких хозяйств большого размера, и это бы стало значительным шагом на пути формирования японского сельского хозяйства, увеличения производительности, снижения издержек и повышения конкурентоспособности.

По нашему мнению, необходимый план действий по возрождению сельского хозяйства Японии заключается в следующем: изменении политики субсидирования фермеров, проведении реформы по консолидации хозяйств, формировании нового молодого поколения сельскохозяйственных работников и еще большем техническом оснащении производства, что постепенно приведет к снижению издержек и повышению производительности в сельском хозяйстве. И только убедившись в конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, японскому правительству стоит начать отходить от жесткого контроля и защиты аграрного сектора страны. По словам министра сельского хозяйства Японии Ёшимаса Хаяши, даже при успешном проведении реформ японскому сельскому хозяйству все равно никогда не стать таким конкурентоспособным, как сельское хозяйство США или Канады [3, с. 3]. Стоит согласиться, что, даже при ослаблении протекционистской политики по отношению к аграрному сектору, правительству необходимо будет продолжать поддержку сельского хозяйства страны, прежде всего с помощью системы субсидирования.

На сегодняшний день Япония обладает конкурентным преимуществом в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственный сектор страны имеет очень высокий потенциал производства высококачественной экологически чистой продукции, спрос на которую так растет сейчас в развитых странах. Представление о японских продовольственных товарах во всем мире вызывает ассоциации с качеством, безопасностью. Это преимущество уже используется в японском экспорте (например, в продажах голубого тунца и известной во всем мире японской говядины), однако очень слабо. Необходимо развивать данный сектор дорогой высококачественной продукции, имеющей большой потенциал, увеличивая производительность таких товаров, повышая конкурентоспособность.

Таким образом, в последние годы сельскохозяйственный сектор Японии демонстрировал низкие темпы роста и снижения дохода, но успешное проведение планируемых аграрных реформ и дальнейшая частичная либерализация сельскохозяйственного рынка способны возродить сельское хозяйство страны и приблизить Японию к уровню продовольственной безопасности 60-х годов, когда он достиг своего пика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hays, J. Agricultural Reforms in Japan: Consolidating Farms, Improving Subsidies, Creating Incentives [Electronic resource] // Facts and Details. – Access: <http://factsanddetails.com/japan.php?itemid=1808&catid=24&subcatid=159>.
2. Japan – Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011 [Electronic resource] // The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). – Access: <http://www.oecd.org/japan/japan-agriculturalpolicy-monitoringandevaluation2011.htm>.

3. Japan's Farm Minister Walks Line Between Free Trade, Protectionism [Electronic resource] // *The Wall Street Journal*. – Access: <http://blogs.wsj.com/japanrealtime/2013/04/08/japans-farm-minister-walks-line-between-free-trade-protectionism>.
4. Mulgan, A. Japan's new agricultural policy plan neglects trade liberalization [Electronic resource] // *East Asia Forum*. – Access: <http://www.eastasiaforum.org/2011/11/02/japan-s-new-agricultural-policy-plan-neglects-trade-liberalisation/>.
5. Ozaki, R. *The Japanese* / R. Ozaki. – Tokyo : Tuttle, 1998. – 299 p.
6. Prakash, D. Development of Agricultural Cooperatives-Relevance of Japanese Experiences to Developing Countries [Electronic resource] // Rural Development and Management Centre. – Access: http://www.uwcc.wisc.edu/info/intl/daman_japan.pdf.
7. Reviving Japanese Agriculture to Cope with International Competition [Electronic resource] // *Nippon*. – Access: <http://www.nippon.com/en/in-depth/a00902/>.
8. Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries [Electronic resource] // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. – Access: http://www.maff.go.jp/e/tokei/kikaku/nenji_e/87nenji/index.html.
9. Yamashita, K. Ensuring Japan's food security through free trade not tariffs [Electronic resource] // *East Asia Forum*. – Access: <http://www.eastasiaforum.org/2010/03/10/ensuring-japans-food-security-through-free-trade-not-tariffs/>.
10. Yoshikawa, Y. Can Japanese Agriculture Overcome Dependence and Decline? [Electronic resource] // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Access: <http://www.japanfocus.org/-Yukie-YOSHIKAWA/3379>.

REFERENCES

1. Hays J. Agricultural Reforms in Japan: Consolidating Farms, Improving Subsidies, Creating Incentives. *Facts and Details*. – Available at: <http://factsanddetails.com/japan.php?itemid=1808&catid=24&subcatid=159> (accessed 20 March 2014).
2. Japan – Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2011 *The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD)*. Available at: <http://www.oecd.org/japan/japan-agriculturalpolicymonitoringandevaluation2011.htm> (accessed 20 March 2014).
3. Japan's Farm Minister Walks Line Between Free Trade, Protectionism. *The Wall Street Journal*. Available at: <http://blogs.wsj.com/japanrealtime/2013/04/08/japans-farm-minister-walks-line-between-free-trade-protectionism> (accessed 20 March 2014).
4. Mulgan A. Japan's new agricultural policy plan neglects trade liberalization. *East Asia Forum*. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/>

2011/11/02/japan-s-new-agricultural-policy-plan-neglects-trade-liberalisation/ (accessed 20 March 2014).

5. Ozaki R. *The Japanese*. – Tokyo: Tuttle, 1998. – 299 p.

6. Prakash D. Development of Agricultural Cooperatives-Relevance of Japanese Experiences to Developing Countries. *Rural Development and Management Centre*. Available at: <http://www.uwcc.wisc.edu/info/intl/damanjapan.pdf> (accessed 20 March 2014).

7. Reviving Japanese Agriculture to Cope with International Competition. *Nippon*. Available at: <http://www.nippon.com/en/in-depth/a00902/> (accessed 20 March 2014).

8. Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. *Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*. Available at: http://www.maff.go.jp/e/tokei/kikaku/nenji_e/87nenji/index.html (accessed 20 March 2014).

9. Yamashita K. Ensuring Japan's food security through free trade not tariffs. *East Asia Forum*. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2010/03/10/ensuring-japans-food-security-through-free-trade-not-tariffs/> (accessed 20 March 2014).

10. Yoshikawa Y. Can Japanese Agriculture Overcome Dependence and Decline? *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Available at: <http://www.japanfocus.org/-Yukie-YOSHIKAWA/3379> (accessed 20 March 2014).

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры международной экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: zharikov.ep@dvvfu.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ МИРОВОГО ОКЕАНА

Статья посвящена проблеме освоения Мирового океана с целью выработки эффективных подходов к организации морской хозяйственной деятельности.

Цель статьи реализуется через решение следующих задач:

- обоснование комплексного сбалансированного развития морского хозяйства;
- анализ проблем рыбохозяйственного и нефтегазодобывающего комплексов в составе единого морского комплекса;
- вычленение современных особенностей формирования морской политики по использованию и сохранению потенциала Мирового океана.

Развитие мировой экономики оказывает влияние на материально-энергетические процессы во всей биосфере, потенциальная емкость которой ограничена. Планета постоянно деформируется, и от природных катаклизмов гибнут люди.

Мировой океан является одним из источников, оказывающих регулирующее воздействие на устойчивость биосферы. Взаимодействуя с атмосферой, океан является регулятором двуокиси углерода в атмосфере.

С другой стороны, достижения научно-технического прогресса стимулируют ускорение процесса хозяйственного освоения Мирового океана. Увеличение объемов хозяйственной деятельности в Мировом океане требует сбалансированного системного подхода к комплексному освоению его богатств. Автор поддерживает идею формирования интегральных хозяйственных систем, которые должны обеспечить комплексное, сбалансированное развитие морского хозяйства. В статье анализируются возможные структуры организации морских хозяйственных комплексов. Подчеркивается, что чем выше комплексность системы, тем она устойчивее за счет объединения предприятий с горизонтальными связями в вертикально-интегрированные структуры.

В составе интегрированной системы автор выделяет наиболее проблематичные две его структуры: рыбохозяйственный и нефтегазодобывающий комплексы. Они важны в мировой экономике и достаточно конфликтны в отношениях друг к другу.

Развитие мирового рыбохозяйственного комплекса позволило в 2011 г. довести потребление рыбы на душу населения до 18,8 кг (в два раза больше, по сравнению с 1960 г.). Но, с другой стороны, это обусловило ряд проблем:

- перелова и уменьшения рыбных запасов;
- незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла;
- прилова и выброса рыбы.

В последние годы растет роль Мирового океана как источника пополнения дефицитных видов топлива, в первую очередь нефти и газа. Это обуславливает конфликт интересов между нефтегазодобывающим комплексом и рядом других пользователей океана и, в первую очередь, рыбопромышленным комплексом.

Автор отмечает усиление социальной компоненты морских зон. Поэтому требуется переход к интегрированному управлению – как прибрежными, так и отдаленными морскими экосистемами.

Ключевые слова: Мировой океан, рыбопромышленный комплекс, нефтегазодобывающий комплекс, экосистема, морская политика.

Evgenie P. Zharikov, Professor, Department of International Economic Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: zharikov.ep@dvf.ru

CHALLENGES OF GLOBAL OCEAN DEVELOPMENT

The article is devoted to the problem of global ocean development; it seeks new, efficient approaches to the organization of marine economic activities.

The goal of the article is implemented through the following tasks:

- substantiation of the complex balanced development of the Maritime economy;
- analysis of the problems of the fishery, oil and gas industries as parts of a single Maritime complex;
- defining modern peculiarities of the maritime policy aimed at developing and preserving the Global Ocean resources.

Development of the world economy has an impact on the material-energetic processes in the whole biosphere which has a limited potential capacity. The planet is constantly deforming; natural disasters cause human fatalities.

The Global Ocean is one of the sources which maintain the stability of the planet biosphere. By interacting with the atmosphere, the Ocean is a regulator of carbon dioxide in the atmosphere.

On the other hand, scientific and technological progress accelerates economic development of the Global Ocean. Increased economic activities in the Global Ocean require a balanced system approach to the integrated development of its resources. The author adheres to the idea of forming the integral economic systems, which should deliver a comprehensive, balanced development of the Maritime economy. The article analyzes a possible structure of the economic complexes arrangement. It is emphasized that a higher complexity of the system makes it more stable by uniting the enterprises with horizontal links into vertically integrated structures.

The author highlights two most problematic structures within the integrated system: fishery and oil and gas sectors. They are both essential for the global economy while conflicting with each other.

Development of the world fisheries complex in 2011 allowed increasing the per capita fish consumption to 18.8 kg (twice as much as in 1960). However it caused a number of problems to emerge:

- Overfishing and reduction of fish stocks;
- Illegal, unreported and unregulated fishing;
- By-catch and fish discards.

In recent years the Global Ocean has become a source of replenishing critical fuels, primarily of oil and gas which results in a conflict of interests between the oil and gas complex and a number of other users of the Ocean resources, primarily the fishery complex.

The author emphasizes an increased social component of marine zones which calls for a transition to integrated approaches to managing both coastal and off-shore marine ecosystems.

Keywords: Global Ocean, fishing industry complex, oil and gas producing complex, ecosystem, marine policy.

Мировой океан – природно-хозяйственная система

Роль океана в жизнедеятельности Человека предусмотрена самой Природой. Эта роль многофункциональна. Как бы предугадывая не оптимальность во многих случаях и большую инертность принимаемых Человеком действий, планета Земля включает огромное водное пространство океанов и морей, одно из назначений которого – играть роль буфера между Человеком и Природой. Так обеспечивается, с одной стороны, более равномерное и последовательное освоение пространства земли, с другой – подчистка огрехов за счет прочности и устойчивости гидросферы (обусловленных большими размерами водных пространств), неминуемо сопровождающих процессы освоения. Водные пространства в совокупности занимают около 70 % поверхности земного шара. Общий объем воды в океане составляет 97,3% всех водных запасов планеты.

Достижения научно-технического прогресса меняют характер хозяйственного освоения океана. В сферу хозяйственной деятельности вовлекаются не только новые месторождения уже извлекаемых ресурсов, но и новые виды природного сырья. Это становится стимулирующим фактором для ускорения процесса хозяйственного наступления на Мировой океан, которое в последние годы достаточно активизировалось. Все активнее и полнее вовлекаются в мировой производственный процесс его биологические, минерально-сырьевые, энергетические, рекреационные и другие ресурсы, транспортные возможности, что объясняется:

- снижением эффективности добычи многих природных ресурсов на суше, в частности, в силу их истощения и более быстрого роста издержек по отношению к добыче океанических ресурсов;

- достижениями научно-технического прогресса (постоянно совершенствуются и разрабатываются новая техника для работы в океане, новые технологии и процессы и т.д.);

- открытием новых экономически доступных месторождений минерально-сырьевых ресурсов на шельфе и в глубоководных донных отложениях, необходимостью решения продовольственной проблемы и т.д.

Усиление хозяйственной деятельности в Мировом океане оказывает влияние на материально-энергетические процессы во всей биосфере, поэтому хозяйственная деятельность должна учитывать возможности окружающей природной среды, допустимые хозяйственные на нее нагрузки.

Потенциальная емкость биосферы ограничена, планета постоянно деформируется, и остается ждать, когда количественные изменения перейдут в качественные изменения с непредвиденными последствиями.

Мощным противодействующим источником, оказывающим регулирующее воздействие на устойчивое функционирование планеты Земля, опять-таки, является Мировой океан, обеспечивающий за счет непрерывного обмена веществами с сушей свободный кислород в атмосфере, орошение земли и подпитку ее разнообразных водных источников. Считается, что растительность, возникшая в океане, обогатила атмосферу кислородом и до сих пор деятельность ее, разлагающая воду на водород и кислород, главный источник свободного кислорода в атмосфере. Наличие противоположно направленных процессов обуславливает взаимодействие океана с атмосферой, в результате которого океан поглощает или выделяет CO_2 . Направление обмена в каждом конкретном случае зависит от соотношения парциальных давлений CO_2 в атмосфере и в воде: если давление CO_2 в атмосфере выше, чем соответствующее ему давление воды, то океан поглощает CO_2 из атмосферы, если наоборот, то газ выделяется из океана в атмосферу. Таким образом, атмосфера поддерживает определенную концентрацию CO_2 в океане, а океан, в свою очередь, является регулятором CO_2 в атмосфере [1].

Следовательно, океан то «вдыхает», то «выдыхает» атмосферные газы, работая в режиме геохимического реактора и выполняя относительно CO_2 функции резервного склада.

По мере нарастания содержания CO_2 в атмосфере происходит повышение парциального давления CO_2 , понижение щелочности поверхностной воды океана, повышение температуры воздуха относительно температуры на поверхности океана. Появляются области высокого и низкого давлений, вызывающие ветры по всему земному шару, способствуя тем самым быстрейшему переходу двуокиси углерода в толщу морской воды. В принципе не исключено, что такие процессы при больших перепадах давлений могут приводить к зарождению штормов, цунами и т.д.

Таким образом, Мировой океан представляет собой очень сложную цельную природную систему, развивающуюся по единым законам, отвечающую на внешние воздействия как «единый хорошо сбалансированный организм» [2, 3].

Морской хозяйственный (морехозяйственный) комплекс

Под морехозяйственным комплексом, осуществляемым морскую хозяйственную деятельность, будем понимать систему, объединяющую различные виды деятельности в зоне суша – море (акваторриальной площади). Причем все ресурсы добываются из морской среды (в том числе из морской воды), из месторождений дна и т.п., а перерабатываются либо на океанических производственных мощностях (например, рыболовных ба-

зах), либо на предприятиях суши. В её состав входят: горнохимический, рыбохозяйственный, транспортный, нефтедобывающий и другие комплексы, в соответствии с видами акваториальной деятельности.

Со стороны мирового сообщества это требует сбалансированного системного подхода к комплексному освоению богатств океана. Расширение решаемых задач более эффективно на основе формирования интегральных хозяйственных систем, которые должны обеспечить комплексное сбалансированное развитие морского хозяйства в составе единого народнохозяйственного морского комплекса (морехозяйственного комплекса (МХК)), в котором, в частности, рыбопромышленный комплекс является одним из составляющих среди других, его образующих. К объективным предпосылкам необходимости формирования МХК по мере увеличения объемов хозяйственной деятельности в Мировом океане отнесем следующие:

- становление морской акватории рабочей площадкой с соответствующими производственными функциями, включая транспортную функцию;
- переход от единичных видов хозяйственной деятельности к комплексным видам из-за невозможности их одновременной реализации на ограниченной акватории;
- скудность отдельных приморских районов на природные ресурсы суши;
- динамизм морской среды, усугубляющий относительно суши процессы локализации загрязнителей и, следовательно, требующий: во-первых, объединения усилий населения, занимающегося хозяйственной деятельностью в пределах динамичных морских акваторий; во-вторых, нивелирования несогласованности и разобщенности в действиях различных отраслей хозяйства;
- необходимость мониторинга в приморских районах антропогенных нагрузок.

Основу хозяйственного освоения океана составляют взаимосвязанные структурные элементы: береговая база, производства и технические средства, находящиеся непосредственно в океанической среде и инфраструктурные элементы (транспортные средства, коммуникации и т.д.).

Береговая база – это совокупность средств производства (материально-техническая база) и трудовых ресурсов для осуществления морехозяйственной деятельности, размещенных на определенной территории под воздействием влияющих факторов: транспортного, трудового, инфраструктурного, агломерационного и комбинирования производства, которые, в принципе, и формируют глубину пространственного размещения грузовой базы по отношению к береговой линии. В. С. Турецкий [4, с. 13–20] выделяет три «эшелона» береговой базы: первый эшелон – жестко привязанный к океанической среде; второй – привязанный по техническим и технологическим условиям к береговой полосе; третий – привязанный технологическими и экономическими связями, обеспечивающими

хозяйственную деятельность по освоению богатств океана и функционирование прибрежных районов.

Многообразие видов океанической деятельности, форм ее организации, международных, региональных и правовых факторов обуславливает образование различных, отличающихся структурной разнородностью, но в то же время сильной внутренней связностью акваториальных комплексов. В целях перспективного планирования морской хозяйственной деятельности, безусловно, важна классификация экономических систем и процессов хозяйственной деятельности в океане и прибрежных районах. Она позволяет использовать выработанные принципы и типовые модели для организации отдельных конкретных видов океанической деятельности.

Формы организации МХК могут быть различные. Отечественной теорией и практикой отработана организация территориально-производственных комплексов (ТПК), которая с определенной модификацией может быть применена и к организации акваториально-производственных комплексов (АТПК). Причем целесообразно использовать и оптимизированные наукой формы, уровни и структуры организации ТПК.

Следуя данной логике, В. В. Савалей выделяет в системе приморских морских образований: портово-промышленный узел; портово-промышленный комплекс; акваториально-производственный комплекс [5, с. 25–34]. Их отличительные признаки: портово-промышленный узел (ППУ) – концентрация хозяйственной деятельности вокруг морского порта; портово-промышленный комплекс (ППК) – концентрация хозяйственной деятельности вокруг портово-промышленного узла за счет развития производственно-хозяйственной деятельности, интеграции новых хозяйствующих субъектов или объединения нескольких ППУ, как правило, в пределах одной акватории или смежных акваторий, с организацией отраслевых производств. АТПК – довольно новая форма организации, представляющая многоотраслевой комплекс на базе ППУ, ППК за счет объединения на указанных структурах (или замыкания на них) производств многих отраслей. Выделение АТПК характеризуется концентрацией межотраслевых и территориально-отраслевых связей в пределах одной акватории. Экономическое единство АТПК создаётся производственными связями предприятий, использованием природных и экономических ресурсов и условий, а также общей системой расселения. Факторами формирования пространственной дислокации АТПК (в том числе, размерной – контуров его границ) являются: транспортный, трудовой, агломерационный, дегламерационный и инфраструктурный.

Таким образом, в зависимости от пространственной организации, агрегации информации и т.д. морехозяйственный комплекс имеет иерархическую структуру, зависящую от уровня рассмотрения. Рабочие звенья такой структуры – ППУ, ППК, АТПК – объективно формирующиеся производст-

венно-хозяйственные системы, осуществляющие реальную хозяйственную деятельность. Поднимаясь вверх по иерархической цепочке, формируются представления о морехозяйственном комплексе локального района, региона, страны, мировом морехозяйственном комплексе.

В составе МХК наиболее проблематичны две его структуры: рыбохозяйственный и нефтегазодобывающий комплексы: первый – с позиции его особой важности в мировой экономике и воспроизводимости сырьевой базы; второй – с позиции роста его веса в мировой экономике, невозможности сырьевой базы и конфликтности с первым.

Рыбохозяйственный комплекс в системе морехозяйственного комплекса

Рыбная промышленность – одна из ведущих отраслей морехозяйственной деятельности, которая по мере развития мирового сообщества, стран в целом, изменений в экономической и политической среде претерпевает изменения. Идет усложнение ее первоначальной упрощенной структуры. Новые средства и методы поиска объектов промысла (воздушная разведка, приборы по обнаружению косяков рыбы и т.д.) позволили повысить эффективность работы рыбохозяйственного комплекса (РХК). Рыбохозяйственный комплекс занимает особое место в истории многих государств мира, во многих странах рыбное хозяйство является важнейшим источником формирования рабочих мест.

В состав РХК входят: добывающие и обрабатывающие производства; специализированные вспомогательные отрасли; обслуживающие организации (промышленной и социальной инфраструктуры), связанные между собой технологическими, социальными и др. процессами.

Экономические выгоды РХК формируются за счет его комплексности и сбалансированности структуры входящих в него производств:

- добывающих баз рыболовецкого флота с приемно-транспортными, обрабатывающими и другого специального назначения судами;
- рыбопромышленных портов и береговых предприятий и организаций;
- судостроительных и судоремонтных заводов;
- сетеснастных и канатных предприятий;
- предприятий по производству орудий лова и различной тары.

Чем выше комплексность РХК, тем устойчивее он как система за счет уменьшения горизонтальных связей с предприятиями других отраслей и формировавшихся взамен их вертикально-интегрированных связей.

В 2011 г. мировой объем производства рыбы возрос к предыдущему году на 4,1 % и составил 154 млн т, из которых 131 млн т был направлен на производство пищевой продукции. Предложение пищевой рыбы постоянно растет. Среднегодовой прирост пищевой рыбы составил 3,2% при среднегодовом приросте мирового населения 1,7%. Это повлекло увеличение по-

ребления рыбы на душу населения с 9,9 кг (в эквиваленте живого веса) в 1960-е годы до 18,8 кг в 2011 г. (табл. 1).

Продолжающееся экономическое освоение пространства, увеличение населения планеты приводят к ограничению морских акваторий в целях ведения на них морского промысла. Введение государствами исключительных 200-мильных экономических зон (ИЭЗ) также привело к сужению районов активного промысла. В этой связи возрастает роль прибрежного рыболовства с марикультурой и всей аквакультуры.

Прибрежное рыболовство – это изъятие водных биологических ресурсов (ВБР), жизненный цикл которых в течение всего времени или определенной его части (нерест, сезонные миграции, нагул) привязан к прибрежным водам прилегающих морей и океанов. Ширина этих вод или прибрежных рыболовных зон в различных странах устанавливается на основе исторически сложившихся особенностей развития национального рыболовства, исходя из природных, социально-экономических условий и технического уровня развития этих государств. В России ширина прибрежной рыболовной зоны, в которой может осуществляться прибрежное рыболовство, всегда была ограничена 12-мильной зоной (территориальными водами).

Таблица 1

Мировое производство и использование продукции рыболовства и аквакультуры, млн т [6]

Производство и использование	2006	2007	2008	2009	2010	2011
ПРОИЗВОДСТВО						
Рыболовство						
Внутренние воды	9,8	10,0	10,2	10,4	11,2	11,5
Морские воды	80,2	80,4	79,5	79,2	77,4	78,9
Итого рыболовство	90,0	90,3	89,7	89,6	88,6	90,4
Аквакультура						
Внутренние воды	31,3	33,4	36,0	38,1	41,7	44,3
Морские воды	16,0	16,6	16,9	17,6	18,1	19,3
Итого аквакультура	47,3	49,9	52,9	55,7	59,9	63,6
Всего	137,3	140,2	142,6	145,3	148,5	154,0
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ						
Потребление человеком	114,3	117,3	119,7	123,6	128,3	130,8
Непищевое использование	23,0	23,0	22,9	21,8	20,2	23,2
Население (млрд чел.)	6,6	6,7	6,7	6,8	6,9	7/0
Предложение рыбы на 1 душу населения (кг)	17,4	17,6	17,8	18,1	18,6	18,8

Продукция рыболовства во внутренних водах, на долю которого приходится 10–12 млн т, составляет около 10–12 % мировой продукции рыболовства, и полученные во внутренних водах уловы остаются важным и незаменимым элементом питания как сельского, так и городского населения во многих частях света, особенно в развивающихся странах.

Однако увеличение уловов во внутренних водах обуславливает антропогенное воздействие на экосистему в виде интродукции видов, загрязнения, фрагментации среды обитания и изменения цикла разлива рек, ведущих к уменьшению устойчивости рыбных запасов и загрязнению приморских акваторий. Поэтому важной является проблема управления промыслами, особенно в водосборных бассейнах крупных озерных и речных систем. Значение этой проблемы велико, учитывая, что за счет прибрежного рыболовства и аквакультуры живут, с учетом иждивенцев, около 520 млн человек, или около 10 % населения планеты.

Мировой океан обеспечивает ведение широкомасштабной экономической деятельности, и необходимость восстановления и сохранения его богатства и продуктивности остро ставит проблему надлежащего управления рыболовством, особенно в плане достижения долгосрочного сбалансированного управления живыми морскими ресурсами.

Однако на этом пути все сложнее становится решать такие проблемы, как:

- проблема сокращения промысловых мощностей. Количественный и качественный рост добывающего флота увеличивает промысловые возможности и обуславливает проблему перелома рыбных ресурсов, что ведет к истощению запасов морских биологических ресурсов во многих частях мира;

- проблема незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла и т.д.;

- проблема прилова и выброса рыбы.

Незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел (и связанная с ним деятельность) обычно считается экологическим преступлением, так как это представляет угрозу для:

- рыбных запасов, особенно высокоценных видов;

- морских сред обитания, включая уязвимые морские экосистемы;

- продовольственной обеспеченности и экономики развивающихся стран.

Проблема прилова и выброса рыбы в том, что она создает серьезные последствия для популяций, трофических сетей и экосистем. Считается, что выброс части промысловых уловов является расточительностью природных ресурсов. По оценкам, прилов может составлять более 20 млн т во всем мире (или 23 % морских уловов).

Решение обозначенных проблем лежит в плоскости социального, экономического и политического измерения, и, следовательно, для реализации мер по их эффективному решению необходимы соответствующим образом подготовленные кадры, хорошо организованные и устойчивые институты, а также финансовая поддержка. К тому же сложной, как показывает практика, является и проблема для международного сообщества – введение соглашений в действие по завершении переговоров.

Морской нефтегазовый комплекс

Развитие научно-технического прогресса резко увеличивает роль Мирового океана как источника пополнения дефицитных видов топлива, в первую очередь нефти и газа. Для освоения морских месторождений нефти и газа формируется, с той или иной степенью сложности, морской нефтегазовый комплекс (МНГК). По структуре МНГК – это технологический комплекс, предназначенный для разведки, добычи и сбора нефти, газа и конденсата из морских месторождений углеводородов, а также для подготовки продукции к дальнейшей транспортировке. Особенностью МНГК является большое разнообразие входящих в его состав сооружений, судов и плавучих технических средств. Например, сооружения для разведки и разработки морского нефтегазового месторождения могут включать в себя: искусственные насыпные острова, дамбы, эстакады, буровые плавучие и стационарные установки, буровые платформы и т.д.

Мировые запасы нефти и газа континентального шельфа в 2010 г. оценивались примерно в 650 млрд баррелей нефтяного эквивалента в соотношении 0,4 : 0,6 соответственно. В целом объемы добычи морской нефти постоянно растут с увеличением и ее доли в общей мировой добыче. Суммарная добыча нефти в 2010 г. на морских шельфах в мире составляла 23,6 млн баррелей/сутки, газа – 2,4 млрд м³/в сутки [7]. Относительные доли участников в мировой добыче морских ресурсов нефти и газа отражены в табл. 2.

Таблица 2

Регионы мира в добыче морских ресурсов нефти и газа, %

Регионы	Нефть	Газ
Средний Восток (Западная Азия)	22	15
Африка	20	11
Европа	17	24
Южная Америка	16	11
Азиатско-Тихоокеанский регион	11	24
Россия и страны СНГ	8	2
Северная Америка	4	8
Азия и Океания	2	5
Итого	100	100

Шельф России составляет более 6 млрд км² (22 % площади шельфа Мирового океана). Его извлекаемые углеводородные ресурсы оцениваются в 98,7 млрд т в пересчете на условное топливо. Из них около 85 % разведанных запасов сосредоточено на шельфе арктической акватории (Баренцево море, Карское море). Континентальный шельф Дальнего Востока содержит около 13 % запасов. Большая часть континентального шельфа России находится в северных и арктических районах. Тем не менее, государственные планы предусматривают к 2030 г. увеличить добычу нефти на шельфе в 5 раз (с текущих 13 млн до 66,2 млн т); добычу газа – в 4 раза (с 57 млрд до 230 млрд м³) [7,8].

Проблемы взаимодействия нефтегазового и рыбопромышленного комплексов на шельфе

Учитывая, что шельф – это места обитания и нерестилища для водных биологических ресурсов, рекреационная зона, морские пути, то неизбежен конфликт интересов между нефтегазодобывающим комплексом и рядом других пользователей океана и, в первую очередь, рыбопромышленным комплексом. Тем не менее, расширение активной деятельности по добыче нефти и газа на шельфе и в глубоководных районах неизбежно, и его следует воспринимать как свершившийся факт.

В этом русле проблема оптимального сочетания различных видов деятельности на конкретных морских акваториях с высокой динамикой происходящих на них процессов является одной из насущных.

В частности, для российского Дальнего Востока изучение указанных проблем достаточно актуально в связи с освоением нефтегазовых ресурсов шельфа о. Сахалин, для разработки которого создано несколько проектов с общим названием «Сахалин» (от «Сахалина-1» до «Сахалина-9»). На нефтяном фоне нельзя оставить без внимания вопросы экологии, ибо шельф Сахалина – это и нерестилища для минтая и других видов рыб, среда обитания морских животных, подходы лососевых на нерест к рекам о. Сахалин, регион активного морского рыболовства.

Как показывает мировой опыт, техногенные воздействия в виде потоков нефтеуглеводородов в морскую среду неизбежно возникают на стадиях бурения, добычи, подготовки и транспортировки продуктов добычи. Ущерб от загрязнения морской среды при освоении морских нефтегазовых месторождений связан, в том числе, и с аварийными разливами нефти, и с ее технологическими потерями.

Нефть, попавшая в морскую среду, оказывает вредное воздействие на рыбную сырьевую базу, водные организмы; тяжелые фракции нефти, осаждаясь на дно, уничтожают нерестилища и кормовую базу рыб. Планктонные водоросли и зоопланктон, составляющие первичную основу биопродуктивности моря, снижают или вообще теряют способность к размножению уже

при незначительном содержании нефтепродуктов в воде, а при концентрациях более 1 мг/л начинается их массовая гибель. Нарушение пищевой цепи ведет к гибели рыбных ресурсов – мощного современного источника решения продовольственной программы для мирового сообщества.

Ущерб при аварийных разливах исчисляется десятками тыс. долл. на 1 т разлитой нефти – ориентировочно 40–100 тыс. долл./т, в зависимости от места аварии, направления отлива-прилива, силы течения, биопродуктивности конкретного участка акватории.

Наиболее яркий пример: катастрофический разлив нефти в Мексиканском заливе в результате аварии на нефтедобывающей платформе «Дипуотер Хорицон» 29 апреля 2010 г. (около 5 млн баррелей из скважины на глубине 1,5 км). Ущерб в сумме 4,5 млрд долл., который согласилась выплатить властям штата компания, – это лишь видимая часть айсберга, так как уже появились признаки воздействия этой аварии на глобальное изменение климата.

Противоречия при освоении морских акваторий не ограничиваются только пересечением интересов сырьевых отраслей, немаловажными являются и проблемы, обусловленные природно-климатическими условиями и, в частности, высокой динамикой происходящих процессов в морских акваториях. Это проблема замедления деструктивных процессов в северных широтах, проблема динамики морских вод (водообмена, переноса в атмосферу и т.д.).

Развитие ресурсной базы – одна из главных целей экономической системы. На ее развитие оказывают влияние не только сложившиеся экономические связи, но и будущие условия развития, а также оценка ресурсов. Проблема освоения океана только набирает ход, однако вторжение в него уже поставило ряд проблем. В первую очередь это задача пополнения балансовых запасов новыми месторождениями минерального сырья. Она заставляет идти дальше на Север. Проблема в том, что, чем дальше на Север, тем больше усугубляются экологические процессы, а это, в свою очередь, все больше будет угнетать биологическую составляющую океана.

Современные подходы к управлению потенциалом приморских районов

В современных условиях планирование добычных работ, в частности, на морском шельфе, должно базироваться на основе совершенно новых производственных и экономических требований. При разработке подходов к оптимальному решению необходимо учитывать проблемы многоцелевого использования морского шельфа с системных позиций, необходимо и разработать единые принципы выработки целевых решений, и предложить единые методы и формы этой работы. Сложность проблемы многоцелевого освоения морского шельфа обуславливается и проблемой выбора критерия – определения правила эффективного способа достижения цели.

В мировой практике выработка согласованных подходов к использованию и сохранению потенциала прибрежных и приморских территорий, балансированию ключевых интересов, функций и механизмов, используемых в управленческом процессе, получила название интегрированного управления прибрежной зоной (ИУПЗ). США стало первым государством, которое внесло проблему освоения прибрежных зон в перечень важнейших национальных приоритетов.

Важной составляющей мировой политики освоения прибрежных зон все больше становится социальная компонента, обусловленная тем, что практически более 50 % населения земли живет в радиусе 100–200 км от береговой морской зоны. Прибрежные экосистемы, помимо участия в решении продовольственной проблемы, являются для населения источником вдохновения, культуры и отдыха, обеспечивающего его благополучие и комфортное состояние.

Соотнесение проблемы освоения Мирового океана и его прибрежных зон с мировым развитием вызывает необходимость консолидации государств, связанных с океанической деятельностью; включения экологической компоненты в национальную морскую политику. В совокупности решение задач в этом направлении и создает фундаментальную основу развития интегрированного подхода к управлению прибрежными зонами. В частности, интеграционные процессы в освоении смежных морских территорий развиваются в направлении согласования национальных систем ИУПЗ, создания «узлов морского развития» и программ регионального сотрудничества [9, 10, 11, 12].

Примером регионального соуправления является известное развитие сотрудничества в северном полярном регионе под эгидой Арктического совета, созданного в 1996 г. восемью странами циркумполярного региона (региона, примыкающему к Северному Ледовитому океану) для содействия сотрудничеству, координации и интеграции государств региона в решении общих проблем устойчивого развития и защиты окружающей среды, а также диалога с международным сообществом. На основе накопленных знаний в рамках совета были сформированы механизмы, способные не только своевременно реагировать на экосистемные изменения, но и предвидеть реакцию экосистем на изменяющиеся условия хозяйственной деятельности в смежных прибрежных зонах.

Положительные результаты сотрудничества в рамках Арктического совета обуславливают важность построения и функционирования морских региональных объединений прибрежных государств, их участие в создании и использовании потенциала морских регионов (в том числе, в открытом море), с учетом интересов всего мирового сообщества. Безусловно, развитие таких интегрированных сообществ должно идти по пути создания интегрированной глобальной системы сотрудничества в области управления потенциалом Мирового океана.

Такой сценарий формирования глобальной морской политики крайне необходим, так как в силу неравномерности экономического развития прибрежных стран, роли океана в решении ресурсных, социальных проблем и т.д. соперничество в нем будет со временем носить более жесткий характер, чем на суше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекин, О. А. Химия океана / О. А. Алекин, Ю. И. Ляхин. – Л. : Гидрометеиздат, 1984. – 344 с.
2. Петров, К. М. Биология океана / К. М. Петров. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. – 242 с.
3. Максаковский, В. П. Географическая картина мира : в 2-х кн. Кн. 1 : Общая картина мира / В. П. Максаковский. – М. : Дрофа, 2004. – 496 с.
4. Турецкий, В. С. Особенности формирования системы хозяйственного развития океана // Экономические проблемы океана : теория и практика. – М. : Наука, 1991. – С. 13–20.
5. Савалей, В. В. Пространственная организация производства в приморских районах // Экономические проблемы океана : теория и практика. – М. : Наука, 1991. – С. 25–34.
6. World review of fisheries and aquaculture. Part 1 : The State of the world Fisher production and aquaculture 2012. – [S.l.] : FAO, [2012]. – 118 p.
7. Филиппов, А. В. Нефть и газ – морское продолжение земной истории [Электронный ресурс] / А. В. Филиппов, О. В. Шершнева. – Режим доступа: http://esco-ecosys.narod.ru/industry/2013_11/art200.html.
8. Мировое загрязнение прибрежных зон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: net-musoru.ru/news_block/155-pribregnie.htm.
9. Cicin-Sain, B. Integrated Coastal and Ocean Management : Concepts and Practices / B. Cicin-Sain, R. Knecht. – Washington D.C. : Island Press, 1998. – 517 p.
10. Sorensen, J. The International Proliferation of Integrated Coastal Zone Management Efforts // Ocean and Coastal Management. – 1993. – Vol. 21, no. 1–2. – P. 3–41.
11. Kullenberg, G. Challenges and Potential Solutions for Achieving Synergies at the Regional Level on Ocean and Coastal Governance // Oceans, Coasts, and Islands. Mobilizing for Implementation of the Commitments Made at the 2002 World Summit on Sustainable Development : Global Conference, UNESCO, Paris, November 12-14, 2003. – Paris, 2003. – P. 25–30.
12. Vallega, A. The Regional Scale of Ocean Governance. Facing the Ecosystem [Electronic resource] // Medcoast 99 – EMECS 99 Joint Conference, Land-Ocean Interactions : Managing Coastal Ecosystems, 9 – 13 November 1999; Antalya, Turkey. – Antalya, 1999. – Access: http://www.medcoast.org.tr/publications/proceedings_99.html.

REFERENCES

1. Alekin O.A., Lyakhin Yu.I. *Khimiia okeana* [Chemistry of the Ocean]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1984. 344 p.
2. Petrov K.M. *Bionomiia okeana* [Bionomics Ocean]. Sanct-Peterburg: Publ. house of St. Petersburg University, 2004. 242 p.
3. Maksakovsky V.P. *Geograficheskaiia kartina mira. Book 1: Obshchaia kartina mira* [Geographical picture of the world: in 2 books. Book 1: General characteristics world]. Moscow: Drofa Publ., 2004. 496 p.
4. Turetskii V.S. Osobennosti formirovaniia sistemy khoziaistvennogo razvitiia okeana [Peculiarities of formation of system of the economic development of the Ocean]. *Ekonomicheskie problemy okeana: teoriia i praktika* [Economic problems of the Ocean: Theory and Practice]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 13–20.
5. Savaley V.V. Prostranstvennaia organizatsiia proizvodstva v primorskikh raionakh [The spatial organization of production in coastal areas]. *Ekonomicheskie problemy okeana: teoriia i praktika* [Economic problems of the Ocean: Theory and Practice]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 25–34.
6. *World review of fisheries and aquaculture. Part 1: The State of the world Fisher production and aquaculture 2012*. [S.l.]: FAO, [2012]. 118 p.
7. Filippov A.V., Shershnev O.V. *Oil and gas – marine continuation of earth's history*. Available at: http://escoecosys.narod.ru/industry/2013_11/art200.html (accessed 20 March 2014).
8. *Mirovoe zagriaznenie pribrezhnykh zon* [World pollution of coastal zones]. Available at: net-musoru.ru/news_block/155-pribregnie.htm (accessed 20 March 2014).
9. Cicin-Sain B., Knecht R. *Integrated Coastal and Ocean Management: Concepts and Practices*. Washington D.C.: Island Press, 1998. 517 p.
10. Sorensen J. The International Proliferation of Integrated Coastal Zone Management Efforts. *Ocean and Coastal Management*, 1993, vol. 21, no. 1–2, pp. 3–41.
11. Kullenberg G. Challenges and Potential Solutions for Achieving Synergies at the Regional Level on Ocean and Coastal Governance. *Oceans, Coasts, and Islands. Mobilizing for Implementation of the Commitments Made at the 2002 World Summit on Sustainable Development: Global Conference, UNESCO, Paris, November 12–14, 2003*. Paris, 2003, pp. 25–30.
12. Vallega A. The Regional Scale of Ocean Governance. Facing the Ecosystem. *Medcoast 99 – EMECS 99 Joint Conference, Land-Ocean Interactions : Managing Coastal Ecosystems, 9–13 November 1999, Antalya, Turkey*. Antalya, 1999. Available at: http://www.medcoast.org.tr/publications/proceedings_99.html. Integrated Coastal and Ocean (accessed 20 March 2014).

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: knyazev@ksrf.ru

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(к 20-летию Конституции России)**

Современное восприятие российского законодательства и отечественной правовой системы попросту невозможны без учёта сформулированных Конституционным Судом правовых позиций. В данной статье автор перечисляет наиболее значимые каналы влияния Конституционного Суда на правовую систему Российской Федерации в целом и укрепление конституционной законности в частности. К таким каналам автор относит: защиту основных прав и свобод человека и гражданина, раскрытие содержания и выявление смысла конституционных принципов взаимоотношений личности, общества и государства, защиту основ конституционного строя, прав и свобод граждан, верховенство Конституции, обеспечение соответствия нормам международного права и международной правоприменительной практике исполнения решений Конституционного Суда.

В заключение автор акцентирует внимание на том, что формирование демократического правового социального государства не является и не может являться уделом какого-либо одного органа или должностного лица. В этом смысле предназначение конституционной юстиции состоит в том, чтобы не допустить отступления от требований Конституции России ни в законодательной деятельности, ни в правоприменении. Реализуя свои полномочия, Конституционный суд не вправе посягать на прерогативы президента, парламента или правительства, навязывая им те или иные варианты законодательных, политических или административных решений.

Конституционный Суд своими решениями фиксирует конституционные пределы этого минимума, выводимые им из содержания Основного Закона, и тем самым задаёт неснижаемые юридические параметры соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, организации и функционирования институтов гражданского общества и правового госу-

дарства. В этом, собственно, и состоит миссия конституционного правосудия, без которой немислимы ни обеспечение подлинного верховенства Конституции, ни утверждение юридического равенства и справедливости, ни сохранение гражданского мира и согласия, ни благополучие и процветание России. То есть всего того, что лежит в основе и определяет смысл современного российского конституционализма.

Ключевые слова: конституция, Конституционный суд, конституционализм, конституционное правосудие.

Sergey D. Knyazev, Doctor of Law, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation, Chair of Constitutional and Administrative Law Department, School of Law, Far Eastern Federal University. E-mail: knyazev@ksrf.ru

CONSTITUTIONAL COURT IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION (To the 20th Anniversary of the Russian Constitution)

Perception of the Russian legislation and legal system is simply impossible without accounting for the legal positions of the Constitutional Court.

The author lists the most significant channels of the court's influence on the Russian legal system, and on the strengthening of constitutional law, in particular. These channels involve protection of fundamental rights and freedoms, defining constitutional principles that regulate the relationship between the citizens, state and society, ensuring the supremacy of the Constitution and its compliance with international law, international jurisprudence, and enforcement of the Court's decisions.

In conclusion, the author emphasizes that the task of forming the rule of a democratic law-governed state cannot be accomplished exclusively by a single state agency or a state official. In this sense, the purpose of the constitutional justice is to prevent deviations from the requirements of the Constitution both in the legislative process and in law enforcement. While exercising its powers, the Constitutional Court has no right to encroach on the prerogatives of the president, parliament or the government by imposing certain variants of legislative, political or administrative decisions.

Considering the law as a minimum ethical standard, the mission of the Constitutional Court is to set the constitutional limits of such standards, based on the provisions of the Constitution, and by doing so to set the minimum legal parameters of compliance and protection of the rights and freedoms, organization and functioning of civil society and the rule of law-governed state.

This is actually the mission of constitutional justice; without it there is no genuine supremacy of the Constitution, no legal equality or justice, no civil

peace and accord, no welfare and prosperity of Russia – everything that forms and defines the meaning of modern Russian constitutionalism.

Keywords: constitution, Constitutional Court, constitutional justice, constitutionalism.

Сегодня, по прошествии 20 лет после принятия Конституции Российской Федерации, в стране накоплен достаточный опыт отправления конституционного правосудия. И, хотя зарождение института отечественного конституционного судопроизводства объективно предшествовало появлению нового Основного Закона, вряд ли кто-то всерьёз усомнится в том, что реальное становление конституционной юстиции в её современном формате базируется на положениях Конституции. С формально-юридической точки зрения, роль и значение Конституционного Суда России и отправляемого им правосудия, конечно же, во многом predeterminedены ст. 125 Конституции. Она закрепила компетенцию Суда, и статьёй Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» характеризует его в качестве судебного органа конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющего судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Из этого следует, что Конституционный Суд РФ занимает эксклюзивное место в общей системе государственных органов, так как только он вправе, обеспечивая судебно-правовую охрану Конституции, фиксировать в своих решениях конституционные параметры соблюдения и защиты прав и свобод граждан, организации и функционирования различных институтов гражданского общества и правового государства и тем самым гарантировать верховенство и прямое действие Конституции на всей территории РФ.

Востребованность российского Конституционного Суда в сложившемся (устоявшемся) политико-правовом общении не вызывает сомнений. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно привести только некоторые цифры, красноречиво свидетельствующие о влиянии конституционного правосудия на формирование наличного правового пространства. Так, по данным Секретариата Конституционного Суда, с 1 января 1995 г. по 1 сентября 2013 г. в Суд поступило 270 664 обращения; по ним принято 368 постановлений и 15 386 определений. Говоря о содержательной стороне деятельности Конституционного Суда, нельзя не отметить, что в его решениях затронут самый широкий спектр вопросов, связанных с конституционным статусом личности, свободой экономической деятельности, суверенным единством российской государственности, организацией публичной власти, федеративным устройством, местным самоуправлением, юридической ответственностью, различными видами судопроизводства. В результате не будет преувеличением утверждать, что актуальное

восприятие российского законодательства и отечественной правовой системы попросту невозможны без учёта сформулированных Конституционным Судом правовых позиций.

Воздействие Конституционного Суда России, являющегося ключевым хранителем Конституции и закреплённых в ней фундаментальных конституционных ценностей [1, с. 179], на развитие государственно-правовых и общественных институтов многогранно и, несомненно, охватывает как законодательную, так и правоприменительную деятельность. Вместе с тем наиболее значимыми каналами его влияния на правовую систему РФ в целом и укрепление конституционной законности в частности представляются следующие.

Первый и, как представляется, самый главный из них связан с защитой основных прав и свобод человека и гражданина. Об этом можно судить хотя бы потому, что подавляющее большинство принимаемых Конституционным Судом решений инициировано конституционными жалобами граждан (их объединений), касающимися практически всего спектра правовых (политических, экономических, трудовых, социальных и др.) отношений. Такое положение является естественным и, по сути, продиктовано конституционным признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью. Именно поэтому, как прямо следует из Конституции РФ, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (ст. 2), вследствие чего они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, обеспечиваются правосудием (ст. 18).

Исходя из этого, «концентрация» усилий Конституционного Суда на правах человека не только согласуется с их приоритетным положением в ряду иных конституционных ценностей, но и ориентирует всю правовую систему на восприятие человека, его жизни и здоровья, чести и достоинства, личной неприкосновенности и безопасности в качестве безальтернативной доминанты государственно-правового развития России. Не случайно, наверное, уже на самых ранних этапах становления современного российского конституционализма С. С. Алексеев указывал, что модернизация правосудия, особенно на уровне высших судебных инстанций, невозможна без кардинального изменения его содержания, предполагающего, что на смену пониманию суда как органа, применяющего законы, должно прийти такое его видение, при котором своё достойное место в отправлении правосудия займут Конституция Российской Федерации и общепризнанные права и свободы человека [2, с. 219]. Созвучно этому и О. Е. Кутафин полагал, что в современном смысле конституционность государства – это прежде всего его связанность правом, а конституция – в первую очередь декларация прав человека и гражданина, гарантированных властью и ограничивающих её осуществление [3, с. 33].

Благодаря «правозащитной» функции конституциональной юстиции происходит неуклонное, пусть порой и кажущееся медленным, утверждение гуманистической сущности российской государственности. В результате не только в профессиональном юридическом сообществе, но и в обыденном сознании постепенно формируются устойчивые представления о том, что без возведения прав и свобод человека в ранг категорического смыслового императива всей государственной деятельности провозглашение Российской Федерации демократическим правовым социальным государством останется не более, чем красивым лозунгом, лишенным какого-либо практического аспекта.

Во-вторых, – раскрытие содержания и выявление смысла конституционных принципов взаимоотношений личности, общества и государства. Очевидно, что исходные начала (принципы) Конституции несут в себе особый потенциал конституционного регулирования, по существу задавая универсальные стандарты конституционного развития. В этом качестве они выступают в роли отправных (базисных) правовых основ российской государственности, без неукоснительного соблюдения которых невозможно рассчитывать на становление подлинно конституционного правопорядка. И здесь важно отметить, что Конституционный Суд опирается при осуществлении судопроизводства не только на принципы, прямо закрепленные в тексте Конституции (такие, как принцип правового и социального государства, принцип народовластия, принцип верховенства Конституции и федеральных законов, принцип разделения властей, принцип самостоятельности местного самоуправления, принцип равенства перед законом и судом и др.), но и, что заслуживает особого внимания, на принципы, выводимые им из анализа взаимосвязанных конституционных положений. Среди последних прежде всего следует упомянуть принцип недопустимости искажения демократической правовой природы российской государственности; принцип уважения достоинства личности как равноправного субъекта во взаимоотношениях с государством; принцип поддержания доверия граждан к закону, правосудию и действиям государства; принцип формальной определенности закона и обеспечения системного и непротиворечивого регулирования общественных отношений; принцип правовой определенности и разумной стабильности правового регулирования. Эти и иные принципы выступают, как правило, в качестве главных общеправовых критериев, используемых Судом при отправлении правосудия и проверке конституционности законов. Их уяснение и последовательное внедрение в законодательный процесс и правоприменительную практику существенно снижают риск принятия неконституционных решений.

Наряду с упомянутыми принципами, имеющими общеправовой масштаб и охватывающими своим воздействием (влиянием) всю правовую действительность, Конституционный Суд также обходит стороной и прин-

ципы, имеющее конституционное значение для отдельных отраслей права, способствуя тем самым их своеобразной «конституционализации». Так, в частности, в решениях Суда можно обнаружить прямое указание на имеющие конституционное значение принципы гражданского законодательства (Постановление от 23 декабря 2003 года № 20-П), конституционные принципы регулирования экономических отношений (Постановление от 22 июня 2009 года № 10-П), основные принципы правового регулирования отношений в сфере окружающей среды и экологической безопасности (Постановление от 14 мая 2009 года № 8-П), принцип надлежащей защиты прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении (Постановление от 15 марта 2005 года № 3-П).

Такой разноплановый подход Конституционного Суда России, нельзя не отметить, позволяет всем законодательным, исполнительным, судебным органам – органам власти – получить целостное и одновременно многомерное представление о ключевых конституционных параметрах (условиях) построения правовой государственности, основанной на приоритете прав и свобод человека и гражданина и, соответственно, иметь возможность сверять свои действия и решения не только и не столько с текстом, но и со смыслом Конституции, концентрированно сфокусированным Судом в принципах конституционного регулирования.

В-третьих, осуществляя защиту основ конституционного строя, прав и свобод граждан и обеспечивая верховенство Конституции, Суд проявляет себя не только как «негативный законодатель» [4, с. 26]. Его решения не сводятся исключительно к дисквалификации законов или иных нормативных актов. Напротив, в последнее время он всё чаще, особенно в тех случаях, когда отступление от требований Конституции обусловлено не самим законом, а его правоприменительной интерпретацией, воздерживается от вердикта о неконституционности нормы, выявляя её конституционно-правовой смысл, который, учитывая юридическое значение решений Конституционного Суда, становится обязательным для всех органов и должностных лиц. Действуя подобным образом, Конституционный Суд фактически признаёт закон условно соответствующим Конституции, обязывая всех следовать определённому варианту его истолкования, любое отступление от которого будет означать нарушение Конституции. Использование таких возможностей позволяет Суду не только не порождать законодательных пробелов, но и не вторгаться – пусть даже в режиме временного правового регулирования – в законотворческие полномочия парламента.

По мнению В. Д. Зорькина, в целом в практике Конституционного Суда сложилась тенденция избегать признания оспоренного законоположения неконституционным, если имеется возможность выявить конституционно-правовой смысл этого законоположения и в его контексте – должное конституционное содержание нормы, исключаящее любое иное истолкование

такого законоположения в правоприменительной практике [5, с. 183]. В силу этого, осуществляя конституционное судопроизводство, Суд не стремится добиваться восстановления нарушенного конституционного порядка посредством обязательной дисквалификации проверяемого закона, а предпочитает всегда – когда для этого нет объективных препятствий – следовать правилу «разумной сдержанности» и избегать его признания неконституционным, очищая интерпретацию оспоренных правовых норм от всего того, что не укладывается в рамки Конституции.

В-четвертых, учитывая то, что Конституция РФ объявляет общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации частью её правовой системы (ст. 15, часть 4), а также специально подчёркивает их значение для признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина (ст. 17, ч. 1), Конституционный Суд, принимая свои решения, не может игнорировать международно-правовые обязательства государства. При этом, по понятным причинам, особое внимание уделяется Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека. Поскольку между Конституцией России и Европейской Конвенцией нет принципиальных расхождений в подходах к соблюдению и защите прав и свобод индивидов и их объединений, Конституционный Суд в своих решениях в качестве дополнительных аргументов, имеющих существенное значение для оценки проверяемых законов, нередко ссылается на положения Конвенции, в том числе в их истолковании Европейским Судом по правам человека.

Более того, в практике отечественного конституционного правосудия с самого начала утвердился подход, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве эталона, сообразуясь с которыми в РФ осуществляются права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией. Основываясь на этом, Конституционный Суд прибегает к международно-правовой аргументации как для дополнительного обоснования своих правовых позиций, так и для разъяснения значения конституционного текста, а также выявления конституционно-правового смысла тех или иных законов [6, с. 485]. Логичным результатом этого процесса является упрочение взаимосвязи и взаимодействия российского и международного (европейского) права, обеспечиваемое Конституционным Судом и получаемое последовательное подтверждение в его многочисленных решениях.

И в этом нет ничего неординарного. Аналогичным образом поступают практически все европейские конституционные суды, что вовсе не свидетельствует об их приверженности юридическому космополитизму, поскольку учёт прецедентной практики Европейского Суда по правам человека не отрицает необходимости её адаптации к национальным политиче-

ским, культурным и иным традициям и особенностям. Как следствие, осуществляемая Конституционным Судом имплементация положений Конвенции в правовую систему Российской Федерации, в том числе в их прочтении Европейским Судом по правам человека, позволяет соотнести правовое развитие России с общеевропейскими стандартами и как таковая не представляет угрозы её суверенитету и конституционной идентичности.

Вместе с тем это не означает, что в отношениях Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) имеют место полная гармония и отсутствие каких-либо разногласий. Нельзя исключить принятие Европейским Судом по правам человека решений, расходящихся с правовыми позициями Конституционного Суда или, более того, прямо противоречащих Конституции России. Наглядным примером тому может служить Постановление от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России». В нём Европейский Суд по правам человека посчитал возможным констатировать, что положения ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, лишаящие активного избирательного права всех граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, в двадцать первом веке вступают в противоречие со ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так как выходят за пределы допустимых ограничений всеобщего избирательного права в демократическом государстве (пункты 108 и 110). Это, по мнению ЕСПЧ, обязывает РФ решить вопрос о возможных формах допуска таких лиц к голосованию на выборах посредством политического процесса либо путём толкования российской Конституции Конституционным Судом, но в обязательной гармонии с Конвенцией, позволяющей избежать какого-либо конфликта между ними (п. 111).

Всё это неминуемо актуализирует вопрос о последствиях и условиях исполнения таких решений и – принимая во внимание высшую юридическую силу Конституции в правовой системе Российской Федерации – диктует настоятельную потребность поиска адекватного механизма защиты суверенной государственности России и верховенства её Конституции, что, в свою очередь, возлагает на Конституционный Суд ответственную задачу выработки принципиального подхода к оценке соответствующих решений ЕСПЧ и поиска адекватных способов преодоления возможных (действительных или мнимых) коллизий конституционных и наднациональных норм и юрисдикций.

В-пятых, отдельного упоминания, безусловно, заслуживает исполнение решений Конституционного Суда, в том числе в контексте обеспечения их должного юридического эффекта. Причём наибольший интерес вызывает реагирование на них со стороны парламента, что вполне объяснимо. Ведь если правоприменительные органы, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды, связаны позициями Конституционного Суда в конкрет-

ных делах, то на Государственной Думе и Совете Федерации лежит ответственность за полноценное восприятие решений Конституционного Суда в законотворческой деятельности. Речь идёт именно о полноценном, а не буквальном восприятии, поскольку последнее далеко не в любых ситуациях в состоянии должным образом ориентировать законодателя на принятие соответствующих мер.

В юридической литературе уже давно отмечалось, что, к сожалению, не все решения Конституционного Суда исполняются, а те, что исполняются, – не всегда в полном объёме [7, с. 53]. И если в настоящее время количество решений Суда, оставшихся по тем или иным причинам без какой-либо реакции законодателя, неуклонно снижается, то проблема сбалансированного и системного внесения изменений в законы и иные нормативные акты, признанные неконституционными, остаётся по-прежнему весьма ощутимой.

Исполняя решения Конституционного Суда, парламентарии, равно как и все другие заинтересованные лица, не должны забывать, что Суд работает, если так можно выразиться, исключительно на «давальческом сырье». Он не только не обладает полномочиями самостоятельно инициировать конституционные проверки законов или иных нормативных актов, но и связан содержанием (предметом) обращений, что лишает его возможности выйти за рамки подвергаемых сомнению законоположений. Вследствие этого решения Конституционного Суда должны восприниматься парламентом под углом зрения не одной лишь резолютивной части, в которой формулируются итоговые выводы Суда о соответствии (или о несоответствии) Конституции проверяемых правовых норм, но и сквозь призму высказанных им в обоснование своих выводов правовых позиций. Иначе велика будет вероятность того, что законодатель, исполняя акты конституционного правосудия, ограничится точечным, а иногда и просто дословным воспроизведением в своих решениях итоговых оценок Конституционного Суда. Однако едва ли в этом случае можно будет говорить о всестороннем учёте доктринально-методологического характера правовых позиций, сформулированных органом конституционного судебного контроля.

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на том, что формирование демократического правового социального государства не является и не может являться уделом какого-либо одного органа или должностного лица. В этом смысле предназначение конституционной юстиции состоит в том, чтобы не допустить отступления от требований Конституции России ни в законодательной деятельности, ни в правоприменении. Реализуя свои полномочия, Конституционный Суд не вправе посягать на прерогативы президента, парламента или правительства, навязывая им те или иные варианты законодательных, политических или административных решений.

Известный немецкий государствовед Г. Еллинек ещё более ста лет назад указывал, что право есть лишь этический минимум [8, с. 48]. Пользуясь допустимым сравнительным примером, можно считать, что Конституционный Суд своими решениями фиксирует конституционные пределы этого минимума, выводимые им из содержания Основного Закона, и тем самым задаёт неснижаемые юридические параметры соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, организации и функционирования институтов гражданского общества и правового государства. В этом, собственно, и состоит миссия конституционного правосудия, без которой немислимы ни обеспечение подлинного верховенства Конституции, ни утверждение юридического равенства и справедливости, ни сохранение гражданского мира и согласия, ни благополучие и процветание России – всё то, что лежит в основе и определяет смысл современного российского конституционализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин, В. Д. Право в условиях глобальных перемен / В. Д. Зорькин. – М. : НОРМА, 2013. – 496 с.
2. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1994. – 220 с.
3. Кутафин, О. Е. Понятие конституционного государства // Современный российский конституционализм : проблемы теории и практики. – М. : [МГЮА], 2008. – С. 5–33.
4. Волкова, Н. С. Правовые позиции Конституционного Суда и парламент / Н. С. Волкова, Т. Я. Хабриева. – М. : НОРМА, 2005. – 176 с.
5. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М. : НОРМА. ИНФРА-М, 2011. – 719 с.
6. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : НОРМА, 2010. – 543 с.
7. Селезнев, Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти / Н. В. Селезнев. – М., 1998. – 60 с.
8. Еллинек, Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания / Г. Еллинек. – М. : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. – 156 с.

REFERENCES

1. Zor'kin V.D. *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [The Law in the Context A Global Change]. Moscow: NORMA Publ., 2013. 496 p.
2. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Legal Theory]. Moscow: BEK Publ., 1994. 220 p.
3. Kutafin O. *Ponyatie konstitutsionnogo gosudarstva. Sovremennyyi rossiiskii konstitutsionalizm : problemy teorii i praktiki* [The Notion of Constitu-

tional State. Modern Constitutionalism in Russia: Issues of Theory and Practice]. Moscow, 2008. Pp. 5–33.

4. Volkova N.S., Khabrieva, T.Ya. *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda i parlament* [Legal Views of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Parliament]. Moscow: NORMA Publ., 2005. 176 p.

5. Zor'kin V.D. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and Legal Development of Russia]. Moscow: NORMA. INFRA-M Publ., 2011. 719 p.

6. Zor'kin V.D. *Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiya* [Contemporary World, Law and Constitution]. Moscow: NORMA Publ., 2010. 543 p.

7. Seleznev N.V. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii v sisteme sudebnoi vlasti* [The constitutional Court of the Russian Federation in the system of judicial power]. Moscow, 1998. 60 p.

8. Ellinek G. *Sotsial'no-eticheskoe znachenie prava, nepravdy i nakazaniya* [Social and Ethical Meaning of Law, Untruth and Punishment]. Moscow: Tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva» [Partnership «The Printing house of S. p. Yakovlev», 1910. 156 p.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Владивосток. E-mail: lawkur@gmail.com

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток. E-mail: nprisekina@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу правового регулирования и определенным практическим вопросам защиты иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Иностранные инвестиции – важный элемент российского экономического развития. При регулировании деятельности иностранных инвесторов российское правительство уделяет особое внимание балансу между потребностями привлечения иностранных инвестиций в народное хозяйство и обеспечением национальных интересов.

Россия ратифицировала около 50 двусторонних договоров с различными странами, как экономически развивающимися, так и развитыми. Термин «инвестиции», как использующийся в уже заключенных международных

договорах, означает любой вид активов, инвестируемый зарубежным инвестором в РФ в соответствии с ее законами и нормативными актами. В порядке общего правила, следующие формы иностранных инвестиций разрешены в России:

1) движимое и недвижимое имущество и связанные с ним права собственности, такие как ипотеки и арендные договоры;

2) акции, доли, облигации и любые другие формы участия в компаниях и предприятиях;

3) денежные требования, которые использовались для создания экономической стоимости или требования выполнения любого обязательства в соответствии с контрактом, имеющим экономическую ценность;

4) права на интеллектуальную собственность и технологии, ноу-хау и goodwill;

5) права на осуществление любой коммерческой деятельности, включая права на разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов, подтвержденные законом или в соответствии с контрактом.

Зарубежному инвестору разрешено осуществление иностранных инвестиций любой вышеуказанной формы с определенными ограничениями, которые впоследствии рассматривают авторы статьи.

Проведен анализ определенных практических вопросов: репатриация дивидендов; форм ведения бизнеса в Российской Федерации зарубежными инвесторами; миграционные вопросы; занятость и разрешения на работу; внешнеэкономическая деятельность; проблема выбора права; антимонопольные правила и защита конкуренции; лицензируемые виды деятельности; недвижимое имущество; налогообложение; судебные процедуры и урегулирование споров.

В заключение авторы заявляют извлеченные уроки: в России возможно заниматься прибыльным и законным бизнесом; Россия заполнила большинство законодательных пробелов, и права и обязательства сторон могут быть точно определены; главное препятствие эффективной правовой системе – нехватка надлежащей и быстрой имплементации принятых нормативных актов правительственными учреждениями и судебной системой; бюрократические формальности остаются препятствием для быстрого делового внедрения, а власти требуют строгого соблюдения требований, которые кажутся незначительными для иностранных руководителей.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, инвестиционный режим, ограничения на иностранные инвестиции, формы ведения бизнеса, судебные процедуры и урегулирование споров.

Vladimir I. Kurilov, S.J.D., LL.D., Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President for International Affairs, Director & Dean School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: lawkur@gmail.com

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: nprisekina@gmail.com

LEGAL REGULATION AND PRACTICAL ISSUES OF PROTECTING FOREIGN INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of legal regulation and certain practical issues of protecting foreign investments in the Russian Federation.

Foreign investment is an essential element of Russia's economic development. While regulating the foreign investment activity, the Russian government strikes a balance between attracting foreign investments into the national economy and securing the national interests.

Russia has ratified approximately 50 BITs with various countries, both economically developing and developed. The term "investment" as used in the already concluded BITs denotes any kind of asset invested in the territory of the RF in accordance with its laws and regulations by a foreign investor. In general, the following forms of foreign investment are allowed in Russia:

- 1) Movable and immovable property and related property rights such as mortgages and leases;
- 2) Shares, stocks, bonds and any other forms of participation in companies and enterprises;
- 3) Claims to money which has been used to create an economic value or claims to any performance under contract having an economic value;
- 4) Intellectual property rights and technology, know-how and goodwill;
- 5) Rights confirmed by law or under contract to undertake any commercial activity, including rights to search for or cultivate, extract or exploit natural resources.

A foreign investor is allowed to perform a foreign investment of any form as stated above, with certain limitations, which are further discussed by the authors of the article.

There are certain practical issues that have been analyzed: repatriation of dividends; forms of doing business in the Russian Federation by foreign investors; migration issues; employment and work permits; foreign trade and commerce; choice of legal right; antitrust rules and protection of competition; licensable activities; real estate; taxation; litigation and dispute resolution.

The authors state in conclusion: it is possible to do business profitably and legally in Russia; Russia has now filled in most of the legislative gaps, and the rights and obligations of parties can usually be accurately determined; the main obstacle to an effective legal system is now created by the lack of proper and speedy implementation by government offices and the judicial system; bureaucratic formalities remain an impediment to speedy business implementation, and the authorities require strict compliance with the requirements that often appear counter intuitive and of minor importance to foreign executives.

Key words: foreign investments, investment regime, limitations on foreign investments, forms of doing business, litigation and dispute resolution.

A foreign investor planning to start business activities in Russia must not only take into consideration political, economic, trade and business related issues but be aware in advance of legal risks existing in Russia with respect to foreign business activities and become knowledgeable of the ways to eliminate or mitigate these risks.

Foreign investment is an important element of Russian economic development. In regulating foreign investment activity, the Russian government strikes a balance between the needs to attract foreign investment into the national economy and to secure national interests.

Russia is gradually undertaking measures to attract foreign investors by concluding and ratifying more bilateral international treaties on promotion and protection of foreign investments (BITs), and by conducting reforms aimed at simplifying certain procedures for running a business in Russia. However, much remains to be done to improve the investment climate in Russia. As of now the RF is only 120th in the World Bank Doing Business ranking; Russia's president has set the goal of reaching 50th by 2015 and entering the top 20 by 2018.

I. FOREIGN INVESTMENT RULES:

General Regulation

Russia has ratified approximately 50 BITs with various countries, both economically developing and developed. The term "investment" as used in the already concluded BITs means any kind of asset invested in the territory of the RF in accordance with its laws and regulations by a foreign investor¹. In general, the following forms of foreign investment are allowed in Russia:

¹Article 2 of the RF Federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation», Article 1 of the Norway-Russia BIT (entered into force on May 21, 1998), Article 1 of the USSR-UK BIT (entered into force on July 3, 1991), e.g.

- 1) Movable and immovable property and related property rights such as mortgages and leases;
- 2) Shares, stocks, bonds and any other forms of participation in companies and enterprises;
- 3) Claims to money which has been used to create an economic value or claims to any performance under contract having an economic value;
- 4) Intellectual property rights and technology, know-how and goodwill;
- 5) Rights confirmed by law or under contract to undertake any commercial activity, including rights to search for or cultivate, extract or exploit natural resources.

A foreign investor is allowed to perform foreign investment of any form as stated above, with certain limitations, which will be considered subsequently.

The following persons are considered to be “foreign investors”:

- 1) any natural person having citizenship of a foreign state in accordance with its laws;
- 2) any legal entity, including a corporation, company, firm, enterprise or association incorporated or constituted in the territory of a foreign state in accordance with its laws;
- 3) an international organization, person without citizenship, foreign organization without the status of a legal entity, or foreign state¹.

The most widespread forms of making direct foreign investment in Russia are:

1. Acquisition by a foreign investor of not less than a 10% share (stocks) in the charter capital of a commercial organization already established or being newly established in the territory of Russia².
2. Accreditation (establishment) of a branch office of a foreign company³.

It should be noted that recently the incorporation of joint ventures with two co-founders, Russian and foreign or just foreign, has become a widespread form of foreign investment activity in the sphere of automobile production in the Russian market. For example, a 50:50 joint venture was recently incorporated for production of Toyota vehicles by Mitsui & Co., Ltd. and Sollers, OJSC, one of the Russian leaders in automobile assembly, and a 30:70 joint venture was incorporated by two foreign investors, PSA Peugeot Citroën and Mitsubishi Motors Corporation, for production of Peugeot and Citroën automobiles.

¹ Article 2 of the RF Federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation», Article 1 of the Norway-Russia BIT (entered into force on May 21, 1998), Article 1 of the USSR-UK BIT (entered into force on July 3, 1991), e.g.

² Acquisition of less than a 10% share is not considered as direct foreign investment since it is deemed that smaller share would not actually provide the possibility to the shareholder to participate in the company management, would not give any control over the company activity (however, 10% is a nominal number, and not always in practice one will be able to participate in the company management having 10% share).

³ Article 2 of the RF Federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation».

Investment Regime and Guarantees for Foreign Investment

Russian legislation provides for a national legal regime for activity of foreign investors and use of profit received as a result of investment activity. It stipulates that the legal rules applicable to foreign investment cannot be less favorable than the legal regime provided for Russian investors, however, except for certain specific features established directly by federal laws¹.

Limitations on foreign investment activity may be established only by federal legislation and only to the extent necessary for protection of the foundations of the constitutional order, moral, welfare, health, rights and interests of other persons, and maintenance of national defense and state security. Exceptions to stimulate investment in the form of benefits for foreign investors may be established to further national social and economic development.

Foreign investors and commercial organizations containing foreign investment are provided with legal protection, guarantees and benefits established by Russian laws and regulations and international treaties to which the RF is a party. Pursuant to the federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation», a Russian commercial organization receives the status of a commercial organization with foreign investments from the day a foreign investor becomes a shareholder of this organization². It loses such status when the foreign investor ceases its membership in the company, or if there are several foreign investor shareholders, when all the foreign investors cease their membership. At that time the organization loses the respective legal protection, guarantees and benefits.

The RF provides many of the foreign investment guarantees known worldwide, in particular.

1. Guarantee of use of various forms of making investments in Russia.

A foreign investor is allowed to perform investment activity in any form in the territory of the RF as considered above.

2. Stabilization clause (guarantee against unfavorable changes in RF legislation).

This guarantee provides that foreign investors will enjoy the same regime in the currency control, tax, and customs regulation spheres that existed at the moment of investment commencement. New legislation or amended legislation that establishes a system of restrictions and limitations for entrepreneurial activity of foreign investors or increases the overall tax burden for activity of foreign investors in comparison with the restrictions and limitations and overall tax burden effective as of the date of commencement of the investment project financing does not apply during the payback period of the investment project (but not to exceed seven years).

¹ Item 1 of Article 4 of the RF Federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation».

² Item 6 of Article 4 of the named Federal law.

However, the legislation contains certain limits for application of the stabilization clause. This guarantee applies only to:

1) A commercial organization with foreign investments if the foreign investment share in the charter capital exceed 25%;

2) A commercial organization with foreign investments that implements a priority investment project. Priority investment projects are those whose cumulative volume amounts to not less than 1 bln rubles or the minimal share of foreign investors in which amounts to not less than 100 mln rubles and which are listed by the RF Government.

Also, this guarantee does not apply in certain spheres, including VAT on goods produced in Russia, excise duties and payments to the RF Pension Fund.

3. *Guarantee for securing due settlement of an investment dispute.*

4. *Guarantee of use within and transfer outside of income, profit and other legally received amounts.*

This guarantee includes the right of unrestricted use of income and profit received as a result of investment activity in Russia for reinvestment or transfer outside the territory of Russia (after payment of respective taxes), including

1) income in the form of profit, dividends, interest and other compensation;

2) amounts of money received as a result of liquidation of a commercial organization with foreign investment or a foreign company branch office, also with regard to disposal of invested assets;

3) compensation for requisition or nationalization.

5. *Guarantee entitling a foreign investor to possess land parcels, natural resources, facilities and other immovable property.* There are certain restrictions established for foreigners in the sphere of land use which will be considered later on.

6. *Guarantee of compensation in the case of nationalization or requisition of property of a foreign investor or commercial organization with foreign investments.*

In the case of requisition a foreign investor or commercial organization with foreign investment is entitled to receive a respective compensation in the amount of the value of the confiscated assets. After the circumstances that caused requisition cease the foreign investor or commercial organization with foreign investment may seek in court the return of the confiscated assets, but must pay back the amount of received compensation adjusted for any decrease in the value of the assets.

In the case of nationalization of assets the state must compensate the value of the nationalized assets and related losses.

Limitations on Foreign Investment

General restrictions applicable to Russian investors also apply to foreign investment. For example, foreign investors are obliged to comply with the RF antimonopoly legislation and not be engaged in unfair competition and restrictive

business practices, the same as Russian investors. Article 18 of the federal law «On Foreign Investment in the Russian Federation», underlines that it is prohibited to create a commercial organization with foreign investment or foreign company branch office for production of goods that are in great demand and then to liquidate it for market promotion of analogous goods of foreign origin.

As regards special limitations, there are a number of spheres of activity that have strategic meaning for Russia and where activity of foreign investors is strictly controlled by the Government. The access of foreign investors to strategic spheres was limited several years ago, even though many of those spheres are of high interest to foreign investors. The list was established by Federal Law No. 57-FZ, «On the Procedure of Making Foreign Investment into a Business Entity Having Strategic Meaning for Maintenance of National Defense and State Security», dated April 29, 2008. It includes the following types of activity:

- 1) Performance of work relating to active influence on hydrometeorological and geophysical processes and phenomena;
- 2) Design and production of equipment for nuclear facilities and nuclear waste repositories;
- 3) Development, production, repair, disposal, and trade of weapons and military equipment;
- 4) Spaceactivity;
- 5) Television broadcasting and radio broadcasting in territory where more than half of the population of an RF territorial subdivision lives;
- 6) Harvesting of aquatic biological resources;
- 7) Geological study of the subsurface area and exploration and production of mineral resources¹.

Agreements that lead to control by a foreign investor or group of persons over business entities that have strategic meaning is subject to prior approval of authorized state bodies. A business entity that has strategic meaning is a business entity that is incorporated under the laws of the RF and conducts at least one of the types of activity that have strategic meaning for the state. Approvals for a defined term are formalized by the RF Federal Antimonopoly Service (FAS) upon consultation with the Governmental Commission for Control over Foreign Investment in the Russian Federation and the Ministry of Defense and Federal Security Service of the RF. Before amendments that entered into force in December 2011 control of a foreign investor could own not more than 10% of the total votes corresponding to shares (stocks) in the charter capital of such strategic business entities. However, in December 2011 the requirements became less strict for foreign investors: the rate changed from 10% to 25%.

¹ Article 6 of the RF Federal law «On the Procedure of Making Foreign Investment into a Business Entity Having Strategic Meaning for Maintenance of National Defense and State Security».

Also as a result of the amendments that came into force in December 2011 the requirements and procedures for obtaining the approval of the FAS became less strict. For example, the rules on receiving approval under the federal law "On the Procedure of Making Foreign Investment into a Business Entity Having Strategic Meaning for Maintenance of National Defense and State Security" do not apply to international financial organizations which were established with Russian participation or with which Russia has concluded international agreements, such as the International Bank for Reconstruction and Development, European Bank for Reconstruction and Development, and Multilateral Investment Guarantee Agency, among others.

Special rules apply to the exploration and production of mineral resources. A good example is local content requirements in mineral resource exploration and production, under which a foreign investor has to use a certain volume of local resources in the course of its activities. Thus, both Sakhalin Energy Investment Company (SEIC) and Exxon Neftegas Limited (ENL) are obligated under their production sharing agreements (PSAs) with the Russian Government to use at least 70% Russian materials and services (Russian content) in the construction and operation of their projects¹. In many cases both SEIC and ENL are requiring contractors to meet the Russian content requirement as a condition for qualifying to bid on projects.

Currently there is no requirement to disclose to Russian authorities the ultimate beneficial ownership of shareholders in foreign companies that invest in Russia. But concerns over taxation, currency regulation, money laundering and anti-corruption enforcement are increasing the likelihood that legislation requiring disclosure will be enacted.

II. REPATRIATION OF DIVIDENDS

The payment of dividends by a Russian company to a foreign shareholder is subject to tax on the amount of the dividend. The Russian company is required to act as withholding agent to calculate, deduct from the dividend, and pay the tax to Russian authorities. Pursuant the RF Tax Code, the general rate of tax on dividends is 15%.

Russian tax legislation allows lower dividend tax rates to be applied pursuant to double taxation treaties to which the RF is a party. The RF has concluded such treaties with a number of countries. The rates and conditions vary from treaty to treaty. The treaty between the RF and the Republic of Cyprus allows either a 5% or a 10% tax rate to be applied depending on the amount invested by shareholders who are legal entities registered under the laws of Cyprus in the

¹ There are slight differences in the definition of Russian content in the two PSAs; however, the differences are not material as far as the obligations of contractors to meet Russian content requirements are concerned.

charter capital of the Russian company paying dividends (5% if the investment is less than 100,000 euros and 10% if greater¹).

In order to enjoy the lower rate the foreign investor (foreign legal entity or individual) that receives dividends from a Russian company must provide the Russian company with confirmation that the foreign investor is permanently located in the state that has the treaty with Russia. This confirmation must be certified by an authorized body of the respective foreign state and legalized or apostilled. A notarized translation into Russian should be performed as well.

Where a foreign company has established a branch office in Russia, transfer of funds by the branch to the parent company is not considered to be payment of dividends and is exempt from the tax on dividends. However, the branch is subject to payment of profit tax in Russia (the general rate is 20%) after payment of which the branch office may repatriate profit to the parent company.

III. MIGRATION RULES

General rules

Russia is on the second place worldwide in number of immigrants. Under such conditions it is obvious that immigration is considered a key issue demanding special attention from state authorities and thorough legal regulation.

During the last few years the migration legislation of the RF has undergone substantial changes. The concept of highly qualified foreign specialists was introduced and the rules for immigration registration of foreign citizens were overhauled.

However, despite all the measures taken by the government many major migration problems still remain unsolved. One example is the procedure of quota assignment for foreign labor, which has not yet been appropriately regulated.

Major regulatory acts in the sphere of migration are Federal Law No. 114-FZ, «On the Procedure for Entry to the Russian Federation and Departure from the Russian Federation», dated August 15, 1996; Federal Law No. 115-FZ, «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation», dated July 25, 2002; Federal Law No. 109-FZ, «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation», dated July 18, 2006; and other regulatory acts adopted in pursuance of the said federal laws.

Among the most important migration regulations applied in the RF are the following:

- visa entry of foreign citizens and stateless persons to the territory of the RF²;

¹ Item 2 of Article 10 of the Double Taxation Treaty between the Russian Federation and the Republic of Cyprus dated December 5, 1998.

² This regulation is of general character, though there are some exceptions; e.g., citizens of other CIS countries can enter the RF visa-free on the basis of personal identification documents recognized as such in the RF.

- migration registration of foreign citizens and stateless persons;
- the administrative procedure for employment of foreign labor;
- the administrative procedure for labor activity.

Types of visas and entry requirements

Depending on the rules regulating the procedure of entry to the RF all foreign citizens can be conventionally divided into two categories: «visa», i.e., those required a visa to enter the RF, and «visa-free», i.e., those not required a visa to enter the RF (a visa-free system is currently in force for citizens of Moldova, Ukraine, Belarus, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, Uzbekistan, and Armenia).

In compliance with the general regulations foreign citizens and stateless persons can enter and leave the RF subject to presentation of a visa on the basis of valid personal identification documents recognized as such in the RF unless otherwise provided by federal law, international treaties of the RF or decrees of the president of the RF.

An invitation issued by an authorized federal executive body or its territorial divisions is most frequently used as the ground for issuing a visa for a foreign citizen¹. An invitation to enter the RF can be issued on application of:

- federal government authorities;
- local government authorities;
- diplomatic representations and consular institutions of foreign states in the RF;
- international organizations and their representative offices in the RF;
- representative offices of foreign states under international organizations located in the RF;
- Russian legal entities;
- citizens of the RF and foreign citizens permanently residing in the RF;
- branch offices of foreign legal entities²;
- foreign citizens who are highly qualified specialists³.

Depending on the purpose of entry to and stay in the RF several types of visas are distinguished: diplomatic, service, ordinary, transit and temporary resi-

¹ However, a bilateral agreement between Russia and a foreign country may waive an invitation requirement. For example, a recent agreement between Russia and the U.S., which took force as of September 9, 2012, provides that Russian and U.S. citizens visiting U.S. and Russian respectively for business and tourist purposes do not generally require a visa invitation.

² It should be noted that branch offices of foreign legal entities can apply for invitations only in cases where foreign citizens are invited for labour activities within the territory of the RF.

³ Foreign citizens who are highly qualified specialists have the right to apply for invitations for their family members (Article 25 of Federal Law No. 114-FZ, «On the Procedure for Entry to the Russian Federation and Departure from the Russian Federation», dated August 15, 1996).

dence. Ordinary visas are divided into private (guest, visitor's, or homestay), business, tourist, student, work, and humanitarian and refugee visas.

Visas can be single entry (granting a foreign citizen a right to cross the state border of the RF once upon entry and once upon departure), double entry (granting a foreign citizen the right to enter the RF twice) and multi-entry (for multiple entries).

Transit visas in cases established by the law can be granted to a foreign citizen for a period not exceeding ten days for the purpose of travel within the RF in transit.

Russian authorities may prohibit foreign citizens from entering the territory of the country. Grounds for such prohibitions can be maintenance of national security of the RF, breach of the regulations for execution of documents necessary for visa granting (use of forged documents or false representation regarding personal data or the purpose of stay in the RF), or breach of Russian legislation by foreign citizens during their visits to the RF (an outstanding or unexpunged conviction, commission of an administrative offense, failure to pay a tax or fine), as well as some others.

Employment and work permits

The Russian Labor Code expressly provides that its terms apply to labor issues involving foreign persons and foreign legal entities. The labor relationship of a non-Russian citizen employed by a foreign company to provide services in Russia will be governed by the Russian Labor Code. The key to the applicability of the Code is the place of employment. If the employee is rendering services in Russia, the Code is applicable. Other provisions of the Code make unenforceable any employment agreement provisions that contradict obligatory provisions established by the Code, including any agreement that attempts to make the law of another jurisdiction applicable to the employment relationship. Companies who use foreign employees for services in Russia must understand that their expatriot employees, even though hired under contracts governed by the law of their home jurisdiction, are entitled to all the pro-employee benefits provided by the Russian Labor Code.

For labor activity within the territory of the RF foreign citizens as well as their employers are obliged to perform a number of actions provided by the legislation. These requirements differ depending on the category of foreign citizens in each case (visa or visa-free).

Among the general requirements applicable to both categories of foreign citizens are:

- the necessity to obtain individual work permits for labor activity of foreign employees within the territory of the RF;
- the necessity to inform authorized state institutions on the employment of foreign citizens;

- the necessity for the foreign citizen to perform labor activity only in the territorial subject(s) of the RF indicated in the individual work permit unless otherwise provided by the law.

The procedure for employment of foreign citizens from countries of the visa system is more complicated and consists of several stages.

The framework for employment of visa foreign citizens is the system of quota assignment. Under this system employers must inform regional government authorities of the need for foreign labor to fill vacant positions within a specified time period. The regional government officials determine the need for foreign labor at local levels and send their requests to federal authorities, who take the final decision on the distribution of quotas for individual work permits and associated invitations to enter the RF.

As an alternative to the procedure of quota assignment employers can use the annually approved list of professions (positions) of foreign citizens to which quotas are not applicable. However, this list contains a rather small number of professions and therefore is unlikely to solve all employer problems in this area.

Once having received their quota assignments, employers are in a position to obtain a permit to recruit and employ foreign labor. For this purpose the employer must submit a set of required documents to the territorial subdivision of the Russian Federal Migration Service. After obtaining the permit to recruit and employ foreign labor the employer must obtain individual work permits for each foreign employee. The final step is to organize their entry to the RF by obtaining official invitations that will be used by the foreign employees to apply for a work visa.

The procedure for employment of visa-free foreign citizens is less complicated.

Visa-free foreign citizens do not require an employer to obtain a permit to recruit and employ foreign labor.

In order to obtain individual work permits, visa-free foreign citizens may themselves apply directly to the territorial subdivision of the Russian Federal Migration Service.

Highly qualified specialists

One of the recent important changes in the migration legislation was the introduction of the concept of highly qualified specialists (HQSs). HQS is a foreign citizen having job experience, skills or achievements in a certain professional sphere and at a level of remuneration of at least 2 000 000 rubles (approximately \$65,000) a year.

As compared to the general procedures the main advantages of HQS employment are:

- the quota for invitations to enter the RF to perform labor activity and the quota for work permits are not applicable to HQSs and their family members;

- employers evaluate the competence and qualification of foreign citizens they wish to employ as HQSs on their own (there is no separate official review);
- it is not necessary to obtain a federal permit for recruiting and employment of foreign employees;
- a work permit for an HQS can be issued for a period of up to three years (an ordinary work permit is issued for a maximum period of one year);
- HQSs can obtain permanent residence permits for themselves and family members according to a simplified procedure;
- the personal income tax rate for HQSs is 13% from the very beginning of their labor activity (for foreign employees not having the status of HQSs, the rate depends on the number of days in a year spent in the RF: if less than 183, the rate is 30%, and if more than 183, 13%).

IV. COMPANIES AND CORPORATE GOVERNANCE

Forms of doing business

There are two major types of entrepreneurial activities possible in the RF: an individual entrepreneurial business, when a physical person acts as an entrepreneur, and business activity through formation of a legal entity. There are several types of commercial legal entities in Russia, but the most frequently encountered are the limited liability company and the joint stock company. The RF Civil Code also provides for other commercial entities, such as full partnerships, trust partnerships and companies with additional liability, but these are rarely encountered in practice. With regard to foreign investment in Russian commercial activities, in addition to incorporating a resident company, it is also possible to do business in Russia by opening a branch office of a foreign legal entity.

Limited liability company

This type of legal entity is the most popular in Russia due to the simplified procedure for its incorporation compared to incorporation of a joint stock company. Limited liability companies do not issue share certificates; division of the charter capital into shares is registered only in the Unified State Register of Legal Entities, maintained by the Federal Tax Service of Russia.

In Russia, shareholders of a limited liability company are called *participants*. A participant's liability for obligations of the company is limited by the amount of his share. The participants in a limited liability company are visible to any third person, as up-to-date information on them is contained in the Unified State Register of Legal Entities.

Limited liability companies may have up to 50 participants, whether natural or legal persons. Also, a limited liability company may not have as its sole participant another legal entity that itself has only one participant or shareholder.

A charter of a limited liability company may contain a prohibition for participants to sell their shares to third parties. This mechanism is designed to protect the legal entity from unfriendly acquisition.

The minimum charter capital of a limited liability company is 10,000 rubles (approximately 200 GBP). If the amount of net assets of the company by the end of a fiscal year falls below this amount, the company should be liquidated.

Joint stock company

This type of legal entity is used for the purposes of running a medium-sized to large business. There are both closed joint stock companies and open joint stock companies in Russia. The number of shareholders in a closed joint stock company may not exceed 50, but for open joint stock companies the number of shareholders is unlimited. Closed joint stock companies are not allowed to distribute their shares to third parties; the shares may be distributed only among a defined group of persons or entities. Open joint stock companies may sell shares to anyone.

Joint stock companies issue share certificates and the emission of shares is subject to state registration. The state body authorized to register shares is the Federal Financial Markets Service.

A joint stock company is required to maintain a registry of shareholders. A company having 50 or fewer shareholders may maintain the registry itself; however, if the number of shareholders is above 50, the registry must be maintained by a professional registrar. The registry of shareholders is not a public document, so the names of shareholders of a joint stock company are not visible to third parties.

An open joint stock company has an obligation to publicly disclose some of its information, such as its annual report, annual accounting report, and prospectus, as well as to publish notice of the upcoming general meetings of shareholders.

The minimum charter capital of a closed joint stock company is also 10,000 rubles (approximately 200 GBP), and that of an open joint stock company, 100,000 rubles (approximately 2,000 GBP).

Branch office of a foreign company

A branch office in Russia is a specific form of separate subdivision of a legal entity which is entitled to perform all of the functions of a legal entity, including actual performance of entrepreneurial activity¹. A branch office of a foreign company is subject to a procedure of accreditation, performed by the State Registration Chamber in Moscow. In addition to being accredited, the branch office must be registered at the place of its location by the local tax department and the

¹ This defines the difference between a branch office and a representative office. A representative office is not allowed to perform entrepreneurial activity and its functions are limited to representation of a legal entity.

state funds, including the Social Insurance, Medical Insurance and Pension Funds. Business activity of the foreign company performed through its branch office in Russia is, as a rule, subject to taxation in Russia.

Incorporation of an entity

Incorporation of a legal entity in Russia is a relatively simple process.

The procedures for incorporating limited liability companies and joint stock companies are similar; the chief difference is the requirement for joint stock companies to register the issuance of share certificates, which does not apply to limited liability companies. The state body responsible for registering individual entrepreneurs, limited liability companies and joint stock companies is the RF Federal Tax Service, with incorporation taking place at the local Federal Tax Service office at the place where the company is located. The Unified State Register of Legal Entities is a public record and all registered information is open for examination by third parties, except for passport data of physical persons and information on the bank accounts of a legal entity or an individual entrepreneur. Information is provided upon written request and payment of a state fee of 200 rubles, or 400 for an expedited response (approximately 4-8 GBP). A company's registered office is generally the place where the main executive body is located.

The first step in registering a company is adoption of a joint resolution by the founders, which is executed in the form of minutes of the founding meeting (or a decision of the sole founder, where the company has only one founder). The founders also draft a charter (bylaws) and execute a foundation agreement (if there are several founders). The foundation agreement is not a founding document; it is simply considered to be an internal document of the company, which should be kept in the company's files.

The founders are free to choose any company name they desire, but use of the words 'Russia' and 'Russian Federation' and derivative phrases is restricted. This requirement is established by a newly adopted Part IV of the Russian Civil Code and came into legal force in 2008. According to this new requirement the use of the word 'Russia' and derivatives may be allowed only by individual permission of the Government and if more than 75% of equity of the company is owned by the federal government.

According to current legislation no declaration of foreign investment is required where the company is established by foreign founders. However, in some cases involving "strategic" industries preliminary approvals will be required. Also, where the company has a foreign founder, no foreign tax number or special tax registration is required under the general registration procedures.

At least 50% of the charter capital of a limited liability company or a joint stock company must be paid by shareholders or participants prior to registration. Charter capital can be formed either by money or by property (in kind contributions). Where the amount of charter capital formed by property exceeds 20,000

rubles (approximately 400 GBP), the property must be appraised by a professional appraiser.

Foreign citizens may occupy administrative positions in a company without limitation, but they must hold a work permit or other document that entitles them to work in Russia. The company must also obtain separate permission to employ foreigners in such a case.

Shareholders Agreements

In Russia, conclusion of Shareholders Agreements between shareholders of a Joint Stock Company or participants of a Limited Liability Company, is not a very widespread practice, though it is still often encountered in practice, especially, among the companies with foreign investment, where shareholders are fully or partially represented by foreign legal entities.

Russian legislation does not prohibit the use of Shareholders Agreements, unless the terms of the agreement contradict imperative provision of Russian company laws and provisions of the company charter. In certain cases, the law expressly allows using such agreements.

For example, article 32.1. of the RF Law «On Joint Stock Companies» provides that the shareholders of a Joint Stock Company may conclude an agreement which would determine the order for execution of their shareholders' rights, e.g., voting in a certain way at the meeting of shareholders, agreeing in advance with other shareholders as to voting, refraining from sale of the shares in certain circumstances. The list of situations which may be regulated by a shareholders agreement is not limited, so the parties are free to agree on various subjects, unless they contradict the imperative provisions of Russian company laws.

Similarly, article 9 of the RF Law «On Limited Liability Companies» allows the participants of a Limited Liability Company to conclude an agreement for execution of rights of participants of the company. It may be concluded in the same cases as a shareholders agreement of the shareholders of a Joint Stock Company.

V. TRADE AND COMMERCE

Conclusion of a foreign trade contract

An international trade contract between Russian and non-Russian parties requires close attention to the Russian requirements regarding the form of the contract. Failure to comply with those requirements can affect not only performance of the terms but possibly also the validity of the transaction.

This is in contrast to current international legislation that does not establish mandatory requirements on the form of foreign trade transactions. In accordance with Article 11 of the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG), dated 1980, a contract of sale and purchase is not required to be

executed in writing or in compliance with any other requirements concerning its form. It can be evidenced by any means, including witness statements.

However, Russian legislation is committed to another approach. Consequently, the CISG contains a reservation that Article 11 is not applicable in Russia. The general procedure established by Item 1 Article 161 of the RCC, requires that transactions of legal entities between themselves and individuals are to be made in written form.

Russian legislation contains a special regulation with regard to foreign trade transactions. Item 2 Article 1209 of the RCC establishes that the *form* of a foreign trade transaction in which at least one party is a Russian legal entity shall be governed by Russian law, irrespective of the place where the transaction was concluded. This rule is applicable also in cases where at least one of the parties to such a transaction is a natural person pursuing entrepreneurial activities whose personal law is Russian law.

Under Russian law a foreign trade transaction can be closed in several ways:

- by compiling a single document signed by the persons who are effecting the transaction or by persons duly authorized by them to do so¹;
- through the exchange of documents by mail, telegraph, teletype, or telephone or by electronic or any other means of communication which makes it possible to establish with certainty that a document comes from a party to the contract²;
- through performance by a person who has received an offer of actions required to comply with the terms of the contract indicated in the offer, for example by the dispatch of commodities, the rendering of services, the performance of work, or the payment of a corresponding amount of money³.

Choice of law

Russian civil legislation allows the parties to choose the law which shall be applicable to their rights and liabilities both for the entire contract and for its parts. This choice can be made either upon execution of the contract or later. A selection of applicable law made by parties after the conclusion of a contract has retroactive effect and it shall be deemed valid, without prejudice for the rights of third parties, beginning from the time when the contract was concluded⁴.

Item 2 Article 1210 of the RCC establishes that the agreement of parties as to the selection of applicable law shall be expressly stated or shall clearly arise from the terms and conditions of the contract or from the circumstances of the case.

¹ Item 1 Article 160 of the RCC.

² Item 2 Article 434 of the RCC.

³ Item 3 Article 434 of the RCC, Item 3 Article 438 of the RCC.

⁴ Item 3 Article 1210 of the RCC.

If there is no agreement as to the selection of the applicable law the contract is regulated by the law of the country with which the contract is most directly connected. This means the law of the country where the party responsible for the major part of the contract performance (e.g., the seller in a contract of sale and purchase, lessor in a lease contract, or agent in a contract of agency) has its residence or main place of operation.

VI. ANTITRUST AND PROTECTION OF COMPETITION

In the RF there are a number of laws and subordinate acts regulating protection of competition and antitrust issues, the major such federal law being «On Protection of Competition», adopted in 2006. In addition to this law, antitrust regulations are also established in laws regulating specific spheres, such as banking activity, government contracts, trade activity and others. Liability for infringement of antitrust rules is established by the RF Code on Administrative Offenses and the Criminal Code. The major controlling authority in the sphere of antitrust and protection of competition is the Federal Antimonopoly Service (FAS).

General Rules

The RF federal law «On Protection of Competition» establishes general rules for prevention of creation of monopolies and unfair competition, as well as establishment of conditions of unfair competition by state or municipal authorities in Russia.

The law prohibits excessive use of a dominant position by any business unit which has such a position. A dominant position is defined by this law as a market situation in which one business unit (or a group of such units) can influence the market rules, including by preventing entry of other entities to the market. The legal criterion for determining that the market position of a business unit is dominant is the market share of the unit. When the market share exceeds 50%, then the position is considered dominant. However, this is not always the case because in some situations the state controlling authorities may determine that even though the market share of an entity exceeds 50%, it cannot substantially influence the market competition. Vice versa, a business entity having a market share less than 50% may be still considered as having a dominant position because of certain peculiarities of a certain market.

Excessive use of the dominant position by a business unit may have the form of

- establishment of a monopolistically high or low price of goods;
- withdrawal of goods from circulation if in such a case the market price of such goods rises;
- touting of disadvantageous contract rules to customers;
- economically unreasonable reduction or termination of production of goods which are in demand;

- economically unreasonable refusal to conclude contracts with customers;
- establishment of unreasonably different prices or tariffs on the same types of goods;
- establishment of unreasonably high or low prices for financial services by financial organizations;
- creation of discriminative conditions;
- creation of obstacles to other participants of trade markets;
- violation of price formation rules if such rules are established by laws;
- manipulation of prices in the sphere of sale of electric power.

The law also prohibits agreements between business units, as well as performance of some joint actions by such business units, that create limitations for fair competition, in particular, if such agreements lead to

- establishment or maintenance of certain level of prices or tariffs;
- increase or decrease in prices at auctions;
- division of a market by territory, assortment or otherwise;
- reduction or termination of production of goods;
- refusal to conclude agreements with certain customers.

The above agreements and joint actions of market players may, however, be allowed, in two cases: where such agreements or actions lead to an improvement in production of goods or increase in marketability of goods manufactured in Russia, and where customers shall obtain benefits in the case of such agreements or actions which would be comparable to the benefits which the market players shall obtain.

An important objective of the FAS is state control of economic concentration. Creation and mergers and acquisitions of business entities matching certain criteria, as well as certain transactions between business entities, are subject to either approval by or notification of the FAS.

FAS has the right to review and consider notices of infringement of protection of competition laws, which may be submitted by any entity, individual or other state authority. If the received information contains features of a violation of protection of competition laws FAS may initiate an administrative proceeding. In the course of such a proceeding FAS has a right to perform inspections and issue obligatory orders on termination of the relevant violation. Such orders may be appealed in court. Liability for infringement of antitrust and protection of competition laws is established by the Code on Administrative Offenses and the Criminal Code.

Administrative offenses in this sphere include:

- limitation of competition by state or municipal authorities;
- excessive use of a dominant position within a certain market by a business entity;
- conclusion of agreements limiting competition;
- unfair competition.

RF Criminal Code imposes criminal liability for limitation of competition in a case where it leads to substantial or very substantial damages to the state, business entities or individuals. Substantial damages are damages exceeding one mln rubles (approximately GBP 20,000) and very substantial damages exceed three mln rubles (approximately GBP 60,000). The highest sanction for this criminal offense which may be imposed on an individual is seven years of imprisonment.

VII. LICENSABLE ACTIVITIES

General overview

Licensing of certain types of activities in Russia related to protection of information, machinery and military industry, operation of dangerous industrial objects, fire protection, pharmaceutical and medical activity, transportation and other specified areas is regulated by RF Federal Law No. 99-FZ, «On Licensing of Separate Types of Activities», dated May 4, 2011; however, this is not the only law applicable to licensing of various activities. There are also separate laws and regulations which govern in more detail the licensing of use of atomic energy, turnover of ethyl spirit and alcohol products, protection of state secrets, credit organizations, stock exchange trading and some other activities.

In Russia each type of licensable activity requires a separate license. A license is valid throughout the entire territory of the RF. There are some exceptions, and the use of a license in a region other than the one in which it was granted requires notification to the licensing authority of this other region. A license is granted for an indefinite term.

Licensing in Russia is performed by designated state authorities depending on the type of activity being licensed. The RF Tax Code also establishes state fees for issuing licenses¹.

Licenses are issued in compliance with licensing requirements which may include

- Technical requirements, such as presence of necessary buildings, premises, facilities, equipment, etc.;
- Staff requirements, i.e. presence of employees with sufficient qualification for performance of the type of activity being licensed;
- Presence of an adequate system of industrial control;
- Compliance with formal requirements, such as having a suitable form of legal entity, sufficient charter capital and an absence of debts to third parties which may influence the performance of the type of activity being licensed.

Licensing terms may also include a requirement to generally observe all legislation related to a licensed sphere of activity.

¹ The state fees vary in a wide range: from 2,600 rubles (approx. GBP 50) for most licenses up to 6 mln rubles (approx. GBP 120,000) for production of ethyl alcohol and alcohol products.

General procedure for obtaining a license

To obtain a license for a certain type of activity, a potential candidate should apply to the relevant authority. An application should also include supporting documents, the list of which is specifically designated for each type of license. These documents should demonstrate that the applicant is in compliance with the licensing requirements.

The legal term for review of the application documents is 45 working days. Granting of a license may be refused if false documents or information are provided by the applicant or if the applicant does not comply with licensing requirements.

Upon granting a license, the licensing authority establishes a licensing file for the licensee and supervises the activity of the licensee. The activity of the licensee may be checked after one year from the date of granting of the license. After that a review of the licensee may be performed every three years. There can also be extraordinary checks, performed by state authorities in cases where information is received from third persons that the licensee is violating the licensing requirements.

A license may be suspended in a case where administrative liability is imposed on the licensee due to its violation of the licensing requirements or legislation. A license may also be terminated by court decision or if the licensee itself notifies the state authority on termination of performance of licensable activity.

Other forms of control

In addition to licensing, there are also other forms of state control of various entrepreneurial or industrial activities in Russia. One of the most important forms is control through membership of companies in a self-regulating organization (SRO).

SRO is a non-commercial organization which unites commercial organizations by the type of activity they are performing. This non-commercial organization performs control of the activity of its members in the same way that a licensing authority performs control of the activity of licensees.

The spheres of activity where membership in an SRO is required in Russia are the following:

- Capital construction, construction planning and engineering research;
- Professional participation in the securities markets;
- Professional evaluation services;
- Professional audit services;
- Bankruptcy manager services;
- Energy audit;
- Bill collection services;
- Activity of management companies.

To become a member of SRO, a candidate must apply to this organization. The application should include documents confirming the abilities of the candidate to perform the required type of activities and its compliance with legal requirements established for companies performing such type of activities. Each SRO also has a membership fee.

A member of SRO may start performing controlled activity only upon receiving admission to such activities, which is issued by the SRO upon successful review of its application.

SRO is in charge of supervision and control of the activity of its members. According to the law, regular checks are to be done not less than once in three years, but not more often than once a year. A member may be expelled from the organization for noncompliance with the established requirements.

In addition to licensing and membership in SRO, performance of certain activities in Russia must also be secured by liability insurance.

VIII. REAL ESTATE

Obtaining ownership rights

There are certain restrictions related to ownership of land in Russia by foreigners.

Foreign individuals and legal entities are not allowed to own land located in frontier territories of the Russian Federation. On January 9, 2011, a list of frontier areas in which foreign individuals and legal entities may not purchase or own land was established by a presidential order¹. Such territories include administrative units within certain regions which are connected to national borders (either terrestrial or maritime).

Another restriction for ownership by foreigners is that land within the borders of seaports may not be owned by a foreign individual or legal entity (Article 28 of the Law on Seaports).

A third restriction relates to agricultural land. Foreign individuals, foreign legal entities, and Russian legal entities with more than 50% foreign ownership may not own agricultural land in Russia.

Registration of rights

Transactions involving real estate as well as rights to real estate are subject to state registration in Russia and are enforceable only after registration in the regional body of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of the Russian Federation (Rosreestr) which is the state body authorized to register the rights to real estate.

¹ Order of the President of the Russian Federation «On Establishment of a List of Frontier Territories within Which Foreign Citizens, Stateless Persons and Foreign Legal Entities May Not Exercise Property Rights to Land Parcels» dated January 9, 2011, no. 26.

The statutory period for registration of rights to real estate is one month (30 calendar days)¹. The registration of rights can be suspended for a period of no more than 30 calendar days if not all or incorrect documents are provided for registration. If the defects are not eliminated within this period, the registration authority will issue a refusal of registration and the parties will have to apply again.

IX. TAXATION

Types of taxes and tax rates

The major document regulating the principles and procedures of taxation in Russia is the RF Tax Code. In addition, Russian tax legislation also includes a large number of resolutions of the Government and acts adopted by the Federal Tax Service.

All taxes in Russia are divided into federal, regional and local taxes. The division is made on the basis of determination of to which budget the tax should be paid. Federal taxes are paid to the federal budget, while regional taxes are paid to the regional budget and local taxes to the budget of the municipality.

Federal taxes: VAT, excise tax, personal income tax, company income tax, mineral resources extraction tax, water tax, payment for use of wildlife objects and other biological resources

State fees

Various state fees established in Russia are listed in article 333.33 of the RF Tax Code. Such fees include various registration fees, from fees for registration of a legal entity to fees for registration of ownership rights to real estate.

Regional taxes: company property tax, gambling business tax, transport tax.

Local taxes: land tax, private property tax.

Avoidance of double taxation

RF Tax Code regulates the procedure for avoidance of double taxation. The general rule is that taxes paid by a tax resident of the RF abroad for income received outside the RF shall not be taken into account when such income is taxed in the RF. At the same time, a double taxation treaty concluded between Russia and the relevant country may provide otherwise.

In order to be exempted from payment of tax in Russia in accordance with a double taxation treaty, a taxpayer should provide tax authorities with an official confirmation that he or she is a tax resident of a country with which the RF has a

¹ Registration of some specific rights is performed in shorter terms. For example, registration of mortgage of residential premises is performed within five working days.

double taxation treaty and that the tax was paid outside Russia. Currently Russia has double taxation treaties with over 70 countries.

X. LITIGATION AND DISPUTE RESOLUTION

Regrettably there is significant distrust of the fairness and evenhandedness of Russian courts among both foreigners and Russian citizens. As a result, many contracts involving agreements between Russian and non-Russian parties call for arbitration of disputes outside of Russia. The Russian Federation adheres to the New York Convention on the Enforcement of Arbitral Awards, however, the record in Russia for enforcement of foreign arbitral awards without independent reexamination by Russian courts is spotty at best. Court judgments, as distinguished from arbitral awards, are only enforceable where the issuing country and Russia are signatories to treaties providing for enforcement of court judgments, or where it can be proven to the satisfaction of the Russian court considering the request for enforcement that reciprocal enforcement is available for Russian court judgments in the country where the judgment was granted.

In addition to enforceability questions the process of obtaining a foreign arbitral award and then requesting enforcement in Russia is likely to be both more time consuming and less effective than seeking redress for grievances directly from a Russian Arbitrazh Court. The Arbitrazh Court system in Russia should not be confused with private arbitration. The Arbitrazh Courts grew out of the Soviet system for resolution of disputes between State enterprises, and these Courts today have jurisdiction over most commercial disputes between juridical persons. One of the distinctive features of the Arbitrazh Court system is the availability of pre-trial injunctive relief which can often spell the difference between immediately stopping a partner's violation of shareholder rights and waiting for the enforcement of a final foreign arbitration award.

Lessons Learned

- It is possible to do business profitably and legally in Russia.
- Russia has now filled in most of the legislative gaps, and the rights and obligations of parties can usually be accurately determined.
- The main obstacle to an effective legal system is now the lack of proper and speedy implementation by government offices and the judicial system.
- Bureaucratic formalities remain an impediment to speedy business implementation, and the authorities require strict compliance to requirements that often appear counter intuitive and of minor importance to foreign executives.

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: crimlaw@rambler.ru

КОРРУПЦИЯ В МИРЕ И РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В настоящее время в мире, наряду и в связи с экономической глобализацией, происходит интернационализация и глобализация коррупции. Однако международное сообщество до сих пор не выработало общего определения понятия коррупции. Следует видеть реальный многообразный ущерб, который причиняется коррупцией, и связанные с этим угрозы национальной и глобальной безопасности. В *экономической сфере* общий ущерб от коррупции на планете составляет более 7% мирового ВВП. Мировой рынок коррупции достигает, по оценкам Всемирного банка, 1 трлн долл. По экспертным оценкам, не менее трети от этой суммы, увы, приходится на Россию. В *политической сфере* главным следствием коррупции является разложение государства вследствие его захвата, фактической приватизации частными корпоративными структурами. Кроме того, подрывается доверие населения к власти, создается нежелательный имидж страны и ее руководства за рубежом. Подрывается принцип законности, гибнет правосудие. В *социальной сфере* усиливается напряженность, так как из-за коррупции растут масштабы социальной несправедливости. Коррупция явно подрывает и общественную безопасность, так как вследствие ее распространения покрываются многие преступления, в том числе террористической направленности, наркобизнес, сексбизнес и др. В *духовно-идеологической сфере* усиливается терпимость к коррупции, которая все больше воспринимается общественным мнением как «норма жизни». Соответственно в народе растет и правовой нигилизм.

Бесспорно, что эффективная антикоррупционная политика должна основываться на учете особенностей *причин коррупции*. Представляется, что коррупция имеет не одну причину, а порождается сложным многослойным причинным комплексом. Это комплекс образует совокупность политических, экономических, социальных и идеологических (социально-психологических) причин-факторов. Главным источником коррупции, по мнению автора, является вовлечение государственных структур в механизмы распределения капиталов и товарно-денежных потоков.

Автор предлагает реализовать обоснованные предложения и международные рекомендации, направленные на формирование в стране эффективной антикоррупционной политики. Только полное и неуклонное следование международным соглашениям позволит существенно оптимизировать формирующуюся российскую антикоррупционную политику.

Ключевые слова: коррупция, глобальная безопасность, антикоррупционная политика.

Vitaliy A. Nomokonov, Doctor of Law, Professor, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: crimlaw@rambler.ru

CORRUPTION IN THE WORLD AND IN RUSSIA: THE STATE AND COUNTERACTION

Internationalization and globalization of corruption is emerging in the world alongside and in connection with the economic globalization. However the international community has not yet developed a common definition of corruption.

The real and diverse damages caused by corruption are the emerging threats to the national and global security. These threats are as follows: In the *economic* sphere, the total damage from the corruption in the world exceeds 7 % of the world GDP.

According to the World Bank the global corruption market reaches 1 trillion USD. According to the U.S. expert estimates Russia unfortunately accounts for one third of this amount. In the *political* sphere, corruption leads to the disintegration of a state as a result of the seizure of power, and privatization of power by private and corporate structures.

Moreover, corruption undermines public confidence in the government, creates undesirable image of the country and its leadership abroad. The principle of legality and justice perishes, all as a result of corruption. The tensions in a *social* sphere increase, since the escalation of corruption causes social injustice. Corruption clearly undermines public safety: it leads to an increased number of crimes, including terrorism, drug trafficking, and sex-business, etc. In the *spiritual and ideological* sphere tolerance for corruption enhances when public opinion starts perceiving it as a «norm of life». Hence, legal nihilism is growing among people.

There is no doubt that an effective anti-corruption policy should be based on fighting the roots of corruption. It seems that corruption has no single cause, but is generated by a set of numerous causes. The main source of corruption, in the author's opinion, is the involvement of government agencies in the mechanisms of distribution of capital and commodity flows.

The author suggests implementing reasonable proposals and international recommendations aimed at developing efficient anti-corruption policies. Only a full and steady compliance with international agreements will significantly optimize the emerging Russian anti-corruption policy.

Keywords: corruption, global security, anti-corruption policy.

Сегодня никого уже не нужно убеждать в том, что коррупция стала одной из глобальных угроз для мирового сообщества. Лидеры государств на Саммите АТЭС, состоявшемся в сентябре 2012 г. во Владивостоке, в итоговой декларации подтвердили готовность продолжить борьбу с коррупцией. Это лишний раз свидетельствует об остроте проблемы как в отдельно взятых странах, так и в мире в целом. Так, например, опрос Eurobarometer показал, что 74% европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой для своих стран [1, 2].

Сегодня в ходе борьбы с коррупцией в нашей стране можно назвать если и не успехи, то, по крайней мере, два юбилея. Это – десятилетие со дня подписания Конвенции ООН против коррупции, и пять лет, которые прошли со дня принятия в России закона «О противодействии коррупции», обозначившего начало формирования и реализации в стране правовых основ антикоррупционной политики.

В настоящее время в мире, наряду и в связи с экономической глобализацией, происходит интернационализация и глобализация коррупции. Формы используемых коррумпируемых денежных потоков все больше и больше делаются недоступными для контроля со стороны национальных правоохранительных органов. Реакцией на эту тенденцию, как известно, явилось принятие международным сообществом в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции.

1. Международное сообщество не выработало общего определения понятия коррупции. В российском законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. содержание последней описывается как разного рода незаконное использование лицом своего должностного положения в целях получения выгоды имущественного характера (ст. 1).

Представляется, что коррупция представляет собой, прежде всего, торговлю властью в государственном и негосударственном секторах. Иными словами, это коммерциализация власти, превращение в товар ресурса, который по определению исключен из товарно-денежных отношений.

Именно подкуп, который оборачивается продажностью подкупаемых, является главным стержнем коррупции. Если взглянуть на коррупцию глубже, то ее сущность, как представляется, заключается в перерождении государства из организации по защите общих интересов в корпоративную структуру, обслуживающую частные интересы и обеспечивавшую их защиту от интересов общества. Другими словами, сущность ее состоит в *предательстве* чиновниками государства, граждан. Тотально коррумпированное государство выглядит предателем собственного народа.

Характерно в этой связи признание Президента Всемирного банка Джима Ен Кима: «...если мы закроем на коррупцию глаза, в какой бы то ни

было стране, мы предадим наших собственных граждан, мы предадим жителей тех стран, которым мы хотим помочь» [3].

Следует видеть реальный многообразный ущерб, который причиняется коррупцией, и связанные с этим угрозы национальной и глобальной безопасности.

В *экономической сфере* общий ущерб от коррупции на планете составляет более 7% мирового ВВП. Мировой рынок коррупции достигает, по оценкам Всемирного банка, 1 трлн долл. По экспертным оценкам, не менее трети от этой суммы, увы, приходится на Россию. Прямые потери от коррупции составляют до 25% ВВП нашей страны, от 20 до 25 млрд долл. ежегодно [3]. В результате тормозится экономическое развитие, устраняется свободная экономическая конкуренция, устанавливается монополизм, ухудшается инвестиционный климат страны в целом и ее отдельных регионов. Кроме того, коррупция непосредственно влияет на рост цен на товары и услуги, существенно стимулирует рост теневой экономики.

В *политической сфере* главным следствием коррупции является разложение государства вследствие его захвата, фактической приватизации частными корпоративными структурами. Государство вместо защиты общих интересов становится служанкой коррупционеров. Даже в США, где борьба с коррупцией ведется серьезно, только в одном штате Иллинойс четверо из шести последних губернаторов сидели или сидят в тюрьме по обвинениям в коррупции [4, с. 23–24]. Кроме того, подрывается доверие населения к власти, создается нежелательный имидж страны и ее руководства за рубежом. Подрывается принцип законности, гибнет правосудие.

В *социальной сфере* усиливается напряженность, так как из-за коррупции растут масштабы социальной несправедливости. Коррупция явно подрывает и общественную безопасность, так как вследствие ее распространения покрываются многие преступления, в том числе террористической направленности, наркобизнес, сексбизнес, и «крышуются» многие преступники и преступные группировки. Вследствие коррупции не получают должного реагирования и факты грубого нарушения правил пожарной безопасности, дорожного движения и т.п.

В *духовно-идеологической сфере* усиливается терпимость к коррупции, которая все больше воспринимается общественным мнением как «норма жизни». Соответственно, в народе растет и правовой нигилизм. Определенную роль в живучести коррупции играют и многочисленные мифы.

2. Коррупционная коррозия становится все более ощутимой проблемой, хотя и в разной мере, в разных странах, включая АТР.

Исследователи Transparency International подготовили данные опросов по многим странам, включая Соединенные Штаты Америки и Россию.

Выводы о коррумпированности основных государственных и социальных институтов, без которых нормальное функционирование страны невозможно, в двух странах кардинально расходятся. В США в коррумпированности полиции уверены 42% опрошенных, в России – 89%. Хуже, чем в полиции, по мнению россиян, обстоят дела только в сфере госслужбы – ее считают коррумпированной 92%, в США – 55%.

Различие состоит и в том, насколько граждане России и США считают себя способными противостоять коррупции и побеждать ее. В России 56% опрошенных говорят, что граждане не способны повлиять на уровень коррупции в стране, 44% – думают, что способны. В Соединенных Штатах в способности граждан влиять на уровень коррупции уверены 76%, из них 26% уверены в этом твердо [5].

В 2011 г. в рейтинге коррупционности Transparency International Япония занимала 18-е место, США – 24 место, Россия – 154-е (чем ниже, тем хуже). В 2012 г. Россия по уровню коррупции находилась на 133-м месте, рядом с Ираном, Казахстаном и Гондурасом. Китай – на 80-м месте [6].

В Китае уже много лет ведется «перманентная война» с коррупцией. Особенно остро необходимость борьбы с этим явлением возникла в начале 1980-х годов, когда в Китае происходил переход от плановой экономики к рыночной. В те годы руководство страны, резко выступив против превышения властных полномочий чиновников на всех уровнях, инициировало кампанию по раскрытию ряда крупных коррупционных преступлений. С осени 2012 г. в стране с новой силой развернулась борьба с желающими поживиться за государственный счет. За 35 лет экономических реформ к уголовной ответственности за коррупционные действия привлечено около миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата. За пять лет, с 2007 г. по 2012 г., в Китае было проведено около 640 тыс. расследований коррупционных дел. Более 660 тыс. функционеров были наказаны. По оценкам зарубежных экспертов, экономические потери от коррупции в КНР ежегодно составляют 13–17% ВВП, около 20% государственного финансирования оседает в карманах недобросовестных чиновников, при содействии коррупционеров преступниками отмывается около 25 млрд долл. [7].

Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в России ежегодно исчисляется цифрой в 40–50 тыс., а по данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, фактическое их количество составляет около 2 млн. Уже и официальные лица признают: «...сегодня Россия приобрела стойкий имидж клептократического и глубоко коррумпированного государства не только внутри страны, но и за рубежом» [8, с. 3].

Наша страна сегодня попала в своеобразный коррупционный капкан, поскольку сформировалась устойчивая система отношений, фактически провоцирующая коррупционное поведение в различных сферах общественной жизни, а также на разных этажах власти. Именно эта система делает

даже законодательство, как сейчас говорят, коррупциогенным. Именно эта система объективно извращает даже государственную политику, преобразуя ее в политику коррупционную.

Социологические опросы показывают, что все больше граждан уверены в росте коррупции, в том числе в высших эшелонах власти. Ключевой вопрос, который возникает в связи с изложенным: как далеко на самом деле в России зашел коррупционный процесс, какова степень криминально-коррупционного перерождения российского государства? Если коррупция в стране очень сильна, даже системна, но еще не стала системообразующей, то шансы существенно изменить ситуацию пока еще есть.

3. Бесспорно, что эффективная антикоррупционная политика должна основываться на учете особенностей *причин коррупции*.

Самое распространенное объяснение разгула коррупции в России в глазах граждан заключается в корыстолюбии чиновничества. Другие полагают, что дело в несовершенстве законодательства и его неоправданной мягкости к коррупционерам. Третьи считают, что причины коррупции носят экономический характер. Представляется, что коррупция имеет не одну причину, а порождается сложным многослойным причинным комплексом. Это комплекс образует совокупность политических, экономических, социальных и идеологических (социально-психологических) причин-факторов.

В России коррупция коренится, прежде всего, в деформациях политической сферы, деформациях государственной власти, в ее гипертрофии или гипотрофии.

Главным источником коррупции, на мой взгляд, является вовлечение государственных структур в механизмы распределения капиталов и товарно-денежных потоков. Государство должно только устанавливать правила игры на рынке и не становиться обычным продавцом или покупателем, преследующим индивидуальный интерес. Таким образом, суть проблемы заключена в необходимости изменения направленности политики государства на обеспечение интересов всех граждан, а не только отдельных избранных представителей.

Здесь было бы уместно уточнить и роль «прозрачности» в генезисе коррупции. Отсутствие такой прозрачности, скрытость властных отношений и принимаемых решений – не просто благоприятное условие или благоприятный фон коррупции, а ее самостоятельная причина. Коррупция – это не просто продажность власти, а скрытая, тщательно скрываемая продажность. Именно поэтому механизмы власти должны быть максимально открытыми, прозрачными, и эта открытость должна ограничиваться главным образом только интересами сохранения государственной, военной или коммерческой тайны.

Отметим, что в мире уже есть положительный опыт борьбы с коррупцией при помощи обеспечения максимальной открытости механизма при-

нения чиновниками решений. Так, в Республике Корея сравнительно недавно, как известно, внедрена антикоррупционная программа «OPEN», которая показала свою весьма высокую эффективность.

Существенной причиной коррупции является в целом безответственность, фактическая неподотчетность, неподконтрольность исполнительной ветви власти законодательной, вообще власти, правоохранительных органов – контролю со стороны общества. В нашей стране отсутствует институт парламентских расследований, который успешно действует в других странах.

Основным экономическим источником коррупции являются процессы, происходящее в области *теневой экономики*. Можно с уверенностью утверждать, что доля теневой экономики в экономической сфере государства прямо определяет и уровень коррупции.

Экономической основой сложившегося в стране чудовищного уровня коррупции является, как полагают некоторые специалисты, помимо прочего, также и *сырьевой перекос российской экономики*. Выявлена следующая закономерность – чем выше в экономике сырьевая доля, тем выше и коррупция, и наоборот. Интегральный экономический потенциал в развитых странах на 64% формируется человеческим капиталом и на 20% – сырьевым. В России – всё наоборот: 72% – сырьевой фактор и лишь 14% – человеческий капитал. Ориентация экономики на сырьевые природные ресурсы приводит к низкой зарплате и росту коррупции [9].

Социальной базой коррупции служит *сильнейшее имущественное расслоение* граждан, особенно на фоне общей бедности или слабости государства. Двадцать российских богачей сегодня имеют совокупный доход, сопоставимый с государственным бюджетом страны. Беднейшие страны мира, как показывают специальные исследования, в то же время и самые коррумпированные. В этих странах возникает порочный круг: коррупция препятствует экономическому развитию, а общая бедность провоцирует новый виток коррупции. Удивительное дело: мировой финансовый кризис ничуть не «обеднил» ни одного российского миллиардера, число которых к тому же еще и удвоилось.

Весомый вклад в стимулирование коррупции вносит организованная преступность, которая сегодня стала основным и самым опасным корруптером.

Истоки коррупции можно найти и в общественном сознании российских граждан. В основе лежит *признание денег, капитала, собственности главной ценностью*, что и ведет к отчуждению личности от общества и государства и наоборот и к превращению всего и вся в товар и разменную монету.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что любые попытки борьбы с коррупцией, которые не окажут влияния на ее причины, будут лишь имитацией этой борьбы.

4. Еще 10 лет назад автор данной статьи обосновывал необходимость формирования государственной антикоррупционной стратегии [10, с. 21–26]. И вот, наконец, руководство страны предприняло масштабные усилия по формированию названной антикоррупционной политики. Не умаляя значимости проделанной работы, следует все же отметить, что в названных документах ни слова не говорится о теневой экономике как экономической основе коррупции и структурах организованной преступности как основном коррумптере и социальной базе коррупции. Представляется, что без учета этих факторов, теснейшим образом связанных с коррупцией, любые антикоррупционные меры будут носить преимущественно имитационный характер.

Главной целью антикоррупционной политики должен являться демонтаж сложившейся в стране и еще достаточно мощной коррупционной системы. Далее, должно произойти, наконец, изменение общих приоритетов государственной политики: во главу угла должны ставиться не узкокорпоративные, а общие интересы большинства граждан. Здесь следует также назвать действие прозрачных механизмов, торжество справедливого закона и т.п.

Сегодня в стране только закладываются основы общегосударственной антикоррупционной политики, ее еще предстоит сформировать. В основе указанной политики находится Национальная стратегия, определяющая приоритеты, принципы, общие положения борьбы с коррупцией. Безусловно, обязательным является – помимо Национального плана – также разработка федеральной государственной комплексной программы борьбы с коррупцией и организованной преступностью на ближайшие годы.

В государственной антикоррупционной политике, наряду с общесоциальными, важна роль и правовых мер. В свою очередь, правовые меры борьбы с коррупцией должны включать в себя широкий спектр законов, причем, не только узкоотраслевых, но и комплексных, приводящих совокупность разнообразных правовых средств воздействия на коррупцию в единую систему.

Следует согласиться с предложениями о неотложном принятии Федерального закона «О лоббировании», который должен создать правовое поле для исключения коррупционных схем продвижения законопроектов, противоречащих интересам общества и государства, но обеспечивающих тем или иным структурам материальные и иные преимущества, а также блокирующих законопроекты, противоречащие групповым и корпоративным интересам.

Мы давно уже говорим и том, что нужно исключить из УПК РФ раздел, который определяет особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, поскольку это противоречит статье 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей принцип равенства перед законом и судом.

Нужно вернуть в УК РФ конфискацию как вид наказания и существенно расширить область ее применения.

Нужно оптимизировать пределы применения условного осуждения, сократить их до разумных (применять при назначении наказания не свыше 3 лет лишения свободы) [11, с. 69].

5. Многие *международные антикоррупционные соглашения* обязывают государства принимать широкие меры для предупреждения коррупции. В их число входят поддержание высоких стандартов поведения для государственных служащих, создание прозрачных систем закупок и финансового управления, недопущение конфликтов интересов, требование финансового раскрытия личных активов, формирование эффективных систем и процедур подотчетности внутри и вне органов власти, предоставление доступа к правительственной информации и др.

Представляется важным реализовать и другие обоснованные предложения и международные рекомендации, направленные на формирование в стране эффективной антикоррупционной политики. Сюда можно отнести и формирование федерального координационного органа, наделенного специальной компетенцией, и расширение круга субъектов, обладающих правом законодательной инициативы по вопросам борьбы с коррупцией, и многое другое [12].

Россия, как известно, ратифицировала Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), против коррупции (2003 г.), Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.). Тем не менее, выполнение ряда международных обязательств остается под вопросом.

Так, в частности, ни прежний проект, ни новый закон о противодействии коррупции не предусматривают создания специального федерального уполномоченного органа по борьбе с коррупцией. Можно спорить о том, нужен ли вообще такой орган или нет. Однако ст. 36 Конвенции ООН каждому государству рекомендует иметь соответствующий орган, и осуществляющий антикоррупционную политику, и координирующий деятельность в этом направлении. Предполагалось, что в нашей стране функции такого органа должна выполнять Генеральная прокуратура. Однако прокуратура вправе заниматься координацией деятельности только правоохранительных органов. Совет по противодействию коррупции при Президенте, при всей его неоспоримой важности, – это фактически лишь совещательный орган. Между тем, потребность в действительно специализированном антикоррупционном органе в современной России все-таки есть [13].

Следует безотлагательно реализовать также недавние (2012 г.) рекомендации группы государств ГРЕКО для России. В их числе – расширение объективной стороны состава взяточничества за счет включения в нее т.н. пригласительных действий, рассматриваемых как оконченный состав преступления. Речь также идет и о расширении субъективной стороны коррупционных преступлений – цели получения не только материального, но и нематериального, любого неправомерного преимущества и т.п.

Только полное и неуклонное следование международным соглашениям позволит существенно оптимизировать формирующуюся российскую антикоррупционную политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коррупцию в России будут «лечить» нетерпимостью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.point.ru>.
2. Бондарь, В. Этот преступный, преступный, преступный мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org>.
3. Речь Президента Группы организаций Всемирного банка Джима Ен Кима на Всемирной ассамблее здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/ru/news/speech/2013/05/21/world-bank-group-president-jim-yong-kim-speech-at-world-health-assembly>.
4. Гостева, С. Р. Коррупция в России : исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия / С. Р. Гостева, В. Ф. Рашкин. – М. : НИЦ «Еврошкола», 2010. – 326 с.
5. Гальперович, Д. Барометр мировой коррупции – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-corruption/1698506.html>.
6. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции: информация об исследовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpi.transparency.org/>.
7. Антикоррупционная кампания в КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c11/885214.html>.
8. Аникин, А. А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Аникин. – Владивосток, 2009. – 29 с.
9. Лесков, С. Анимейн на тему коррупции // Известия. – 2005. – 4 авг.
10. России нужна антикоррупционная стратегия // Организованная преступность и коррупция. Т. 1. – Екатеринбург, 2000. – С. 21–26.
11. Скобликов, П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России / П. А. Скобликов. – М. : НОРМА, 2007. – 272 с.
12. Петров, М. П. Концепция антикоррупционной политики в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. – Саратов, 2006. – С. 94.
13. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : в 2-х т. Т. 1 / ред. С. С. Сулакшин. – М. : Научный эксперт, 2008. – 467 с.

REFERENCES

1. *Korrupsiyu v Rossii budut «lechit'» neterpimost'yu* [Corruption in Russia Will be «Treated» by Intolerance]. Available at: <http://www.point.ru> (accessed 21 March 2014).
2. Bondar V. *This Criminal, Criminal, Criminal World*. Available at: <http://www.odnako.org> (accessed 21 March 2014).
3. *World Bank Group President Jim-Yong Kim's Speech at World Health Assembly*. Available at: <http://www.worldbank.org/ru/news/speech/2013/05/21/world-bank-group-president-jim-yong-kim-speech-at-world-health-assembly> (accessed 21 March 2014).
4. Gosteva S.R., Rashkin V.F. *Korrupsiya v Rossii* [Corruption in Russia]. Moscow: NITs «Evroshkola», 2010. 326 c.
5. Galperovich D. *World Corruption Barometer – 2013*. Available at: <http://www.golos-ameriki.ru/content/world-corruption/1698506.html> (accessed 21 March 2014).
6. *Reiting stran mira po urovnyu vospriyatiya korrupsii: informatsiya ob issledovanii* [A ranking of countries by perceived level of corruption: information about the research]. Available at: <http://cpi.transparency.org/> (accessed 21 March 2014).
7. *Anti-Corruption Campaign in China*. Available at: <http://www.itar-tass.com/c11/885214.html> (accessed 21 March 2014).
8. Anikin A. *Vzyatochnichestvo kak korrupsionnoe prestuplenie i mery protivodeistviya emu*. [Bribery as a Corruption Offence. Counteraction Measures]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Vladivostok, 2009. 29 p.
9. Leskov S. Animein na temu korrupsii [Annimain on Corruption]. *Izvestia*. 2005, August 4.
10. *Rossii nuzhna antikorrupsionnaya strategiya. Organizovannaya prestupnost' i korrupsiya* [Organised Crime and Corruption. Russia needs Anti-Corruption Strategy]. Vol. 1. Ekaterinburg, 2000, pp. 21–26.
11. Skoblikov P.A. *Aktual'nye problemy bor'by s korrupsiei i organizovannoi prestupnost'yu v sovremennoi Rossii* [Emerging Issues of Corruption and Organized Crime Counteraction in Contemporary Russia]. Moscow: NORMA Publ., 2007. 272 p.
12. Petrov M.P. Kontseptsiya antikorrupsionnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi i regional'nyi aspekty. *Ugolovno-pravovaya politika i problemy protivodeistviya sovremennoi prestupnosti* [The Concept of Anti-Corruption Policy in Russia: Federal and Regional Aspects. Criminal Policy and the Problems of Contemporary Crime Counteraction]. Saratov, 2006, p. 94.
13. *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korrupsii i tenevoi ekonomike v Rossii*. [Government Policy of Corruption and the Black Market Counteraction in Russia]. Vol. 1. Ed. S. S. Sulakshin. Moscow: Nauchnyi ekspert [Research Expert], 2008. 467 p.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки РФ, г. Владивосток. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Морозов Николай Александрович, кандидат юридических наук, научный сотрудник лаборатории по изучению проблем противодействия терроризму и экстремизму в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: nmorozov@mail.ru

ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Сегодня Япония стоит перед серьёзной и характерной для развитых стран социальной проблемой. В условиях экономического кризиса и быстрых темпов старения населения необходимо повысить максимальную общественную интеграцию, как молодежи, так и стариков. Эти возрастные группы в первую очередь ощущают отчуждение от семьи и общества и потому порой вынуждены искать источники существования противоправным путем.

Проблема «старения населения» сопровождается сложной адаптацией к меняющимся социально-экономическим условиям; последствиям охватившего страну финансового и экономического кризиса, а также социально-психологическим последствиям, связанным с кризисом дезинтеграции института семьи. Традиционная для японского общества трехпоколенная структура семьи нарушилась. Молодёжь уезжает искать работу в города, а старики остаются без материальной и моральной поддержки близких, при всё более осязаемом дефиците средств существования, – в полной изоляции. Нарушение закона и противоправные действия все чаще становятся единственным возможным способом решения обрушившихся проблем.

Изучение факторов, влияющих на делинквентное поведение подростков в Японии, показало, что главные институты социализации подростков – семья, школа, досуговая сфера, сфера труда – уже не удовлетворяют потребности молодого поколения. Рассогласованность воздействия приводит к противоречивым требованиям по отношению к подрастающему поколению, что значительно затрудняет процесс усвоения подростком норм и требований общества.

Социальный контроль в отношении делинквентного поведения подрастающего поколения должен строиться не только на приоритетах восстанавливающей юстиции. Жесткая реакция общества, как проявление социального контроля, а также оказание психологической и медицинской помо-

щи – едва ли не главные составляющие единой системы альтернативных мер для скорейшей реинтеграции подростков в общество.

С точки зрения криминологии важнее другое – динамика делинквентного поведения молодежи и стариков в современной «стареющей» Японии демонстрирует не столько национальные особенности, сколько закономерности, с которыми столкнутся все развитые страны, и, несомненно, в ближайшие годы – Россия.

Ключевые слова: демографическая ситуация, геронтологическая преступность, молодежная преступность, девиация, делинквентность.

Alexander I. Korobeev, Doctor of Legal Sciences, Professor, the Honored Scientist of RF, the Chair of Criminal Law and the Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Nikolay A. Morozov, PhD in Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: nmorozov@mail.ru

AGE ASPECTS OF DELINQUENT BEHAVIOR IN CONTEMPORARY JAPAN

Today Japan is facing an important social problem which is typical of a developed country. In the context of the global economic crisis and Japanese population ageing it is necessary to maximize the social integration of both young and old people. These age groups primarily feel alienated from the family and society, and are often forced to seek illegal sources of income.

The problem of «ageing» is accompanied by a complex adaptation to the changing social and economic conditions and consequences of financial and economic crisis as well as to the social and psychological impacts of disintegration of the family institution. A traditional Japanese three-generation family structure has been broken. Young people are leaving to seek jobs in cities, and the elderly are abandoned without any material or moral support of their loved ones. Violations of law and wrongful acts are increasingly becoming the only possible way of solving problems.

Research of the factors which affect the delinquency behavior of adolescents in Japan shows that the major institutions of socialization of adolescents like a family, school, leisure, professional occupation, are no longer satisfying the needs of the younger generation. This mismatch effect leads to conflicting requirements in relation to the younger generation, which greatly complicates the process of learning the rules and requirements by a teenager.

Social control over the delinquent behavior of a young generation should be based not only on the priorities of restorative justice. Stern response from the society as a manifestation of social control, as well as providing the psychologi-

cal and medical assistance are perhaps the main components of a complex system of alternative measures required for the fast reintegration of adolescents into the society.

From the criminological perspective it is more important that the dynamics of delinquent behavior among the youth and the elderly in the modern «aging» Japan shows not just the national specifics, but the regularities which in the nearest future will be faced by other developed countries, including Russia.

Keywords: demographical situation; gerontological crimes, youth crimes, deviation, delinquency.

Молодежь и старики – две наиболее чуткие к социальным переменам группы. Неудивительно, что в период экономического кризиса, «вестернизации» общества, ломки традиционных семейных ценностей уровень девиантного поведения возрастает. Причем эта проблема становится характерной для всех развитых стран. Изучение влияния возрастных аспектов на уровень преступности актуально и для России.

В последнее время исследование геронтологического аспекта преступности привлекает все более пристальное внимание специалистов. Это связано с изменениями общей демографической ситуации в мире, которая непосредственно влияет на экономику, социальное и культурное развитие страны. Как показывает анализ динамики мировых демографических процессов, все четче просматривается общая тенденция к старению населения. По прогнозам ООН, к 2050 г. численность пожилых людей (старше 60 лет) превысит пятую часть мирового населения, а в наиболее развитых странах составит 33%.

В Японии – стране долгожителей – тенденция роста пожилого населения постоянна. За последние 20 лет среди населения доля лиц в возрастной группе «20–29 лет» выросла в 1,3 раза, в группе «свыше 50 до 64 лет» – в 2,1 раза, а в возрастной группе «65 лет и старше» – почти в 4 раза [1]. Таким образом, к 2050 году население сократится до 100 млн человек, а больше 65 лет будет уже каждому третьему жителю Японии [1, 2].

Проблема «старения населения» сопровождается сложной адаптацией к меняющимся социально-экономическим условиям, последствиям охватившего страну финансового и экономического кризиса, а также социально-психологическим последствиям, связанным с кризисом дезинтеграции института семьи. Традиционная для японского общества трехпоколенная структура семьи нарушилась. Молодёжь уезжает искать работу в города, а старики остаются без материальной и моральной поддержки близких, при всё более осязаемом дефиците средств существования, в полной изоляции. Нарушение закона и противоправные действия все чаще становятся единственным возможным способом решения обрушившихся на них проблем.

Еще в 80-х годах в общем числе лиц, совершивших преступления (без учета автотранспортных преступлений и других деяний, предусмотренных «специальными» уголовными законами), доля возрастной группы «старше 60 лет» составляла всего 3,2%. За последние 30 лет этот показатель вырос почти в семь раз – к 2010 году он составил 20,6% ; из них наибольшая часть – 14,4% (или 48 119 из 68 538 человек) – приходится на долю тех, кому 65 лет и больше [1]. Необходимо отметить, что рост числа людей пожилого возраста, совершивших преступления, с каждым годом все больше превышает рост общей численности этой возрастной группы среди населения.

В основе выделения преступности пожилых лиц в Японии находятся единые границы пенсионного возраста – от 65 лет и старше (без дифференциации этих лиц по полу). Рост преступности среди престарелых лиц идет очень быстрыми темпами в совершении двух статистически наиболее значимых видов преступлений – кража и присвоение утерянных вещей (*embezzlement of lost property*) – что, в отличие от многих развитых стран мира, в Японии является преступлением и преследуется уголовным законом.

Из общего числа таких лиц, привлеченных к ответственности, виновные в краже в 2009 г. составили 65,5%, а в присвоении утерянных вещей – 17,3%. Таким образом, только на эти два вида преступлений приходится 82,8% всех деяний, совершенных указанной категорией пожилых людей.

Рост преступного поведения среди людей пожилого возраста касается различных преступлений и продолжается уже более 20 лет. За эти годы число пожилых людей, привлеченных к ответственности за кражи, выросло в 7 раз, а за присвоение утерянного имущества – почти в 12 раз (рис. 1).

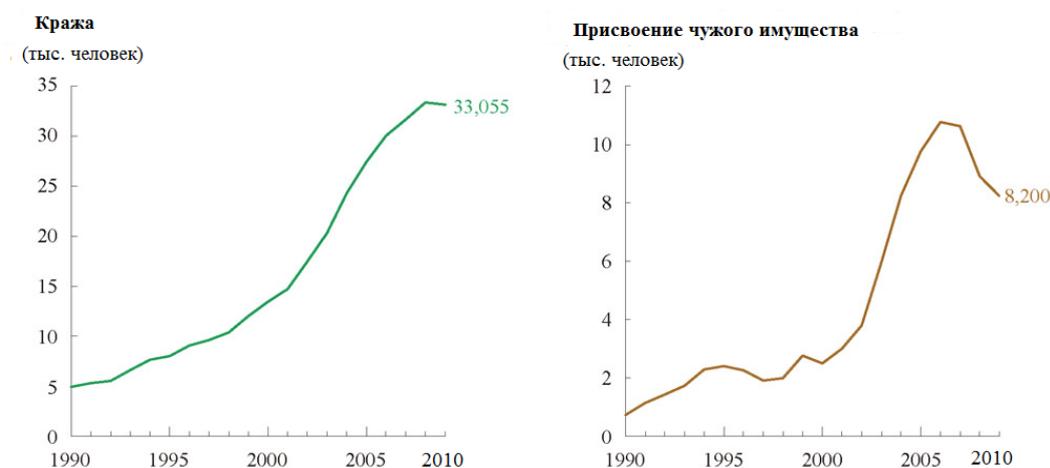

Рис. 1. Динамика краж и присвоения чужого имущества в Японии

В данном случае рассматриваются кражи продуктов и вещей из магазинов (*shoplifting*) – большая часть всех совершаемых краж людьми пожи-

лого возраста. По данным Национального агентства полиции, к началу 2010 г. за кражи из магазинов было арестовано 27 362 престарелых – более 26% от общего числа лиц, совершивших такие преступления. Статистику подобного рода преступлений полиция начала вести в 1986 г. Тогда было арестовано 4 918 пожилых людей, что в пять с половиной раз меньше, чем сегодня. С тех пор число пожилых людей, совершающих кражи из магазинов, постоянно растет. Отметка в 10 тыс. человек была преодолена в 1999 г., в 20 тыс. – в 2004 г., и свыше 27 тыс. человек – к 2010 г.

Среди престарелых мужчин за кражи в целом привлечено 54,1%; среди женщин – почти в два раза больше (89,6%). При этом среди мужчин доля привлеченных к ответственности за кражи из магазинов (44%) в два раза меньше, чем среди женщин (81,1%). Что же касается привлеченных к ответственности за присвоение утерянных вещей, то здесь картина кардинально меняется – доля пожилых мужчин (22,6%) почти в четыре раза выше, чем доля женщин (6%) [1, p.132].

Из общего числа престарелых, привлеченных к ответственности (48 119 чел.), лишь 2 100 человек (4,4%) были привлечены к наказанию в виде лишения свободы и поступили в тюремные учреждения; остальным же был назначен штраф или предоставлена отсрочка исполнения приговора.

Как показывает анализ, из 2100 осужденных половину (50,4%) составили лица, совершившие кражи; 10,8% – виновные в мошенничестве; 7,5% – за сбыт наркотиков, и 2,2% – за присвоение утерянного имущества. При этом среди осужденных за кражи женщин в 1,6 раза больше, чем мужчин (что в целом соответствует их распределению среди привлеченных к уголовной ответственности) [1, p. 134].

Рассматривая судебную практику в динамике (рис. 2), необходимо отметить, что в последние 20 лет применение наказания в виде лишения свободы к лицам пожилого возраста постоянно увеличивалось, и к 2010 г. общая численность таких лиц составила более 28 тыс. человек. Наиболее быстрыми темпами росло число ранее неоднократно судимых, особенно – судимых шесть и более раз. Как правило, выбор меры наказания в виде лишения свободы для престарелых лиц, виновных в кражах, прежде всего, был связан именно с наличием предшествующих судимостей за такие же преступления.

Увеличение роста числа преступлений среди лиц пожилого возраста, практика привлечения их к ответственности, степень и меры наказания, свидетельствующие о последовательном ухудшении социально-экономического положения этой категории населения, нарастающей критической ситуации в этой возрастной группе, послужили основанием для аналитиков Национального агентства полиции и Министерства юстиции Японии выделить проблематику преступности престарелых лиц в самостоятельный раздел исследований.

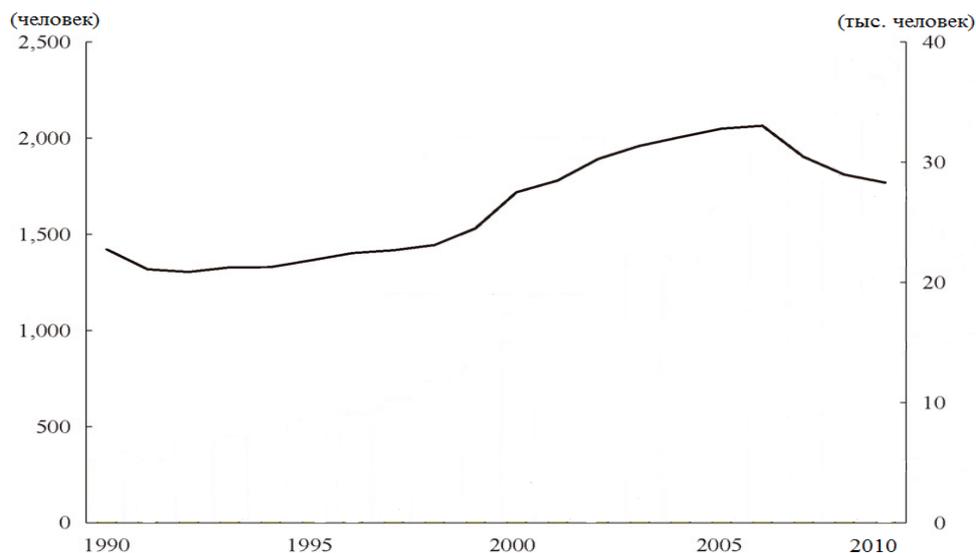

Рис. 2. График динамики осужденных в Японии к лишению свободы

Необходимость принимаемых мер подтверждает практика пенитенциарных учреждений по досрочному освобождению таких лиц (по «пароллю») и передаче досрочно освобожденных под надзор органов пробации. За последние 10 лет число престарелых лиц, освобожденных досрочно и переданных под надзор службы пробации, ежегодно растет, однако в целом масштабы этой практики – 49–57% – значительно меньше, чем среди осужденных из всех других возрастных групп [1, р. 134–135]. Дело в том, что освобождение из тюрьмы зачастую равносильно лишению крова и пропитания для многих бездомных и обездоленных престарелых осужденных.

С другой стороны, наравне с негативными тенденциями «старческой» преступности на фоне общей стабильности преступности в Японии возрастает динамика делинквентного поведения несовершеннолетних, что несомненно является индикатором, отражающим криминогенный эффект трансформационных изменений, происходящих в обществе. Агрессия, жестокость, отсутствие чувства сострадания со стороны подростков все чаще проявляются как отдельный поступок или система поступков, в которых устойчиво проявляются отклонения от официально установленных уголовно-правовых норм.

В Японии удельный вес преступности несовершеннолетних растет значительно быстрее, чем преступность в целом, а её структурные изменения носят неблагоприятный характер.

Каковы же причины девиации, делинквентного поведения молодежи современной Японии?

Неоспорим тот факт, что молодое поколение отличается особенно широким диапазоном поведения, идущего вразрез с общепринятыми нормами, зачастую провоцируемого самим обществом. В условиях же социального и экономического кризиса ценности, нормы, социальные связи изрядно ослабевают, становятся неустойчивыми и противоречивыми, что, в свою очередь, нарушает стабильность в обществе, приводит к неоднородности, неустойчивости социальных связей, разрушению коллективного сознания, порождает нарушения общественного порядка, дезорганизует людей. Сущность молодежной девиации обусловлена, как правило, сочетанием различных факторов: социальным и расовым неравенством, урбанизацией, миграцией, последствиями развития информационного общества, территориальными, национальными, климатическими условиями и т. д. Японские специалисты считают, что молодежная преступность прогрессирует по причине разрушения традиционных ценностей семьи, а также роста благосостояния и его последствий – стрессов, связанных с учебной, проявлений индивидуализма.

Необходимо отметить, что проведенные в Японии исследования также показывают, что среди несовершеннолетних правонарушителей чаще оказываются те, кто вырос без родителей, а также выходцы из малообеспеченных семей.

Низкий уровень преступности среди молодежи, по американским стандартам, в Японии рассматривается как глобальная проблема. Половина всех арестованных – молодые люди, едва достигшие 20 лет. Большинство из них – без криминального прошлого. И всё же большей процент составляют подростки, причем 25% из них – девочки, в основном из неблагополучных семей, так или иначе имевших «особые» отношения с законом.

В конце 90-х годов общее число преступлений среди молодого населения в стране увеличилось на четверть с момента начала экономического кризиса (с 1990 г.), однако в последующие 10 лет показатели молодежной девиации в целом стабилизировались, достигнув докризисного уровня.

При этом в начале 2000-х гг. «детская преступность» в Японии достигала рекордного уровня – количество преступлений ежегодно росло на 10–15%. Почти 90% преступлений – кражи, 23% преступлений – похищения автомобилей. По сведениям полиции, в основном, эта категория правонарушений совершается бандами, ставящими целью продажу похищенных дорогостоящих автомобилей за рубежом, преимущественно на «черных» рынках. Только 0,7% преступлений, совершенных за полгода, признаны серьезными. В эту категорию входят убийства, нападения и ограбления.

Недавно правительство Японии снизило возрастной рубеж, с которого виновный несет полную ответственность за совершенное преступление, с 16 до 14 лет.

Преступления, совершаемые японскими подростками, все чаще приобретают широкую огласку. В июле 2007 года 42 подростка были арестованы по обвинению в нападении с применением стального оружия в префектуре Осака. В июле 2008 года 14-летний подросток угнал автобус в Токио, удерживая водителя при помощи ножа. Причиной такого поступка стала ссора парня с родителями. В декабре 2008 года двое подростков были арестованы в Минами-Ashigra, префектуре Канагава, по обвинению в нападении, избиении полицейского и краже у него пистолета. В декабре 2008 года 15-летний преступник путем обмана получил от безработного 60-летнего мужчины 5000 долл., сказав, что является футболистом, подписавшим контракт с известной футбольной командой стоимостью 600 000 долл. Он пообещал, что его отец, якобы имеющий крупный бизнес в США, незамедлительно и с большими процентами погасит долг. В ходе допроса фантазера-вымогателя стала известна причина столь «выдающегося» поступка подростка – деньги были нужны для оплаты видеоигр.

Особым преступным размахом и жестокостью отличаются банды несовершеннолетних мотоциклистов в Японии – *Boso-zoku* (*племена скорости*). С бешеной скоростью и диким ревом они носятся на мотоциклах по улицам городов, привлекая тем самым внимание полиции и местного населения. Внутри этой молодежной группировки существуют четкая иерархическая структура, свои правила поведения и даже членские взносы. По данным Национального полицейского агентства, в 2002 г. насчитывалось 25 тыс. *Boso-zoku*, ими было совершено около 79 тыс. нарушений правил дорожного движения. Исследование показало, что количество погибших от *boso-zoku* постоянно растет: 2005 г. – 13 тыс. чел.; 2006 г. – 15 тыс. чел., в 2010 г. – 20 тыс. чел.

Борьба с преступностью несовершеннолетних в Японии регламентируется рядом нормативных актов, прежде всего Законом о несовершеннолетних (1948 г.) и Законом о благосостоянии детей (1947 г.), провозглашающих:

- приоритет воспитательно-исправительных мер неуголовного характера;
- принцип исключительной юрисдикции семейного суда;
- помещение несовершеннолетних под надзор службы пробации, всеохватывающей системы статистического учета несовершеннолетних, склонных к делинквентному поведению, привлечение к работе «полуштатных» сотрудников, создание специальных общенациональных общественных организаций.

В силу своеобразия послевоенного развития японского общества (аналогичного пореформенной России), молодежь, как, впрочем, и старики, как две самые незащищенные социальные группы, оказывается более подверженной влиянию новых процессов и явлений – в первую очередь вестернизации – ломка групповой психологии и замена ее индивидуалистическим стереотипом. В то же время традиционная групповая, «общинная» психо-

логия (подчинение стандартам поведения – школьной и семейной дисциплине, ориентация на формальные авторитеты – почтение к родителям и педагогам, восприятие духа солидарности) ещё достаточно сильна для того, чтобы удерживать преступность на относительно низком уровне. Этот традиционный японский «тормоз преступности» еще играет значительную роль в механизме удержания преступности на низком уровне (Сасаки Есидайдо) – результат высокой приспособляемости традиционной системы социализации делинквентной молодежи.

Изучение факторов, влияющих на делинквентное поведение подростков в Японии, показало, что главные институты социализации подростков – семья, школа, досуговая сфера, сфера труда – уже не удовлетворяют потребностям молодого поколения. Рассогласованность воздействия приводит к противоречивым требованиям по отношению к подрастающему поколению, что значительно затрудняет процесс усвоения подростком норм и требований общества.

Социальный контроль в отношении делинквентного поведения подрастающего поколения должен строиться не только на приоритетах восстанавливающей юстиции. Жесткая реакция общества как проявление социального контроля, а также оказание психологической и медицинской помощи – едва ли не главные составляющие единой системы альтернативных мер для скорейшей реинтеграции подростков в общество.

Учитывая среднюю составляющую по преступности старшего поколения и молодежи, а также демографическую ситуацию в социальной системе Японии, можно с высокой степенью уверенности сказать, что долго- и среднесрочные тенденции развития этих возрастных групп не ослабевают.

Нельзя не согласиться с Ф. Фукуямой, отмечающим, что для понимания всплеска преступности скорее имеет значение не уровень наказания, а изменения в таких общественных институтах, как семья, отношения с близкими; суть этих изменений – в падении уровня общественного доверия, в растущей разобщенности и уменьшении способности людей к совместным действиям [3, с. 52–54].

В этом отношении особого оптимизма у самих японцев немного, ибо, по словам Х. Мураками, «когда дело касается вопроса, как социально выявить каждое отдельное усилие, по-прежнему будет царить полная растерянность. Это – особенность Японии» [5, с. 271]. И потому писатель, несомненно, прав, когда указывает, что «чем здоровее нация, тем сильнее наша ответственность за таких людей». С точки зрения криминологии важнее другое – динамика делинквентного поведения молодежи и стариков в современной «стареющей» Японии демонстрирует не столько национальные особенности, сколько закономерности, с которыми столкнутся все развитые страны и, несомненно, в ближайшие годы – Россия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. White Paper on Crime. 2010 [Electronic resource]. – Access: <http://hakusyo1.moj.go.jp/en/59/nfm/mokuju.html>.
2. White Paper on Science and Technology, 2000. – Tokyo, 2002.
3. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.
4. Пудовочкин, Ю. Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинфо, 2011. – 144 с.
5. Мураками Харуки. Край обетованный : пер. с яп. / Харуки Мураками. – М. : ЭКСМО, 2013. – 255 с.

REFERENCES

1. White Paper on Crime. 2010. Available at: <http://hakusyo1.moj.go.jp/en/59/nfm/mokuju.html> (accessed 20 March 2014).
2. White Paper on Science and Technology, 2000. Tokyo, 2002.
3. Fukuyama F. *Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. The social virtues and the path to prosperity]. Moscow: ACT Publ., 2004. 730 p.
4. Pudovochkin Yu. E. *Kriminologicheskie problemy v sovremennoi sotsial'no-politicheskoi i filosofskoi literature* [Criminological problems of the modern socio-political and philosophical literature]. Moscow: Yurlitinfo Publ., 2011. 144 p.
5. Murakami Kharuki. *Krai obetovannyi* [The Promised Land]. Moscow: EKSMO Publ., 2013. 255 p.

Бондаренко Анна Валентиновна, соискатель кафедры конституционного и административного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.
E-mail: bondarenko.a2011@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЖАЛОБА В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В силу закона в Республике Корея (РК) можно выделить два вида конституционной жалобы в зависимости от оснований ее подачи. Тем не менее, в процессе осуществления Судом своей деятельности выделились несколько дополнительных видов жалоб, что позволило в более полной мере обеспечить защиту основных прав граждан, гарантированных Конституцией. На основании проведенного анализа практики Конституционного Суда

РК автором выделены следующие виды конституционных жалоб: конституционная жалоба на нарушение основных прав законами или их отдельными положениями до применения в деле; конституционная жалоба на решение суда общей юрисдикции; конституционная жалоба на отказ суда общей юрисдикции в проверке конституционности закона; конституционная жалоба на бездействие законодателя (неосуществление законодательных полномочий); конституционная жалоба на акты подзаконного нормотворчества исполнительной власти.

Судебная статистика в Корее демонстрирует достаточно высокий процент решений, удовлетворяющих конституционные жалобы. Несмотря на критические замечания в его адрес относительно некоторых решений, Суд за период своей деятельности завоевал доверие и поддержку граждан. Деятельность Конституционного Суда РК внесла большой вклад в изменение общественного отношения к Конституции и государственной власти, и развитие института конституционной жалобы свидетельствует о возрастающей роли Суда в дальнейших демократических преобразованиях.

Ключевые слова: конституция, Конституционный Суд, конституционализм, конституционное правосудие, Республика Корея.

Anna V. Bondarenko, PhD candidate, Constitutional and Administrative Law Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: bondarenko.a2011@yandex.ru

CONSTITUTIONAL COMPLAINT WITHIN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE REPUBLIC OF KOREA

The system of constitutional control in the modern world considered to be divided into 2 types each one reflecting a different historical background. The first is the American model of judicial review, in which the authority to control the constitutionality of the State's actions belongs to the courts of general jurisdiction (so called decentralized system). Another one is the centralized model (European), in which the constitutional authority to control are concentrated in the hands of a specialized body separate from the ordinary courts. Currently, the Republic of Korea has a system of constitutional control which can be formally attributed to the second type. However, the peculiarities of the Korean law allow us to consider it as a mixed system of constitutional control because of the influence of different legal systems in certain periods of Korean development.

In this paper the author, indicates that there are two types of constitutional complaint depending on the grounds of its filing stipulated by Korean law. Nevertheless, despite the formally existing two kinds of constitutional complaint, the Court's jurisprudence indicates there are additional types of complaints, which

enhance the protection of the fundamental rights of citizens guaranteed by the Constitution. Based on the analysis of the Court's jurisprudence the author identified and characterized in detail the following types of constitutional complaints: constitutional complaint against the violation of fundamental human rights or the application of these rights to certain parts of the case; constitutional complaint against the decision of a court of general jurisdiction; constitutional complaint against a court of general jurisdiction refusal to check the constitutionality of a law; constitutional complaint against legislative omission (failure to execute legislative powers); constitutional complaint against acts of executive rulemaking.

Court statistics in Korea shows a high percentage of the Constitutional Court's decisions satisfying constitutional complaints. Despite the public criticism on some decisions, for the period of its activity the Court has won the trust and support of citizens. Activities of the Constitutional Court of the Republic of Korea have made a great contribution to the change in public attitude towards the Constitution and the government. The development of the institution of constitutional complaint demonstrates the growing role of the Court in further democratic reforms.

Key words: constitution, Constitutional Court, constitutional justice, constitutionalism, Republic of Korea.

Система конституционного контроля в современном мире может быть охарактеризована двумя видами, каждый из которых отражает различные исторические традиции. Система децентрализованного типа – американская модель судебного контроля, в которой полномочия по контролю конституционности действий государства принадлежит судам общей юрисдикции. Централизованная модель – европейская, в которой полномочия по конституционному контролю сконцентрированы в руках специализированного органа, отдельного от судов общей юрисдикции. В настоящее время в Республике Корея (РК) действует система конституционного контроля, которую формально можно отнести ко второму типу, поскольку конституционный контроль осуществляет специализированный орган – Конституционный Суд. Тем не менее, особенности развития корейского права позволяют говорить скорее о смешанной системе конституционного контроля по причине влияния разных правовых систем в определенные периоды времени.

На протяжении веков РК находилась под влиянием конфуцианской государственно-правовой культуры. В период колониального господства Японии первая рецепция романо-германского права в Корею произошла «опосредованно», через введение японского законодательства, и основные особенности европейского права, даже после достижения Кореей независимости, сохранились во многих правовых отраслях и институтах. В результате деятельности американской военной администрации в послевоен-

ный период правовая система Кореи заимствовала элементы правовой системы США, которые также стали частью современной правовой системы Республики.

Полномочия по конституционному контролю законодательства в Корее передавались различным органам в разные исторические периоды – Конституционному Комитету, Конституционному Суду, Верховному Суду, и каждый из них представлял собой сочетание элементов систем конституционного контроля США и Германии в том или ином соотношении. Но ни один из них не стал истинным защитником идеалов Конституции и, соответственно, не добился доверия и поддержки граждан страны, оставаясь защитником Конституции исключительно на бумаге.

Иного результата ожидать было невозможно, поскольку насильственная трансплантация в традиционно конфуцианскую правовую и культурную среду чуждых по духу концепций и принципов приводила к их отторжению обществом и разочарованию населения в соответствующих институтах по причине их бездействия [1, с. 485].

Демократические изменения в Корее начались 29 июня 1987 г., когда Ро Тэ Ву, кандидат в Президенты от правящей партии, объявил Декларацию демократических реформ («Июньская Декларация»). Результатом стали поправки в Конституцию. Одной из них было положение о создании Конституционного Суда в качестве отдельного органа конституционного контроля, действующего в РК по настоящее время [2]. Решение стало результатом политического компромисса партий большинства и оппозиции. Партия оппозиции настаивала на создании Конституционного Суда на основе европейской модели, разочаровавшись в неэффективной деятельности его предшественника – Конституционного Комитета, партия большинства не возражала, обменяв свое согласие на определенные уступки и привилегии. В итоге Конституционный Суд был создан в целом по образу и подобию Федерального Конституционного Суда Германии, но этому не предшествовал необходимый в данном случае предварительный анализ особенностей, возможности и последствий внедрения данной системы в специфическую корейскую среду.

Конфуцианское традиционное общество считается неподходящей средой для трансплантации демократических принципов и институтов, поскольку конфуцианство являлось в прошлом официальной идеологией монархии [3, р. 194], однако благодаря именно этой прочной культурной основе развитие демократических преобразований в РК характеризуется большей стабильностью, чем в других странах переходного периода с разрушенной системой традиций и ценностей.

Одним из условий формирования демократического общества является создание гарантий прав и свобод человека, т.е. средств, с помощью которых гражданин может обеспечить реальную защиту своих прав, преду-

смотренных Конституцией и законодательством. Именно таким особым средством защиты конституционных прав и свобод личности и является конституционная жалоба – особый институт, сформировавшийся с появлением органов конституционного контроля в большинстве стран с демократическим режимом.

В системе конституционного правосудия РК, как и в Российской Федерации, также имеется институт конституционной жалобы, и более детальный его анализ представляет особый интерес с учетом частичного сходства процессов демократических преобразований в России и Корее в течение последних десятилетий.

Рассмотрение конституционных жалоб является одним из полномочий Конституционного Суда согласно ст. 2 Закона о Конституционном Суде, и поскольку конституционная жалоба является жизненно важным для общества средством защиты основных прав и свобод, вопросы реализации этого полномочия достаточно активно обсуждаются в корейской правовой среде.

Основания для подачи жалоб изложены в ст. 68 Закона. Согласно ее ч. 1, «лицо, чье основное право, гарантированное Конституцией, нарушено путем осуществления или неосуществления государственной власти, за исключением решений судов общей юрисдикции, может подать конституционную жалобу в Конституционный Суд. Если иные законы предусматривают средства судебной защиты, конституционная жалоба не может быть подана без предварительного их использования».

Таким образом, Закон разрешает подачу конституционных жалоб на нарушения основных прав, вызванные осуществлением или неосуществлением государственных полномочий. Данным положением не допускается подача жалоб на решения судов общей юрисдикции первой инстанции и предусматривается необходимость предварительного прохождения всех инстанций, если применение существующих законов позволяет получить надлежащую правовую защиту.

В части 2 той же статьи предусмотрено еще одно основание подачи конституционной жалобы – отказ суда общей юрисдикции в направлении запроса о проверке конституционности закона или его положения до применения к рассматриваемому делу. Такая жалоба считается конституционной жалобой, но в итоге она сводится лишь к проверке конституционности закона, а не к обжалованию какого-либо закона или действия органов государственной власти [4, p. 140].

Тем не менее, несмотря на формально существующие два вида конституционной жалобы в зависимости от оснований ее подачи, в процессе осуществления Судом своей деятельности выделились несколько дополнительных видов жалоб, что позволило в более полной мере обеспечить защиту основных прав граждан, гарантированных Конституцией.

1. Конституционная жалоба на нарушение основных прав законами или их отдельными положениями до применения в деле

В данном случае основанием для подачи конституционной жалобы является сам факт принятия закона, который в целом или отдельное его положение нарушает основные права, даже если данный закон или его положение не применяется в конкретном деле. В данном случае принятие закона рассматривается Судом как факт реализации государственных (законодательных) полномочий, который может быть обжалован в соответствии со ст. 68 (1) Закона.

Данная категория жалоб составляет значительный процент от их общего числа, и некоторые решения Суда вызывали определенный общественный резонанс, поскольку затрагивали вопросы национальной важности. Одним из наиболее заметных решений в этой категории стало решение Конституционного Суда по вопросу переноса столицы РК.

Во время предвыборной кампании кандидат в президенты Ро Му Хен в качестве основного пункта своей предвыборной программы внес на рассмотрение Национального Собрания проект закона «О создании новой административной столицы», чтобы получить правовые основания для переноса столицы из Сеула в район Чунчонг на западе Кореи. Национальное Собрание приняло закон, и 1 января 2004 г. он был опубликован. 22 министерства и 3 офиса административных органов центрального правительства должны были переехать в новую административную столицу в район Йонгжи-Гонгжу, город Дэджонг в провинции Чунчонг. Противники переноса столицы обратились в Конституционный Суд с жалобой, считая закон неконституционным, поскольку, по их мнению, переносу столицы государства должно предшествовать внесение изменений в Конституцию на основании результатов референдума. Заявители считали, что были нарушены их основные права, в частности, право голосовать на референдуме и права налогоплательщиков, т.к. референдум проведен не был, а средства от налоговых отчислений в бюджет, требующиеся для переноса, не могли быть потрачены в целях, не соответствующих Конституции. Конституционный Суд признал Закон неконституционным [5], отметив, что из данного Закона вытекает нарушение основного права граждан голосовать на референдуме в соответствии со ст. 130 Конституции, предусматривающей процедуру внесения в нее поправок.

Свое решение Суд мотивировал тем, что, несмотря на отсутствие в Конституции отдельного положения «О столице», тот факт, что Сеул является столицей уже 600 лет, позволяет говорить о конституционном обычае как о части неписаной Конституции [6, р. 353]. Поэтому, по мнению Суда, в целях перемещения столицы из Сеула было необходимо не просто принять Закон, а внести поправки в Конституцию и провести национальный референдум, являющийся частью данной процедуры, и любой закон, при-

нятый в нарушение соответствующей процедуры, следует считать неконституционным [4, p. 104].

План переноса столицы являлся ключевым пунктом предвыборной кампании Ро Му Хена, сторонника «сбалансированного социально-экономического развития» страны. Промышленные объекты и трудовые ресурсы были сконцентрированы в основном в районе Сеула, разница в социально-экономическом развитии центра и провинций была существенной, и посредством перемещения значительной части правительства Ро Му Хен собирался частично сократить этот разрыв. Суд лишил Ро Му Хена точки опоры, заявив об отсутствии правовых оснований для реализации предвыборного обещания, определившего его избрание, и своим решением продемонстрировал намерение защищать основные права граждан и Конституцию, несмотря на статус потенциальных нарушителей конституционного порядка.

Конституционный Суд рассматривает жалобы граждан не только на законы, принятые Национальным Собранием, но и на международные договоры, которые становятся частью ее правовой системы после утверждения Национальным Собранием и ратификации согласно ст. 60 ч. 1 и ст. 73 Конституции Республики Корея. В соответствии со ст. 6 ч. 1 Конституции международные договоры, должным образом заключенные и опубликованные, имеют ту же силу, что и внутренние законы. Поэтому заключение международного договора является актом нормотворчества с теми же правовыми последствиями, что и у внутренних норм, и является примером реализации государственных полномочий.

28 ноября 1998 г. Корея и Япония подписали новое Соглашение о Рыболовстве, согласно которому были определены границы 200-мильных экономических зон и нейтральных вод. По новому Соглашению в нейтральных водах оказались острова Токдо, самая восточная часть территории Кореи, которая по старому Соглашению находилась в ее территориальных водах. Граждане Кореи, ранее занимавшиеся выловом рыбы у этих островов, подали конституционную жалобу, считая подписание нового Соглашения нарушением их территориальных прав.

Суд принял жалобу к рассмотрению, хотя в итоге ее не удовлетворил за отсутствием факта нарушения основных прав. Однако в решении отметил, что изменение границ территории государства, определенной в ст. 3 Конституции, может в дальнейшем вызвать изменения в социально-правовой среде, что в результате приведет к нарушению основных прав и свобод граждан [7].

2. Конституционная жалоба на решение суда общей юрисдикции

Конституционная жалоба может быть подана на решение суда общей юрисдикции, несмотря на положение ч. 1 ст. 68 Закона о Конституционном Суде (ЗКС) – об исключении решений судов общей юрисдикции из пред-

мета конституционной жалобы. С момента объявления Конституционным Судом соответствующего закона или его положения неконституционным закон или его положение теряет силу согласно ст. 47 ЗКС, и суды обязаны действовать в соответствии с решением Суда и не применять данный закон или его положение к рассматриваемому делу.

Если суд применяет закон, объявленный Судом неконституционным, и тем самым нарушаются основные права гражданина, данное решение может быть предметом конституционной жалобы, что демонстрирует пример из конституционной практики.

24 декабря 1997 г. Конституционный Суд постановил, что в случае нарушения прав граждан в результате непризнания судом общей юрисдикции обязательной силы решений о частичном соответствии или несоответствии закона или его положения Конституции и применения в деле определенного толкования закона, объявленного Судом неконституционным, решение суда общей юрисдикции может быть предметом конституционной жалобы, несмотря на положение ст. 68 ч. 1 ЗКС [8]. Конституционный Суд признал конституционность положения ст. 68 ч. 1 Закона, но одновременно отметил, что отсутствие обязанности у судов общей юрисдикции выполнять решения Конституционного Суда относительно конституционности законов означало бы наличие у них независимых полномочий по контролю законодательства, что противоречит положениям Конституции, которые наделяют окончательными полномочиями Конституционный Суд. Таким образом, если решение суда общей юрисдикции нарушает конституционные права граждан путем отрицания обязательной силы решений Конституционного Суда о частичной конституционности или частичной неконституционности закона или его положения соответственно, Конституционный Суд отменяет подобное решение суда общей юрисдикции в целях защиты Конституции.

3. Конституционная жалоба на отказ суда общей юрисдикции в проверке конституционности закона

Согласно ст. 107 ч. 1 Конституции и ст. 41(1) ЗКС, суд общей юрисдикции по своей инициативе или по ходатайству одной из сторон рассматриваемого дела может обратиться с запросом в Конституционный Суд о проверке конституционности закона или его положения до применения и вынесения решения по рассматриваемому делу в соответствии с решением Конституционного Суда. В данном случае запрос направляется в Верховный Суд, откуда передается в Конституционный Суд согласно ст. 41 ч. 5 Закона. Тем не менее на протяжении всего периода существования органов конституционного контроля в Корее в том или ином виде суды общей юрисдикции очень редко направляли запросы о проверке конституционности законов или их положений, несмотря на ходатайства сторон [3]. Чтобы избежать повторения подобной практики, в ст. 68 ч. 2 Закона предусматри-

вается, что любая из сторон в рассматриваемом судом общей юрисдикции деле может самостоятельно обратиться в Конституционный Суд с соответствующей жалобой для получения заключения о конституционности применяемого в деле закона или положения, если ходатайство стороны об обращении в Конституционный Суд для проверки конституционности применяемого в деле закона или его положения отклоняется судом.

Такой вариант возможен в случае, если суд общей юрисдикции самостоятельно не обращается в Конституционный Суд с ходатайством о проверке конституционности применяемого в деле закона или его положения, даже при наличии обоснованных сомнений в соответствии Конституции применяемых закона или положения.

4. Конституционная жалоба на бездействие законодателя

Наряду с конституционными жалобами на нарушения основных прав граждан законами или их отдельными положениями, являющимися результатом осуществления законодателем своих полномочий, выделяется особый вид конституционных жалоб на бездействие законодателя (неосуществление законодательных полномочий).

11 января 1989 г. Суд в первый раз принял конституционную жалобу на бездействие законодателя [9]. Военная Администрация США 7 мая 1947 г. издала Приказ № 75 об объединении железных дорог, согласно которому собственность (пути и подвижной состав) частных железнодорожных компаний изымалась с выплатой компенсации и передавалась государственной компании. Собственник компании «Чосан» не получил компенсации, предусмотренной Приказом, поскольку данный Приказ был впоследствии отменен соответствующим Законом и выплата компенсаций была прекращена. Заявитель подал конституционную жалобу на бездействие законодателя – непринятие им закона, предполагающего компенсационные выплаты в случае отчуждения имущества.

Своим решением от 29 декабря 1994 г. Суд признал неконституционным непринятие закона о порядке выплаты компенсации, и отметил, что основанием для подачи конституционной жалобы может быть:

- а) непринятие законодателем законов вопреки требованию Конституции принимать законы в целях защиты прав граждан,
- б) невыполнение следующей из истолкования Конституции при рассмотрении конкретного дела обязанности принимать соответствующие законы для защиты прав конкретных лиц.

Суд отметил, что жалоба на законодательное бездействие может быть подана в любое время без ограничения сроков подачи.

Развивая указанную правовую позицию, в октябре 1996 г. Конституционный Суд выделил две категории законодательного бездействия: «истинное», где законодатель не принимает никаких действий, несмотря на конституционно определенные обязанности; «псевдо» бездействие, когда за-

конодатель принял какие-либо законы, но в них имеются дефекты, неадекватности, несправедливость по существу, объему или механизму законодательного регулирования вопроса [10]. Суд постановил, что в конституционной жалобе на «псевдо» бездействие законодателя должны быть изложены определенные нарушения конституционных положений и принципов, как, например, нарушение принципа равенства, и жалоба должна быть подана в определенные сроки, установленные ЗКС.

Однако, разрешив подачу конституционных жалоб на бездействие законодателя, Суд постановил, что конституционная обязанность осуществлять законодательную власть может вытекать из толкования Конституции только в исключительных случаях. Прежде чем законодательное бездействие станет предметом рассмотрения в Суде, конституционная обязанность осуществлять законодательную власть должна быть установлена и должна быть ограничена настолько, насколько возможно рамками недвусмысленных текстовых формулировок.

5. Конституционная жалоба на акты подзаконного нормотворчества исполнительной власти

Конституционная жалоба может быть подана и в отношении нормативных актов органов исполнительной власти, несмотря на то, что в Конституции имеется положение, исключающее данные акты из предмета конституционных жалоб.

15 октября 1990 г. Конституционный Суд вынес решение в деле о рассмотрении конституционной жалобы в отношении Правил проведения экзамена согласно п. 4 ч. 2 Закона об Аттестации Судебных Стряпчих. Согласно Закону, экзамен регулярно назначается и проводится должностным лицом Верховного Суда. Но в соответствии с п. 3 (1) Правил, утвержденных Верховным Судом, экзамен проводится, «если имеется необходимость в судебных стряпчих». Заявитель не мог сдать экзамен, т.к. он не проводился по причине «отсутствия необходимости», и подал конституционную жалобу на основании нарушения его права на равенство перед законом и свободу выбора профессии. Конституционный Суд жалобу удовлетворил и постановил, что если конституционные права лица нарушены данным законом или его положением до непосредственного применения, лицо может подать конституционную жалобу без прохождения всех предыдущих инстанций [11]. Суд указал, что предмет конституционной жалобы не ограничивается законами, принятыми законодателем, но также распространяется и на акты подзаконного административного нормотворчества, если они прямо нарушают конституционные права граждан. Это решение стало прецедентом.

Со временем сформировалась устойчивая прецедентная практика, на основании которой к рассмотрению принимаются конституционные жалобы на нормативно-правовые акты исполнительной власти, конституцион-

ность которых не оспаривается в суде общей юрисдикции. Согласно ст. 107 ч. 2 Конституции полномочиями проверять конституционность нормативных актов органов исполнительной власти обладает Верховный Суд, но такая проверка возможна только в случае, если конституционность данных актов является необходимым предварительным условием для решения конкретного дела. Поэтому, если данные акты нарушают конституционные права граждан, но не применяются в конкретном рассматриваемом деле, их конституционность не проверяется в обязательном порядке. Другими словами, решение обычного суда о несоответствии акта конституции имеет результатом неприменение данного акта к рассматриваемому делу, но не лишает силы сам нормативный акт. В этой связи решение о неконституционности, принятое обычным судом, отличается от аналогичного решения Конституционного Суда, которое лишает силы неконституционный акт. Однако в Конституции не содержится четких формулировок, определяющих, чье мнение будет окончательным при расхождении в толковании Конституции между Верховным и Конституционным Судами. Этот дуализм не только приводит к конфликтным ситуациям, но и подрывает единообразие и прочность конституционного порядка. Более того, по мнению исследователей, полномочие Верховного Суда проверять подзаконное административное нормотворчество может серьезно подорвать функцию конституционной жалобы, исключив из ее предмета практически все нормативные акты органов исполнительной власти, которые потенциально могут нарушить права индивида.

Корейские правоведы [12] предлагают рассмотреть два варианта решения данной проблемы:

- 1) Верховный Суд сохраняет полномочия проверять конституционность подзаконного административного нормотворчества, но решения Верховного Суда относительно данных актов могут быть обжалованы с помощью конституционных жалоб.

- 2) Соответствующий суд общей юрисдикции обращается в Конституционный Суд с ходатайством о проверке конституционности данного акта и действует в соответствии с ответом, как и в случае проверки законов, когда в суде рассматривается конституционность подзаконных административных актов или действий.

За весь период своей деятельности Конституционный Суд способствовал расширению предметной сферы конституционной жалобы и упрощению процедуры ее подачи. 7 декабря 1988 г. Суд постановил, что конституционная жалоба может быть подана на отказ прокурора от обвинения, даже если такое решение не может быть обжаловано в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса.

С этого момента конституционные жалобы на отказ прокурора от обвинения составляли значительный процент от общего количества дел, при-

нятых Судом к рассмотрению. Что еще более важно, это привело к ограничению злоупотреблений прокурорской властью в форме произвольных решений о не преследовании. С принятием такого решения Конституционный Суд значительно преуспел в предоставлении правовой защиты жертвам уголовных преступлений, но вместе с тем возросло и количество жалоб на отказ прокурора от обвинения.

Законодатель учел правовую позицию Суда и внес соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, который вступил в силу 1 января 2008 г. В соответствии с его ст. 260 ч. 1 все лица, подавшие заявления о возбуждении уголовного дела, имеют право оспорить отказ прокурора от обвинения в совершении преступления независимо от вида преступления. Данная апелляция может быть подана в суд общей юрисдикции.

Что касается конституционного контроля актов чрезвычайной политической важности, то, по мнению Суда, в соответствии с политической доктриной страны конституционный контроль государственных актов высокой политической важности, определяющих основные направления развития государства, должен быть ограничен. Относительно недавно, 29 апреля 2004 г., Суд постановил, что согласие Национального Собрания на решение о размещении корейских Вооруженных сил за рубежом было примером законодательного акта, не подлежащего проверке Судом. В ответ на конституционную жалобу на решение правительства отправить корейских солдат в Ирак Суд заявил, что это решение высокой политической важности, принятое Президентом и Национальным Собранием. Поскольку данный указ подписан и утвержден согласно положениям Конституции и других Законов, Суду, по его мнению, следовало воздержаться от проверки данного акта с использованием исключительно юридических методов, имея ограниченное количество необходимых источников информации [13].

Конституционная жалоба может быть подана только в случае наличия факта нарушения «законно охраняемого права», иначе она будет отклонена. Однако за период производства по делу о рассмотрении жалобы обстоятельства дела могут измениться, и если основание для подачи жалобы исчезает за время рассмотрения дела в силу изменений либо в обстоятельствах, либо в законодательстве, процесс производства прекращается, жалоба теряет силу и отклоняется. В целях защиты конституционного порядка Суд признал определенные исключения, когда конституционная жалоба может быть подана даже после исчезновения оснований ее подачи.

В июле 1991 г. при рассмотрении конституционной жалобы, содержащей ходатайство об отмене запрета полицейского органа на встречу заключенного со своим адвокатом, Суд заявил, что в определенных случаях следует проверить конституционность действия, даже если факт нарушения уже не существует. К данной категории относятся дела, где решения по существу являются важными для защиты и сохранения конституционного

порядка, или дела о таких нарушениях, которые с большой вероятностью могут повториться в будущем. Решения в таких делах стали частью прецедентов, установленных Судом [14].

С начала деятельности Суда (сентябрь 1988 г. – декабрь 2008 г.) по ст. 68 (1) было подано 14 368 жалоб, рассмотрена 13 961 жалоба, 407 дел находилось в производстве; за исключением 399 жалоб, отозванных сторонами, и 7 514 отклоненных в период предварительного рассмотрения, Суд рассмотрел 6 048 жалоб по существу. В 389 случаях Суд удовлетворил жалобы, что составляет 6% от рассмотренных дел.

По ст. 68(2) было подано 1619 жалоб, отозвано 45, отклонено на предварительном рассмотрении 424, по 238 жалобам принято решение о неконституционности, что составляет 15 % от числа рассмотренных жалоб по данной статье, и в 911 случаях было принято решение о конституционности.

Приведенная статистика демонстрирует достаточно высокий процент решений, удовлетворяющих конституционные жалобы, с учетом снижения количества жалоб в 2008 г. после принятия нового Уголовно-процессуального Кодекса. Несмотря на критические замечания в свой адрес относительно некоторых решений, Суд за период своей деятельности завоевал доверие и поддержку граждан. Деятельность Конституционного Суда Республики Корея внесла большой вклад в изменение общественного отношения к Конституции и государственной власти, и развитие института конституционной жалобы свидетельствует о возрастающей роли Суда в дальнейших демократических преобразованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : НОРМА, 2010. – 543 с.
2. Constitution of the Republic of Korea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
3. Chaihark Nahm. Conceptualizing Korean Constitutionalism: Foreign Transplant or Indigenous Tradition? // Journal of Korean Law. – 2001. Vol. 1, no 2. – P. 151–196.
4. Dae-Kyu Yoon. Law and Democracy in South Korea – 1987–2007 : Democratic Development from a Legal Perspective / IFES. – Seoul : Kyungnam University, 2009.
5. Decision on constitutional complaint 21.10.04. № 554 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
6. Constitutional Court Decisions. Vol. 1 : (1998-2004). – Seoul : The Constitutional Court of Korea, 2006. – 972 p.
7. Decision on constitutional complaint [Электронный ресурс]. – 2001. – 21 марта. – № 139. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.

8. Decision on constitutional complaint 24.12.97. № 172 [Электронный ресурс] // The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
9. Decision on constitutional complaint 29.12.94. № 2 [Электронный ресурс] // The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
10. Decision on constitutional complaint 31.10.96. № 258 [Электронный ресурс] // The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
11. The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
12. Kun Yang. The Constitutional court in the Context of Democratization: The Case of South Korea // *Verfassung und Recht in Übersee*. – 1998. – Vol. 31. – P. 161.
13. Decision on constitutional complaint 29.04.04. № 814 [Электронный ресурс] // The first twenty years of the Korean Constitutional Court. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.
14. Decision on constitutional complaint 8.07.91. № 181 [Электронный ресурс] // The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001. – Режим доступа: www.ccourt.go.kr.

REFERENCES

1. Zor'kin V.D. *Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiya* [Contemporary World, Law and Constitution]. Moscow: NORMA Publ., 2010. 543 p.
2. *Constitution of the Republic of Korea*. Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).
3. Chaihark Hahm. Conceptualizing Korean Constitutionalism: Foreign Transplant or Indigenous Tradition? *Journal of Korean Law*, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 151–196.
4. Dae-Kyu Yoon. *Law and Democracy in South Korea – 1987-2007: Democratic Development from a Legal Perspective*. IFES. Seoul: Kyungnam University, 2009.
5. *Decision on constitutional complaint 21.10.04. № 554*. Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).
6. *Constitutional Court Decisions*. Vol. 1: (1998-2004). Seoul: The Constitutional Court of Korea, 2006. 972 p.
7. *Decision on constitutional complaint 21.03.01. № 139*. Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).
8. *Decision on constitutional complaint 24.12.97. № 172. The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea. Seoul, 2001*. Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

9. *Decision on constitutional complaint 29.12.94. № 2. The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001.* Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

10. *Decision on constitutional complaint 31.10.96. № 258. The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul.* Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

12. *The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001.* Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

13. Kun Yang. The Constitutional court in the Context of Democratization: The Case of South Korea. *Verfassung und Recht in Übersee*, 1998, vol. 31, p. 161.

14. *Decision on constitutional complaint 29.04.04. № 814. The first twenty years of the Korean Constitutional Court.* Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

15. *Decision on constitutional complaint 8.07.91 № 181. The first ten years of the Korean Constitutional Court. Decisions. The Constitutional Court of Korea, Seoul, 2001.* Available at: www.ccourt.go.kr (accessed 4 April 2014).

Сонг Вей, профессор, директор Юридического института Китайского университета науки и технологии, г. Хэфей, КНР. E-mail: crimlaw@rambler.ru

**ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
В СФЕРЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ
(опыт и методики Юридического института
Китайского университета науки и технологии)**

С углублением развития знания, экономики и экономической глобализации интеллектуальная собственность стала стратегическим ресурсом национального развития и основополагающим фактором международной конкурентоспособности; также она является ключевым звеном в создании инновационно-ориентированного государства и контроле над его развитием. В связи с этим USTC поставили перед собой задачу изменить способ подготовки специалистов в области интеллектуальной собственности на основе пяти характеристик, четырех комбинаций и двух измерений.

Эти пять характеристик включают в себя: национальную образовательную базу по подготовке в сфере интеллектуальной собственности; инновационную подготовку персонала, семинар Китайской Академии наук USTC Lenovo, национальную образовательную базу по авторскому праву; национальные центры тестирования патентных поверенных.

Четыре комбинации:

- Китай и глобальный мир (использование ресурсов зарубежных университетов, сотрудничество в образовании);
- теория в сочетании с практикой (активное поощрение выпускников в практической деятельности, а также теоретических исследованиях);
- сочетание тематических занятий и лекций;
- обучение специальным знаниям по инновационным методикам.

В качестве первого из двух измерений развития автор называет направление «В Новую Эру» (программы обучения основаны на современных подходах и современной ситуации в Китае, ориентированности на потребности социально-экономического развития).

Второе измерение – «В Новое Будущее» (развитие прогрессивной мысли и освоение инновационного бизнеса, подготовка лидеров и элит в предпринимательстве, приспособление к мировому развитию и социальным нуждам).

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, международное сотрудничество в образовании, Китай, Lenovo, USTC.

Song Wei, Professor and Director, Law Institute, University of Science and Technology of China, Hefei, PRC. E-mail: crimlaw@rambler.ru

INTELLECTUAL PROPERTY LAW TRAINING PROGRAM FOR THE PROFESSIONALS: THE EXPERIENCES AND METHODS OF USTC LAW INSTITUTE

With the in-depth development of knowledge economy and economic globalization, intellectual property has become the strategic resource of national development and the core essential factor of international competitiveness; it is also the key to build an innovation-oriented country and grasp a development initiative. Therefore, the law institutions in USTC explore altering the ways of training intellectual property professionals based on the five characteristics, four combinations and two dimensions.

These five characteristics include: The National Intellectual Property Training Base; Innovative Personnel Training Base, Hefei-Wuhu-Bengbu Comprehensive Reform Pilot Area for Independent Innovation; USTC Lenovo Seminar of Chinese Academy of Sciences; National Copyright Education Base; National Patent Attorneys Test Sites.

Four combinations: China combined with the Global (using overseas universities resources; cooperation in education); Theory combined with Practice (actively encouraging the graduate students to strengthen the practice exercise as

well as the theory study); The Topic Classes combined with Lectures; Skills Training combined with Innovative Models.

The first dimension formulated by the author is Towards the New Era (the training programs were based on today's world and China's basic reality and focused on the needs of social and economic development). The second dimension is called Towards the Future (developing forward-thinking and pioneering innovative entrepreneurs, leaders and industry elites, adaptation to the world's development and the social needs).

Key words: Intellectual Property Law, international cooperation in education, China, Lenovo, USTC.

With the in-depth development of knowledge economy and economic globalization, intellectual property has become the strategic resource of national development and the core essential factor of international competitiveness, also it is the key to build an innovation-oriented country and grasp development initiative. By using the intellectual property system and policy to maintain technological advantage, trade benefit and core competitiveness is an important tool of modern state to promote economic development and cultural innovation of science and technology, still more it has become the development strategy of emerging countries to enhance their core competitiveness and keep pace with developed countries. Therefore, it has great significances to the economic development of the world when training the ability of IP creation, utilization, and protection, then improve the social consciousness of intellectual property. So the law institutions in USTC explore a characteristics way of training intellectual property professionals based on the five characteristics, four combination and two dimensions.

1. Five characteristics

(1) The National Intellectual Property Training Base

On May 23, 2009, the Anhui intellectual property training base was established by the Anhui intellectual property office and the University of Science and technology of China. It undertake the task of Intellectual property professional training, use a variety of training methods to diffuse knowledge of intellectual property, at the same time provide system, standard and high level training to intellectual property professional.

After its establishment, the delegation of the European Patent Office, experts in the field of intellectual property from United States, and State Intellectual Property Office of the People's Republic of China and more than 20 institutions, more than 30 teams visit the Base. It has successfully held more than 110 activities, such as the training course for intellectual property enterprises in Anhui, the patent administrative law enforcement training course in Anhui, the patent engineer training course, the training course for Suzhou industrial park, advanced

workshop of patent theory and practice of Zhengzhou city, summer school of frontier theory and practice of intellectual property, etc.

In October 2009, we held the judicial protection of network copyright international symposium on theory and practice together with the international federation of the phonographic industry (IFPI). The international patent applications (PCT) advanced training course which was sponsored by the WIPO and SIPO and organized by our base has successfully held in July 2010, this is the first time that the world intellectual property organization run international training in Anhui, also the first time that PCT introduced to Anhui. In July 2010, the base has become the national intellectual property training base. On July 5, 2013, the national intellectual property (Anhui) training base won the prize for national excellent base.

(2) Innovative Personnel Training Base, Hefei-Wuhu-Bengbu Comprehensive Reform Pilot Area for Independent Innovation

In October 12, 2009, the opening ceremony of the innovative personnel training base of Hefei-Wuhu-Bengbu comprehensive reform pilot area for independent innovation was held in University of science and technology of china. The main participants of the training are government employers, business executives, and science and technology innovation team, the intermediary service person of the scientific and technological achievements transfer and so on. The base focuses on the intellectual property creation, protection, transformation and other problems during the scientific and technological innovation process. The purpose of the base is to build a bridge of communication among the Industry-university-research through the integration of the resources in Chinese Academy of Sciences, colleges and universities, scientific researches and large enterprise. In the training set up a bridge among industry-university-research, accelerate the transformation of scientific and technological achievements. We have 80 teachers in the base, including professors, lawyers, officials and entrepreneurs; it had comprehensive training for more than 2,000 executives and technology backbone in Hefei, Wuhu and Bengbu, promoted the regional innovation capacity.

(3) USTC Lenovo Seminar of Chinese Academy of Sciences

In 2009, USTC Lenovo Seminar of Chinese Academy of Sciences opened class in University of Science and Technology of China Law Institute, it can deepen the understanding of the technology achievements transformation, help students to master overseas technology transfer policy and the latest trends, improve IPR management level of research institutes, promote technical cooperation between institutes and enterprises, guarantee the rights in technological entrepreneurship, hereby promote research cooperation among industry-university-research vigorously, committed to serving the social and economic development. The seminar will be organized by average 3-4 times each year, and the establishment of science and technology correspondent system, it had training nearly 1,000 people in 4 years, made a good training effect.

(4) National Copyright Education Base

National Copyright Base formerly is Anhui Province Copyright Education Base, it was co-established in July 2009 by the University of Science and Technology of China and Anhui Provincial Copyright Bureau, USTC is responsible for the operation and management, and strive to make it as an important platform of the implementation of the State Intellectual Property outline and cultivating innovative talents. Since its establishment, the base had done great deal of work in the copyright base talent training, academic exchanges copyright, copyright spread propaganda, including copyright law graduate classes, copyright education into universities, creative industry development forum, online copyright knowledge contest, copyright judicial training, digital copyright seminars, software companies copyright protection training, university teachers and research institutes copyright protection staff training, project management training, lectures and other international copyright frontier, and achieved good social effects, effectively played a university social service functions. After assessment and acceptance of the National Copyright Administration, Anhui Province Copyright Education Demonstration Base was awarded the National Copyright Administration Copyright demonstration base title, becoming the first six national demonstration bases, and the only copyright education demonstration theme base in China.

(5) National Patent Attorneys Test Sites

Patent agents are important support of intellectual property system effective functioning. July 2011, under the support of State Intellectual Property Office and the guide of Anhui Provincial Intellectual Property Office, USTC Lab of Law in short period of time to complete the preparatory work of National Qualification Examination for Patent Agents of Anhui test sites, in terms of hardware and software are up to national standards and requirements of test sites. July 13, it became the Anhui first site formally. With the full implementation of the national intellectual property strategy and the gradual deepening, Chinese invention patent in a rapidly growth, the community increasing demand for patent attorneys, many enterprises have invite patent agents urgently. Hefei test site located in USTC, for the construction of innovative Anhui, upgrade Anhui technological innovation is significant; For the implementation of patent strategy, scientific and technological achievements transformation, innovation and social management plays an important role; for USTC applied disciplines and talents training, especially in the professional degree postgraduate training has a positive role in promoting. Meanwhile, the establishment of the test site build a new platform for international scientific and technological exchanges and cooperation in Anhui Province, allowing more Chinese patents go to the world through the PCT system, realize the leap of made in China to create in China, accelerate the formation of international standards highly qualified team of patent attorneys, make new contributions of innovation-oriented country. The test site has fully

equipped facilities, well-ordered test area and test ethos, the entire examination goes well, by the State Intellectual Property Office, Intellectual Property Office of Anhui Province praise.

2. Four Combinations

(1) China combined with the Global

USTC not only takes full advantage of training main position but makes a point of using overseas universities resources to launch cooperation education. In the aspect of legal discipline construction and talent training, USTC made in-depth discussions and cooperated with the University of Washington, University of Leuven, Sydney Institute of Technology and other overseas universities, which effectively achieve resource sharing. USTC pays attention to the introduction of famous overseas experts and scholars of law to conduct collaborative research and teach graduate students. In 2011, 2012, Prof. Takenaka and Prof. Joaquin Herranz, who come from University of Washington, were employed as Course Professors in the USTC and meanwhile both sides reached a preliminary cooperation intention. In 2013, Prof. Frank. Gotzen, the director of Leuven University Intellectual Property Center visited USTC, during his visiting at USTC he also visited Anhui Intellectual Property Office and offered some good suggestions. To further promote the internationalization process, USTC has strengthened the overseas graduate enrollment and training efforts, till now, some graduate students from Czech Republic, Poland, Australia, Malaysia, Pakistan, Egypt, Laos and other countries come to USTC to study or exchanges. As we know, for different cultural background boosts the collision of knowledge sharing, benefits knowledge innovation, which promotes the development of legal disciplines and talent training of the law.

(2) Theory combined with Practice

USTC actively encourages the graduate students to strengthen the practice exercise as well as the theory study. USTC with the Anhui provincial High People's Court, Hefei City Intermediate People's Court, Suzhou City Intermediate People's Court, Tongling City Intermediate People's Court, An Tianxing Law Office, Ruizheng Law Office, Jinsheng Law Office and other firms established the graduate students practice base to strengthen their legal practice and professional skills. Meanwhile, USTC has built China's first patented Institute (in 1985) and the Science and Technology Law Institution (in 1986), USTC encourages graduate students to go into the practice to do legal diagnosis for enterprises. In addition, graduate students spontaneously organized "popularizing-law into the community", "moot court" and other activities. The students in USTC enriched their law experience and improved their ability to deal with the real problems.

(3) The Topic Classes combined with Lectures

USTC opened the related intellectual property law professional and technical training class, held various related intellectual property law forums and lectures, carried out a kind of training called “inviting”. such as the World Intellectual Property Organization PCT training seminar, the Cross-Strait Symposium on Intellectual Property Management, Intellectual Property Forums for Ph.D Candidate. Some other events aim at enhancing the patent engineers’ ability. For some trainees have large tasks, we invited well-known experts, scholars to give them lectures on weekends. We have invited nearly one hundred experts to give lectures and held special symposiums on law, which effectively popularizes knowledge of intellectual property rights to the whole society, nurtures people’s awareness of intellectual property, and laid the ideological foundation for the development of the intellectual property.

(4) Skills Training combined with Innovative Models

To improve students' enthusiasm and initiative, and vigorously promote the development of the training model for the multi-agent cooperation, USTC has established partnerships and build training base with the famous enterprises and institutions including Chery, JAC, Lenovo. To raise students' level of expertise, USTC has created a new mechanism that combined with employment skills training and job skills training. What’s more, USTC has set up Intellectual Property network classroom to facilitate students and has improved the effectiveness and efficiency of the training course with the widely use of information management in class.

3. Two Dimensions

(1) Towards the New Era

In today's world, economic integration has led to closer and closer links between countries. Countries in the world have been integrated into the global economy, and have had increasingly profound impact on the world economy. In the era of knowledge economy and globalization, knowledge is the most important factor of production. It is a consensus that the implementation of intellectual property strategy is critical to the economic development, the enhancing of a country's core competitiveness as well as the international competitive advantage. To study the IP issues, we should have international perspective and local standpoint. Therefore, our training programs were based on today's world and China's basic reality and focused on the needs of social and economic development.

(2) Towards the Future

World is under a period of innovation-driven and transformative development. IP is becoming a core element for promoting a country’s international competitiveness. Likewise, IP is a kind of strategic resources for the sustainable

development of a country or region. Thus, it is an inevitable choice for all the countries that they should vigorously develop and utilize intellectual resources. All in all, developing forward-thinking and pioneering innovative entrepreneurs, leaders and industry elites adapts to the world's development and the social needs.

Куен-чен Фу, директор, Сямыньский университет, Южно-китайский морской институт, профессор права Шанхайского университета Цзяо Тун, главный редактор журнала China Ocean Law Review, магистр права, доктор юридических наук, Университет Вирджинии. г. Шанхай, КНР. E-mail: kuenchen_fu@163.com

ПРОБЛЕМЫ НАВИГАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Тайваньский пролив уникален с точки зрения международного права. Он относится к тем акваториям, где часты случаи пиратства и вооруженных ограблений, а навигационная безопасность находится под угрозой. В статье приводится обзор геополитических характеристик Тайваньского пролива, истории пиратства в проливе, а также детальный анализ вызовов и ответов на них в регионе.

Автор дает подробную характеристику правовому статусу Тайваньского пролива. В частности, с точки зрения международного морского права воды Тайваньского пролива могут быть разделены на три категории: территориальное море и внутренние воды Тайваня и материковой части Китая; специальные «контролируемые воды» и «запрещенные воды» от островов Цзиньмэнь, Мацу и Вучиу вдоль побережья материкового Китая; ИЭЗ в средней части пролива.

В статье рассматриваются также вопросы безопасности судоходства, пиратства и терроризма, приводится историческая справка о пиратстве в Китае, включая Тайвань, даны возможные ответы на вызовы и угрозы безопасности.

В заключение статьи предложены практические предложения по улучшению существующих мер в этой области пролива для лучшего раннего выявления угроз безопасности. Автор указывает, что успешное противодействие преступной деятельности на море не может реализовываться в одностороннем порядке, необходимо тесное международное сотрудничество восточноазиатских стран. Большой упор при этом должен быть сделан на профилактику и «раннее обнаружение» вызовов безопасности.

Ключевые слова: Тайваньский пролив, навигационная безопасность, пиратство, международное сотрудничество.

Kuen-chen Fu, Director, Xiamen University South China Sea Institute, KoGuan Chair Professor of Law, Shanghai Jiao Tong University, Editor-in-Chief, *China Oceans Law Review*, LL.M., SJD, University of Virginia. Shanghai, PRC. E-mail: kuenchen_fu@163.com

NAVIGATIONAL SECURITY ISSUES IN THE TAIWAN STRAIT – YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

The Taiwan Strait has a unique place in the international law arena. It has been an area where piracy and armed robberies are common and navigational security is threatened from time to time. This paper will review the geo-political characteristics of the Taiwan Strait, the history of piracy in the strait area, and further comment on the challenges and responses in the region.

The author gives a detailed description of the legal status of the Taiwan Strait. In particular, according to the international law of the sea, the waters in the Taiwan Strait may be divided into the following three categories: the territorial seas (and internal waters) of Taiwan and China Mainland; special «controlled waters» and «prohibited waters» of the off-shore islets of Kinmen, Matzu and Wuchiu along the coast of China Mainland; the EEZ in the middle part of the Strait.

The article also covers the issues of navigation safety, piracy and terrorism, the historical background of piracy in China, including Taiwan, the possible responses to the challenges and threats to security.

In conclusion, the article offered practical suggestions for improvement of existing measures in this area of the Strait for better early detection of security threats. The author points out that the successful response of criminal activities at sea cannot be achieved by unilaterally implemented measures; it requires international cooperation of East Asian countries. Greater emphasis should thus be placed on prevention and «early detection» of the security challenges.

Keywords: the Taiwan Strait, navigational security, piracy, international cooperation.

Introduction^{*}

The Taiwan Strait has a unique place in the international law arena. It has been an area where piracy and armed robberies are common and navigational security is threatened from time to time. This paper will review the geo-political

^{*} This paper is based on the ppt presentation made in the International Symposium on “Safety, Security and Environmental Protection in Straits Used in International Navigation: Is International Law Meeting the Challenge?” 9~11 September 2011, Istanbul, Turkey.

characteristics of the Taiwan Strait, the history of piracy in the strait area, and further comment on the challenges and responses in the region. In conclusion, this paper will offer practical suggestions to improve the existing measures in this strait area for a better, earlier detection of any threats.

1. The Taiwan Strait and its Geopolitical Characteristics

The Taiwan Strait is located in the southern most part of the East China Sea and the northern most exit of the South China Sea (See map 1). The marine area lies between Taiwan Island and the provinces of Fujian and Guangdong on the China mainland. The southern edge of this strait is located at about 22° north latitude, between Er-luan-bi of Taiwan's southern tip, and Hui-lai of Guangdong Province. This is also the widest part of the Strait, which measures about 350 nautical miles (nm). The northern edge of the Strait is located at about 25.5° north latitude, between the mouth of the Dan-sui River of northern Taiwan and the eastern shore of Ping-tan Island of Fujian Province. The width in this part measures about 135 n.m.

In general, strait area has very shallow with the exception of the Penghu Channel, lying between the Island of Taiwan and its offshore Penghu Islands (The Pescadores), which measures 177 meters in depth. By contrast, the submerged «Taiwan Shoal» at the center part of Taiwan Strait's southern mouth measures only 25 meter averagely in depth.

The eastern shore of the Taiwan Strait is mainly sandy, with basically straight shorelines and very few harbors. Gaoxiong, Taizhong, Taipei and Keelung are the four major harbors. On the western side of the Strait, however, the coastline is zigzagged with many natural harbors, such as Fuzhou, Meizhou, Quanzhou, Xiamen, Dongshan and Shantou.

Since 1949, after the successful establishment of the People's Republic of China (PRC) government, two Chinese governments have exercised jurisdiction over the Taiwan Strait area. While the PRC government controls the Chinese Mainland on the western shore of the strait, the Taiwan (ROC) [1] government controls the Island of Taiwan, its off-shore islets on the eastern shore of the strait, and some other islets on the western shore of the Taiwan Strait, i.e., Kinmen, Matzu and Wuchiu. Because these few islets are in such close proximity to the Mainland they are all enclosed within the PRC proclaimed territorial sea baselines, while remaining under the jurisdiction of Taiwan.

On 2 December 1954 the United States and Taiwan signed the «Sino-American Common Defense Treaty» to maintain a military balance between Taiwan and China Mainland. However, in 1979, with the changing course of diplomatic winds the United States unilaterally abandoned the Common Defense Treaty when Washington recognized the PRC as the sole legitimate representation of China. Taiwan, nonetheless, continued its friendly relationship with Washington, and gradually improved its relationship with the PRC government.

An important step was taken on 31 July 1991 when Taiwan promulgated its «Statutes on the People's Relationship between Taiwan Area and Mainland Area». The so-called «Taiwan Area» was defined as including Taiwan, Penghu, Kinmen, Matzu and other territories under the contemporary jurisdiction of the ROC (Taiwan). And the so-called «Mainland Area» indicates all the other parts of the ROC territories under the contemporary jurisdiction of China Mainland. The constitutional concept of «One China» was pragmatically legalized in Taiwan for purposes of furthering the development of cross Strait activities. In short, constitutionally, the ROC continues to define itself as «the China», that includes Mainland China, while the PRC also defines itself «the China», that includes Taiwan.

II. Status of the Taiwan Strait under international law

International law of the sea, as reflected in the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, recognizes different categories of Straits according to which different rules of passage apply. The general rule of passage for straits used in international navigation connecting one part of the high seas or the EEZ to another part of the high seas or EEZ is transit passage [2]. In addition non-suspendable innocent passage applies in straits where routes of similar convenience exist through the high seas or EEZ ; in straits between an island and the mainland if a route of similar convenience exists between the high seas or EEZ; in straits between the territorial sea of a coastal State and the high seas or EEZ and (4) and in straits governed in whole or in part by a long-standing international convention.

However, because of its history and political developments the Taiwan Strait presents an interesting legal situation. From the international law of the sea aspect, the waters in the Taiwan Strait may be divided into the following three categories:

1) The territorial seas (and internal waters) of Taiwan and China Mainland: Sovereignty is exercised respectively by each of the two Chinese governments based on the principle of «One China», and in accordance with the territorial sea baselines proclaimed by the two Chinese governments [3].

2) Special «controlled waters» and «prohibited waters» of the off-shore islets of Kinmen, Matzu and Wuchiu along the coast of China Mainland: Interestingly, these islets and their surrounding «controlled» and «prohibited» waters are all located within the straight baselines proclaimed by the PRC in 1996, i.e., in the internal waters of the PRC. But they are under the jurisdiction of the ROC (Taiwan). A tacit agreement was reached in 1992 when the two governments' white-gloves met in Singapore, and created this very unique situation [4].

3) The EEZ in the mid part of the Strait: With the exception of the territorial sea (and internal waters) of the Penghu Islands, which are under Taiwan's jurisdiction, the central part of the Taiwan Strait is part of the Mainland Chinese EEZ

that is subject to the parallel jurisdiction and control of the two governments within the context of the “once China” policy [4]. Again, a tacit agreement exists between the two Chinese governments ever since the civil war days that allows a roughly median line in the Taiwan Strait that separates the two jurisdictions.

In short, the Taiwan Strait is rather unique in the eyes of international lawyers.

Both sides of the Strait have adopted the «One China» policy under their respective Constitutions. However, at the same time, the PRC and ROC have respected the de facto sovereign rights and jurisdiction of each other over land and waters, including the Taiwan Straits, in accordance with contemporary international norms.

III. The Security, Piracy and Terrorism Issues in the Taiwan Strait

History of piracy in China and Taiwan region

The issues of security, piracy and terrorism are very closely linked and should not be treated separately. This is particularly true in today’s international community. However, under international law, piracy is much more precisely defined and regulated both domestically and internationally than the other two issues. For this reason this paper will focus on the subject of anti-piracy (and armed robbery) measures in the Taiwan Strait.

In China’s long history, the Taiwan Strait was notorious for piracy crimes. During the Ming Dynasty (dates) and the Qing Dynasty (dates), the significant number of pirates and acts of piracy at sea was one of the principal reasons for the emperors to issue edicts prohibiting ships to sail to the marginal seas neighboring China without special permits. That included the Taiwan Strait and the South China Sea. At that time, some local pirates cooperated with foreigners from Japan or Europe (Portugal and Dutch) to fight against the Chinese emperor’s navy. The Battle of Liaoluo Bay was a prominent example.

The battle occurred in the year of 1633, off the coasts of Fujian and Kinmen in the Taiwan Strait area between the Dutch East India Company and the Chinese Ming Dynasty’s navies. It was one of the largest naval engagements of the 17th century involving a total of fifty warships, one hundred small fire ships, twenty Dutch warships and fifty allied pirate ships [5]. The battle was fought at the southern coast of the Island of Kinmen, in Liaoluo Bay. The Dutch fleet, under the command of Admiral Hans Putmans, was attempting to control shipping in the Taiwan Strait, while shipping and trade in the southern Fujian sea traffic was protected by a fleet under the command of Brigadier General ZHENG Zhilong who, before surrendering to the Ming Dynasty emperor, was an infamous pirate leader, according to many Chinese historians.

The battle began with ineffectual skirmishes that lasted for months. The decisive encounter finally took place on October 22, 1666, when ZHENG’s fleet

encountered the nine remaining Dutch ships which included fifty Chinese pirates who had joined the Dutch fleet ships from Chinese pirate allies. The eventual victory of the Ming navy, however, did not bring much luck to the Emperor Chong-zhen who was later killed by the Manchurians, after which the Ming Dynasty was replaced by the Qing Dynasty.

The problem of piracy during the Qing Dynasty became even worse. During 1790–1810, piracy crimes rose to a new peak in Southern China. A fast growing population in the Southern Chinese provinces forced many of the people to leave their farm lands and turn to the ocean for their livelihood. Some of the people became fishermen and some became pirates. During this twenty year period some roughly 50,000–70,000 pirates existed in this region, including in the South China Sea, the Hong Kong area and the Taiwan Strait. Among them, ZHANG Bao-zai, ZHENG Yi and GUO Po-dai were the most notorious [6].

Because of the Xi Shan Rebellion in Vietnam, the new Xi Shan Government invited the Chinese pirates to fight against the NGYONG Family in southern Vietnam and the ZHENG Family in the north. During the late 18th century Vietnam became an asylum for Chinese pirates [7]. Although the Chinese Qing Dynasty government had been alerted, no serious military actions were carried out against these pirates until after 1802 when the NGYONG Family defeated the Xi Shan Government. The NGYONG Family then began to collaborate with the Qing Dynasty to destroy the pirates. As a result the pirates split into six different groups/banners (red, yellow, green, blue, black and white banners). Eventually internal fighting began which caused a decrease in number of Chinese pirates.

The November 1809 Battle at Chi-La-Jiao, which took place where the new Hong Kong Airport is located today, brought to end what where the «golden years» for the Southern Chinese pirates. After this battle, the leaders of the largest pirate groups, Zhang Bao-zai (red banner) and GUO Po-dai (black banner), began fighting against each other. Both pirate groups were then repeatedly attacked by the Qing Dynasty navy. Eventually the pirates all surrendered to the Qing Dynasty in 1810.

Today, pirates continue to exist in the Taiwan Strait and the near-by waters of the northern part of the South China Sea. However, probably because of the strong military surveillance and marine police patrolling forces deployed by both Taiwan and China Mainland along the shores of the Taiwan Strait, pirates in this area are not as active as those in the southern part of the South China Sea. In regard to issues of terrorism and security the pirates in the Taiwan Strait northern South China Seas do not pose a serious threat. While piracy in this area poses a potential threat the risk has progressively decreased following the political rapprochement between the Chinese Taiwan and the Chinese Mainland in the 1990s.

In this author's view, the only critical issue concerning piracy in the Taiwan Strait area is the lack of any statutory definition and punishment for the «crime of piracy» under the PRC Criminal Law. Although Taiwan has in its Criminal

Law the statutory provisions on the punishment of the «crime of piracy», China Mainland, on the other shore of the Taiwan Strait, does not have this statutory provision. Because criminals can only be punished according to statutory criminal codes – this is a very basic legal principle, thus, this legal gap has to be filled by the PRC National People’s Congress. It cannot be satisfied through judicial lawmaking in the PRC courtrooms.

Piracy is defined in Article 101 of the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) as follows:

«Piracy consists of any of the following acts:

(a) any illegal acts of violence or detention, or any act of depredation, committed for private ends by the crew or the passengers of a private ship or a private aircraft, and directed:

(i) on the high seas, against another ship or aircraft, or against persons or property on board such ship or aircraft;

(ii) against a ship, aircraft, persons or property in a place outside the jurisdiction of any State;

(b) any act of voluntary participation in the operation of a ship or of an aircraft with knowledge of facts making it a pirate ship or aircraft;

(c) any act inciting or of intentionally facilitating an act described in subparagraph (a) or (b)».

The 1982 UNCLOS essentially codified the customary international law rules on piracy. And while the PRC is a party to the 1982 UNCLOS, the lack of a parallel domestic definition for the crime of «piracy», or similar act, as provided in the UNCLOS, poses a legal problem. In order for the Chinese officials to prosecute an act of piracy committed in the Taiwan Strait or neighboring seas, the PRC needs domestic law.

The 1998 «M/V Chang-Sheng», an important piracy case that took place in the Taiwan Strait area provides an excellent example of this critical issue. According to China News Agency, on 10 December 1999, the Medium People’s Court of Shanwei City, Guangdong Province commenced trial procedures against pirates. However, these pirates were prosecuted for crimes of «robbery» and «intentional man slaughter» and not for the crime of «piracy» [8]. The principle Indonesian suspect, Suoni WEI and Chinese gangster, WENG Si-liang, together with the other thirty-six other charged suspects were also charged with the crimes of «drug use», «possession of weapons without permit» and «hiding criminals». According to the prosecutors, these «gangsters» disguised as control policemen committed three cases of «hijacking vessels at the sea».

The first case of hijacking at sea was committed on 7 September 1998. The «gangsters» left Shanwei on an iron-hulled ship and sailed in the southern part of the Taiwan Strait for two days. Then they captured the Singaporean flagged tanker “The Louisa,” which was carrying 5,500+ tons of palm oil. Armed with knives and guns, the gangsters boarded «The Louisa» and robbed the crew.

The second case of hijacking at sea took place at the end of September 1998. A group of pirates sailed from Raoping, Guangdong Province to the northern part of the South China Sea, and captured a foreign vessel carrying sugar cane juice. They also robbed the crew.

The third case took place on 15 November 1998 with the same gang of «pirates» that had attacked and robbed the Louisa. Many of the pirates were dressed as armed border control policemen. The following morning they intercepted the «M/V Chang sheng» which was carrying coal. After boarding the vessel the «pirates» roped, gagged and handcuffed a crew of twenty-three. The pirate leader HUANG Wei-zhong together with other pirates robbed the vessel and then sent samples of the coal to WENG Si-liang in Rao-ping City to attract his purchasing the coal. WENG also ordered the pirate Souni WEI to kill the entire crew and throw them over board. Souni WEI obeyed and brutally carried out these orders. They then sailed the «M/V Chang Shen» to a foreign country, sold the vessel with its cargo on board, and shared the criminal booty.

According to the news report, twenty-seven privately-retained lawyers and five public lawyers that were designated by the court appeared together in the court procedures against these pirates. In addition to the criminal charges, the vessel owner, the Hong Kong based Hui-Bo Shipping Limited Company, asked also for a civil monetary compensation of US\$3,100,000. While the China News Agency described the offenders as «pirates» many times, they were never charged with the crime of «piracy», but with other related crimes. The prosecutors never employed the word «piracy» in their prosecution.

This 1998 case involved Chinese nationals and Chinese flagged ships, and occurred in the territorial sea, contiguous zone and EEZ of the PRC. Thus there was no disagreement on the legitimate judicial jurisdiction of the PRC. However, had the case involved non-Chinese nations, foreign flagged vessels/aircrafts and occurred in the «high seas», then there would have been a controversy and disagreements as to the existence of the judicial jurisdiction of the PRC over the case – unless there is a statutory provision for the punishment of the «crime of piracy» in the PRC Criminal Law.

The key point is that the crime of «piracy» is subject to universal jurisdiction. Whereas, the crimes with which the «pirates» or «gangsters» were charged are not subject to universal jurisdiction under the 1982 UNCLOS or customary international law. If only the above mentioned crimes of «robbery», «manslaughter», «possession of weapons without permits», «hiding criminals» and «hijacking vessels at the sea» are defined and provided for in the PRC Criminal Law, and not the crime of «piracy» including applicable punishment, the People's Court of the PRC cannot exercise any judicial jurisdiction over those foreigner «pirates» for acts committed the high seas.

A newly released report by the London-based International Maritime Bureau (IMB) on piracy issues in this region underscores the need for the PRC to adopt

domestic laws on piracy. According to IMB, while stronger regional cooperation has reduced piracy in the Malacca Strait over the past five years, at the same time, this has resulted in moving some of the pirates to the South China Sea [9]. According to the figures released by the London-based International Maritime Bureau (IMB), the number of actual and attempted piracy attacks in the Malacca Strait dropped from eleven in 2006 to two in 2010. The main reason for the decrease was a coordinated regional program named the «Eye in the Sky», which included shared aerial reconnaissance and surveillance efforts by Indonesia, Malaysia, Singapore and Thailand. The program began in 2005, with Thailand joining the program later in 2006. The result was a significant decrease in the rate of piracy events in the Malacca Strait.

By 2009, the Malacca Strait accounted for 45 out of 406 piracy incidents globally, or eleven percent. However, the geographical focus of the problem has shifted eastward into the South China Sea where the number of attacks has increased, especially around the Natuna Island, which is under Indonesian jurisdiction. According to the IMB report, the number of piracy attacks in the South China Sea increased significantly from only one reported case in 2006 to more than 30 in 2010 [9]. If this trend continues, piracy in the Taiwan Strait, or the northern part of the South China Sea, will become an even more serious problem than now. Already, cases of piracy attacks in this region were on the rise, even prior to the above mentioned regional program in the Malacca Strait. Following the relaxing of cross-strait exchanges in 1989, there was an increase in attacks against Taiwanese fishing vessels by Mainland fishing vessels in the Taiwan Strait and its vicinities. For example, on 5 May 1992, the Xin-Fu-Yi 168 from Nan-Fang-Ao, Taiwan, was attacked by Mainland pirates; on 14 May 1992, the Jin-Hui-Hong 61 was also attacked by Mainland pirates [10; 11].

In sum, with the increase of piracy attacks in the Taiwan Strait area, the two Chinese governments are paying greater attention to this issue.

IV. Responses to the Challenges

Facing the challenges of increased piracy and armed attacks against vessels in the region, particularly the Taiwan Strait area, the PRC government has continuously responded with some sort of action. In 2008, the Ministry of Communication and Transportation increased its investment in marine search and rescue (SAR) services in the Taiwan Strait and its nearby water areas. Also, it has encouraged further collaborations between the SAR entities in both Chinese Taiwan and Chinese Mainland [12]. In the same year, the first Taiwan Strait Marine Surveillance Base was completed. The China Review News Agency, citing Da-Gong-Bao Daily, described the first Taiwan Strait Marine Surveillance Base (Xiamen Marine Affairs Bureau Dock) as an 80-meter long dock, 12- meters wide, with a bridge measuring 77.5 meters in length 5 meters in width, located between the Dock of Song-yu Islet and the Bo-tan Oil Dock in Hai-cang District.

The Marine Surveillance occupies 201.5 meters of coastline with a land area of 9,446 square meters. The natural water depth in the dock and its pool, where ships turn around in the port to change directions, is able to sustain operations of any Coast Surveillance ships of 1000+ tons or that of 60 meters long. This base will significantly reduce the response time by marine patrolling vessels to reach any site of distress in the Taiwan Strait area. In addition, the new based also includes landing areas for Marine SAR helicopters.

The Xiamen Marine SAR Commanding Center, which serves as the brain for coordinating and commanding all SAR activities in the Taiwan Strait areas is located right next to this Taiwan Strait Marine Surveillance Base is. According to Xiamen Marine Affairs Bureau officials, the largest law enforcement vessel to date, a new sixty-meters long patrolling ship will be docked in this base [13]. In addition, two more large docks in Zhang-zhou and Dong-shan were also under construction.

On 20 January 2010, the Xiamen University and Shanghai Jiao Tong University organized the «Cross-Strait Seminar on Marine Search and Rescue and Salvage Cooperation». This was an historic meeting as for the first time in history, officers of Taiwan's Marine Patrol Agency, which is similar to the United States Coast Guard, entered into China Mainland for the discussion. More than thirty participants from both sides of the Taiwan Strait attended this seminar. The workshop proved successful and on 20 May 2010, a second workshop on Cross-Strait Coastal Radio Service Collaboration was convened and chaired by Xiamen University. The participants urged that the meeting should be held annually in furthering the common interest for maritime SAR services and humanitarian purposes. The workshops also produced other concrete results. Five months after the second workshop, on October 16, 2010, the first joint SAR exercise was successfully conducted in the Taiwan Strait area.

In addition, the PRC has also been increasing its capability to respond to the challenges of criminal activities at sea. An article by Prof. Lyle Goldstein in 2009 vividly described the Chinese Coast Guard as lagging far behind other countries' coast guard strength in the Pacific region, particularly that of the US and Japan [14; 15]. Most of the vessels used by the China Coast Guard under the Ministry of Public Security for this purpose are less than 500 tons. There are few helicopters and planes. According to Goldstein, the larger marine patrolling vessels (type 718) are 1500 tons, about 100 meters long, and are installed with thirty-seven mm machine guns. Because of the lack of marine policing capacity, the PRC had to use many different marine forces to ensure marine security during the 2008 Beijing Olympic Games. This included the China Coast Guard under the Ministry of Public Security, the Marine Safety Administration (MSA) under the Ministry of Communication and Transportation, the China Maritime Surveillance (CMS) under the State Oceanic Administration, the Fishery Surveillance under the China Fishery Law Enforcement Command (FLEC) of the Ministry of

Agriculture, and even the PLA Navy. Collectively these forces intercepted thousands of vessels ensuring the security and success of the 2008 Beijing Olympic Games.

While the 2008 Beijing Olympic Games was a successful case of coordination of different marine forces, there are many other not-so-successful cases that can be found in the Chinese marginal seas, including the Taiwan Strait. The popular expression of «Jiu-Long-Nao-Hai» or «nine dragons playing in the seas» means that there are simply too many (nine totally) marine forces in China for law enforcement at sea. The resolution of this problem continues to be a challenge. The PRC government has attempted to unify the marine law enforcement forces, but until now these efforts have not been successful. The Taiwanese Chinese government had also experienced similar problems. However, Taiwan succeeded in resolving this matter by unifying all of the marine law enforcement forces into one single Marine Patrol Agency in 2001.

In 2008 China Maritime Surveillance (CMS) established a satellite communication network. The DVB-RCS satellite communication system with the capability of handling 100 vessel-carried stations simultaneously was installed. The system covers all the marine areas under the Chinese jurisdiction, including the Taiwan Strait. In tandem with the CMS satellite system the China Marine Surveillance (CMS) also substantially strengthened law enforcement capabilities by establishing regular marine surveillance over the entire marine area under the jurisdiction of China. The North Sea, the East Sea and the South Sea surveillance regions have been sophisticatedly designed and are electronically monitored continuously by CMS.

These measures alone with not, however, ensure the eradication of piracy or armed robbery from the Taiwan Strait. The current trend of more pirates moving their «business» toward the South China Sea and Taiwan Strait highlights the need for greater cooperation from nearby countries and entities.

Acts of piracy and armed robbery against ships are of tremendous concern to the International Maritime Organization (IMO) and to the world shipping industries. The need to prevent and suppress these acts led to the adoption by the IMO in December 2002 of measures to improve security on ships and in port facilities [16]. IMO's long-term anti-piracy project began in 1998. Its aim has been to foster the development of regional agreements on implementation of counter piracy measures. For example, The Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against ships in Asia (RECAAP) for the Straits of Malacca and Singapore was concluded in November 2004 by sixteen Asian countries.

The success of RECAAP raised the question of whether a similar regional project, together with its Information Sharing Centre (ISC) for facilitating the sharing of piracy-related information, be a model for the Taiwan Strait area between China Mainland and the Taiwan government? There are three reasons why it should:

1) Although Taiwan has not been involved in inter-governmental negotiations in this region as China Mainland, Taiwan has been eager to engage in coordinated anti-piracy and regional marine security measures with all the regional entities, including China Mainland.

2) Although Taiwan, regarded as a «non-state entity», is not able to join many of the United Nations and the IMO conventions the anti-piracy project has never been regarded as open only to «states». In recent years, especially after the thawing of cold war ideologies in the Taiwan Strait area, Taiwan has participated in some of the South China Sea collaborative activities.

3) As a result of the now «almost» routine cross-strait meetings between the two Chinese governments' white gloves, the Strait Affairs Association (SAA) in Beijing and the Strait Affairs Foundation (SAF) in Taipei, have lead to agreements between Taiwan and China Mainland to cooperate on marine safety and security issues.

Article 4, paragraph (1) of The Cross-Strait Joint Combating Crimes and Judicial Mutual Assistance Agreement, signed by the two parties on 26 April 2009, lists as the crimes for joint combating activities to include: manslaughter, robbery, kidnapping, smuggling, illegal arms, drugs, slavery and organized illegal smuggling of stowaways. Article 4, paragraph (4) of the same agreement further includes the crimes of hijacking aircrafts, vessels and other criminal acts related to terrorism [17].

In addition to the increased collaboration between Mainland China and Taiwan, the IMO should be expected to play an even more important role in the Taiwan Strait for purposes of combating piracy and armed robbery against vessels. In the short-term, a regional agreement for the South China Sea and Taiwan Strait similar to the 2009 Djibouti Code of Conduct Concerning the Repression of Piracy and Armed Robbery against Ships in the Western Indian Ocean and the Gulf of Aden [18], which aims at large scaled combatting against serious piracy, might not be necessary. However, a system of national focal points and information centers, together with the current IMO reporting system and some other safety related conventions, e.g., SOLAS (Safety of Life at Sea) and STCW (Standards of Training, Certification and Watch-keeping for Seafarers), would be an essentially positive development for the Taiwan Strait. After all, if the two Chinese governments in the Taiwan Strait area might work more collaboratively under the auspices of the IMO, the maritime security challenges would be met more satisfactorily.

FOUR: Conclusions and Suggestions

The threat of piracy and armed robbery in the Taiwan Strait, while not serious today was a serious problem in the past. This Strait, historically notorious for piracy, needs to garner the close attention by the two Chinese governments and also other parties with maritime interests in the security in this vital channel of maritime

communications. The successful response of criminal activities at sea cannot be achieved by unilaterally implemented measures. Certainly, both China Mainland and China Taiwan assume the primary responsibilities to combat piracy in the strait. Furthermore, other Eastern Asian parties such as Japan, North and South Korea, Russia and the ASEAN countries need to coordinate for ship reporting and information sharing. Without question, a comprehensive approach is required to deal with piracy and armed robbery crimes – not just in the territorial seas or EEZs in the Taiwan Strait, but at the high seas annexed to the Taiwan Strait also. In order to accomplish this Mainland China should, at the minimum, promulgate on an urgent basis her statutory law concerning the «crime of piracy». Taiwan, the other main stakeholder of the Taiwan Strait should also amend its related criminal laws. Unlike China Mainland with no domestic law on the crime of piracy, the problem with China Taiwan is that several of its related criminal laws do not correlate with the 1982 UNCLOS definition of piracy. China Taiwan should adopt the UNCLOS definition, simplify its requirements for defining those acts that constitute the crime of piracy, and consider changing its «capital punishment ONLY» policy for the crime of piracy. After all, capital punishment cannot help demolish piracy. Instead, it might attract more. This theory have already been elaborated by many criminologists. It is needless for us to repeat it here.

More emphasis should be placed on prevention and «early detection» in anti-piracy actions. Experience has shown the limited utility of measures taken after the act of piracy has been committed. For example, according to a recent report, in the case of Gulf of Aden, the use of military means to free hijacked ships off the Somalia coast, though successful, resulted in reprisals. According to the same report, while military intervention can help deter piracy, it offers at best a temporary solution. On the other hand, the Combined Task Force (CTF 151) and EU NAVFOR had on various occasions managed to identify and intercept suspected pirate skiffs, thwarting potential attacks. «These successes all share the same trait – early detection – through patrol and reconnaissance activities by the maritime forces, though more often as a result of early reporting by the targeted vessel». The report indicates that «[i]t is vital that all ships comply with the Best Management Practice (BMP) guidelines as its first line of defense, but many vessels are still not doing so».

This report further brings to mind a point made at the beginning of this paper: One of the main reasons for fewer cases of piracy or armed robbery in the Taiwan Strait in recent years has been the deployment of strong military forces in this area by both China Mainland and Taiwan. In addition to the simple use of force, another option to ensure the success of anti-piracy activities would be a comprehensive plan of improved VTS (Vessel Traffic Services) scheme and the coastal radio service system in the Taiwan Strait area.

The VTS usually works with the port authorities in the vicinity of a harbor. Approaching ships should report to the port authorities with VHF channel 14 when they

are 20 nautical miles away from the destination port (usually in the contiguous zone area), and then 5 nautical miles away from it (territorial sea area) for the second time. The VTS center will identify the vessels with their AIS (Automated Information Systems) facilities, and help them enter into the harbor safely.

In Taiwan, various port authorities offer VTS services (with different names, though). But, they do not offer this service beyond their port vicinities, or in the EEZ parts of the Taiwan Strait. In Taiwan, only the Keelung Coast Radio Station offers radio surveillance, tracing and communication services for various ships in the Taiwan Strait area, including the EEZ area. Similarly, in China Mainland, only Xiamen Coast Radio Station provides radio surveillance, tracing and communication services in the Taiwan Strait area, including EEZ area.

The result of the lack of a comprehensive surveillance system in the Taiwan Strait creates the following problems:

(1) The possibility of unattended radio transmission gaps in the strait area, existing possibly in the extremely zigzag coastal corners along the western shore of the Taiwan Strait;

(2) Foreign ships not do not call at any ports along the Taiwan Strait will not report to the VTS centers when passing through the strait;

(3) Taiwan has not been invited to join the regional Tokyo Memorandum of Understanding on Port State Control and as a consequence is not able to obtain data from other port states' ship control (PSC) data. This creates an important gap in the ability of Taiwan to take preventive measures against vessels;

(4) Because there is one single centralized competent government agency in charge of the entire Taiwan Strait area, the administration of these VTS and radio station services has been localized and ineffective in both Taiwan and China Mainland [20];

(5) There has been very limited interchange between the China Mainland radio stations and the Taiwan stations.

If further improvements could be made to the VTS and coastal radio station services operating in the Taiwan Strait area to ensure that their services cover the entire region, including all ships whether or not they call at ports in the Strait, this could significantly improve the ability for the earlier detection and interception of acts of piracy (or armed robbery), and eventually preventing future occurrences.

Lastly, in addition to IMO ship reporting systems, in coordination with other strait user states, regional information centers that cover the South China Sea and the East China Sea should be established. Focal points should also be identified and notified to all ships approaching and leaving the Taiwan Strait area. These measures will serve to promote peaceful uses of the waters of the Taiwan Strait where instead of military vessels and pirates colorful private yachts and international merchant navigational vessels bringing trade and prosperity can sail side by side, safely without any threats of piracy or armed robberies.

REFERENCES

1. The Republic of China was established in 1912. After the People's Republic of China was established in 1949, the ROC has gradually lost other countries' recognition. With a few countries still recognizing it, the ROC exists in Taiwan area, and has maintained a constitution claiming that there is only one China.
2. The United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), articles 37, 38(1) and (2).
3. On 15 May 1996, PRC announced its territorial sea baselines. See: The Statement of the PRC Concerning the Territorial Sea Baselines of the People's Republic of China. On 10 February 1999, Taiwan also announced its territorial sea baselines. See: The Executive Yuan Order (88) Nei-Zi No. 06161.
4. Taiwan's Ministry of Defense issued its Proclamation (81) Zhao-yang zi No. 4217 on 7 October 1992 to establish the «limited» and the «prohibited» zones around all the islands under Taiwan's jurisdiction. See: Taiwan's Presidential Office Gazettes No. 5628.
5. Battle of Liaoluo. *Wikipedia, the free encyclopedia*. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Liaoluo_Bay (accessed 2 August 2011).
6. South China Sea piracy. *Wikipedia, the free encyclopedia*. Available at: <http://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%8F%AF%E5%8D%97%E6%B5%B7%E7%9B%9C> (accessed 2 August 2011). (In Chinese).
7. Mu Dai-an, Liu Ping. *Piracy in Southern China: (1790-1810)*. Beijing: China Social Science Publishing Co., 1997, pp. 35–38.
8. *China News Agency. 11 December 1999, 10:40*. Available at: <http://www.sina.com.cn> (accessed 15 July 2001).
9. Minnick W. Piracy Shifts from Malacca Strait to South China Sea. *Defense News*. 2011. 28 February. Available at: <http://minnickarticles.blogspot.com/2011/03/piracy-shifts-from-malacca-strait-to.html> (20 August 2011).
10. *Min-Zhong-Ri-Bao*(民众日报). 1992, 31 December, p.7.
11. *United Daily*. 1993, 10 February, p.7.
12. Helping S&R at the Sea, the PLA Navy Established the First Marine Surveillance Base in the Taiwan Strait. *China Review News Agency report*. 2008, 23 July. Available at: <http://www.chinareviewnews.com> (20 August 2011).
13. *China launches its largest patrol vessel*. 2012, 28 July. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-07/28/c_131745029.htm (20 August 2011).
14. Goldstein L. The Chinese Coast Guard Development: Challenges and Opportunities. *China Brief*, 2009, vol. IX, iss. 23, 19 November, pp. 5–8.
15. *The Global Times*, Beijing, 22 November 2009.
16. *Piracy and armed robbery against ships*. Available at: <http://www.imo.org/OurWork/Security/PiracyArmedRobbery/Pages/Default.aspx> (accessed 20 August 2011).

17. Cross-strait cooperation in combating crimes and judicial assistance agreement. Available at: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2009-04/26/content_11260584.htm (accessed 20 August 2011). (In Chinese).

18. IMO Doc. Council Document C 102/14 Annex, 29 January 2009.

19. Currently there are 18 VHF transmitting/receiving stations, 8 MF and/or transmitting and 7 MF/HF receiving stations on the shore of Taiwan and its off-shore islands. All these stations have only various radio equipments. All marine security information has to be released by the Keelung Coastal Radio Station. It has the equipments and capabilities to give vocal broadcastings whenever there is any major distress occurrence in the Taiwan Strait area. See: Lin Bin. Management of Maritime Safety Affairs in Taiwan. *Journal of Taiwan Maritime Safety and Security Studies*. 2010, no. 1, pp. 6–1.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт – директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Кузнецов Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук, профессор, директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung) – председатель Правления, Шин Ил-образовательный фонд, Сеульский Cyber университет, Республика Корея.

Пак Ноенг – декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel) – заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен (Kuen-chen FU) – профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu) – председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, Director of the School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor of Law, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chair of Constitutional and Administrative Law Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Alexander I. Korobeev, LL.D., Professor, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, S.J.D., LL.D., Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President FEFU, Dean & Director, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir S. Kuznetsov, Ph.D. in Economics, Professor, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Kuen-chen FU, KoGuan Chair, Professor of Law, KoGuan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Lee Se Ung – Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in History, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sneider Daniel – Deputy Director of the Center for Asia-Pacific Studies behalf Shorenstayna Stanford University, USA.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

Научный
и общественно-политический
журнал

2013
№ 2 (29)

Главный редактор

В. И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч. Р. Айриш, П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Е. П. Жариков,
С.Д. Князев, А. И. Коробеев, В. С. Кузнецов, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В. Ф. Печерица, Н. Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Редактор Т.Л. Федотова
Компьютерная вёрстка С.А. Стогний

Подписано в печать 20.11.2013.
Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. 16,00. Усл. печ. 16,12.
Тираж 200 экз. Заказ 626.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690950 г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10